

Александр Акимов

За Марциалом без билета

Научно-фантастическая повесть

Книга III

Казахстан, осень 2035 года
Заброшенная военная база Мёртвая Гавань

2066 – 2006

Аннотация: Жанр - авантюрная повесть. Время и место действия – осень 2035 года (год Кошки), заброшенная военная база на юге Казахстана. Военнопленный немецкий математик Вернер ф.Маннхейм трудился здесь над созданием советского ракетно-ядерного оружия. Зашифрованная Маннхеймом голограмма приводит сюда дирижабельную археологическую экспедицию. Казалось бы, уникальный *MVM Codex U.* (т.наз. Украинский папирус) вот-вот достанется охотникам за бесценной рукописью. Однако за древними папирусными свитками уже давно ведут охоту международные корпорации и секретная полиция...

Контакт: Автор будет признателен за отклики, а также предложения по продвижению этого произведения на рынке. Пишите на мейл **zamartialom [at] mail.ru** cell phone/ SMS +38 050 730 40 47

Копирайт: Первое издание книги 3 – Якутск, Whales&Balloons, 2066_год.
© Текст на русском языке по версии Славоник 2.0/2.1 – Александр Борисович Акимов, 2006. Электронная публикация на сервере **www.proza.ru** Регистрационное свидетельство №№ **1707200334, 1707200336, 1707200337, 1707200338**. Авторские права на опубликованное литературное произведение охраняются законодательством Российской Федерации.
Книга 2 и Книга 4 «За Марциалом» для широкой публики не публиковались.

Предупреждение. Перед вами – литературный вымысел. Все действующие лица, имена, события, а также географические наименования - выдуманы автором. Совпадения с реальными лицами, фактами, географическими объектами носят чисто случайный характер.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие. Синописис Книг 1 и 2. Почему и каким образом искатели приключений, ведомые старинным курсоуказывающим автоматом, прибыли на дирижабле к перевалам Зюнгории (горная система Джокер)	3
Дирижабль «Гадитана». Судовая роль.	5
Глава 1. Перевал. Четверг, 27 сентября 2035 г. Дирижабль «Гадитана» прибыл в запретный район. Поочерёдно рассказ ведут Юнга и Доктор	6
Глава 2. Горный проход УЛИТКА. 27 сентября 2035, вечер. Полигон Два Генерала, первые часы	10
Глава 3. "ВОШЛИ !" Пятница, 28 сентября 2035 г. Рассвет. «Полковник с мостика смотрел на северо-запад»	14
Глава 4. Незавершённый банкет. Пятница, 28 сентября 2035. 10:30. Рассказывает Юнга.	18
Глава 5. Высадка девяти матросов. Пятница, 28 сентября 2035. Вечер. Рассказывает Юнга.	24
Глава 6. ASYLUM (УБЕЖИЩЕ). Пятница, 28 сентября 2035, вечер. Первая экскурсия Юнги. *Юнга жадно ловил косуль визиром фотокамеры	29
Глава 7. Пояс КУМИХИМО. Суббота, 29 сентября 2035 г. Продолжаются записки Штерчи - описание приключений Юнги в заповеднике Два Генерала. * Плетение пояса кумихимо по технике не менялось последние 12 тысяч лет	32
Глава 8. Высадка пяти офицеров. С борта эвакобота нам открылся Ырамбаг. Рассказывает Доктор. 29 - 30 сентября 2035 г.	37
Фрагмент 9_1. Дневник Полковника. 30 сентября 2035 [Описание боевого знамени Красновооздух]	--
Глава 9. Подземный Форт. Воскресенье, 30 сентября	42

2035 г. Доктор продолжает рассказ о высадке на грунт.	
Глава 10. Сверлённые Горы. Воскресенье, 30 сентября, полдень. Третий день в горах. - Рассказывает Юнга.	46
Глава 11. Авантюризм Или Расчёт? Как это называется? Взгляд назад из 2066 г. Тридцать лет спустя. Соображения КаВтоРанга по поводу событий субботнего полдня, 29/IX/2035 14.00 судового времени	50
Глава 12. Сталактитовый Зал. Воскресенье, 30 сентября 2035, шестая вахта. Рассказывает Юнга	54
Глава 13. Шведский стол и гадание на Марциале. Ночь с 30/IX на 1/X 2035 г. Накануне штурма... Рассказывает Доктор.	60
Глава 14. Штурм. Понедельник, 1 октября 2035 г. Далее события раннего утра, в понедельник, описывает Юнга.	62
Глава 15. "Одна она не выстоит!" Понедельник, 1 октября 2035 г. Рассказывает Юнга	65
Глава 16. Дельтаплан "За ВДВ". Вторник, 2 октября 2035 г.- весь день. Наедине с Гайией. Рассказывает Юнга	69
Глава 17. Сквозь бурю на дирижабле, в одиночку. Среда, 3 октября 2035. Юнга продолжает свой рассказ	73
Глава 18. Ты дома, кук-суккыр*! События 3-5 октября 2035 – Юнга в плену у пиратов. Продолжение рассказа Юнга	79
Глава 19. Скелет архара. Пятница, 5 октября 2035. Наступает развязка событий. Рассказывает Юнга.	85
Глава 20. Фламенко на тресе. 5-6/X.2035. Юнга завершает рассказ о злоключениях на грунте.	90

Предисловие к PDF-изданию книги 3, 2010 год

«...порассуждать о Марциале,
в конце письма поставить VALE»
А.С.Пушкин

[Повторение фрагментов предисловия к Книге 1]

...Юнга не нашёл ничего лучшего, как заняться составлением текста, авантурной повести, повторяющей классический «Остров сокровищ». Ему, видите ли, захотелось в литературной форме (т.е., бессовестно искажая факты) описать экспедицию, участвовать в которой ему посчастливилось.

Сжатый пересказ (синописис) По одной из легенд, повесть об археологической экспедиции 2035 года написана не в 2042-м году, как уверяет Юнга, а в 2065-м, т.е. тридцать лет спустя. Изложение грешит пост-модернистской хаотичностью. Надеемся, читателю поможет сжатый пересказ романа (Книги 1-3).

2035 год. Молодой малороссийский провинциал, Роксолан-2, покидает родной город и больного брата-поэта, чтобы принять участие в авантурной экспедиции на дирижабле "Гадитана". Цель экспедиции - разыскать в горах Центральной Азии, на заминированном и заражённом радиацией полигоне "Мёртвая Гавань", драгоценные папирусные свитки, прижизненное издание скандально известного римского классика Марциала. Роксолан-2 приобретает друзей - дирижабельных "волков воздуха", а также могущественных врагов - агентов международного чёрного рынка историко-культурных ценностей. Он вырывается из тесного мирка обывательских представлений и находит любовь. В результате интриг дирижабельного кока мисс Казйлии под угрозой оказывается "Гадитана" и весь её экипаж.

Публикации начала 21-го века (хакеры-транскроналы).

Полный текст книги первой и третьей «За Марциалом» был опубликован в 2007 году, 13-20 июля году в Рунете на сервере ПРОЗА.РУ [ref], с получением сертификатов на авторские права, – как TXT-файлы.

Кроме того, эти же две книги публиковались с января по июль 2007 года на сервере НАРОД.РУ [ref]– как набор HTML-файлов (текст и немного картинок).

Книга 2 и Книга 4 повести «За Марциалом без билета» для широкой публики не публиковалась ни в каком виде.

Читает ли кто-то эти электронные публикации? Кто-то читает. Статистика чуть ниже.

Было ещё одно издание – бумажное – в 2004 году. Назовём это перво-издание «макет книги Первой». Это был макет, предусматривающий издание массовое. – Бумага – газетная, обложка – мягкая, формат – удобно ложающийся в ладонь 84x108/32. Объём – страниц 200. Бестселлерное, прямо скажем, издание предусматривалось, 11-м кеглем рубленого шрифта Arial.

Полноценное бумажное издание всех четырёх книг романа (повести) «За Марциалом без билета» - цель автора. Для широкой публики в январе 2010 года была выложена для бесплатного скачивания Книга 1 «Роксоланы», опубликованная в виде электронной книги формата PDF. Сегодня вниманию читателя предлагается в таком же виде Книга 3. Она даёт достаточное представление о событиях октября 2035, когда бесценная рукопись была, наконец, извлечена. По замыслу автора, Книга 2 и Книга 4 должны быть опубликованы после того, как удастся заключить договор с книжным издательством.

Текст «За Марциалом» представлялся составителю аккуратно выложенным на удобные для чтения страницы,

снабжённым эпиграфами, буквицами, постраничными сносками.

Возьми же этот текст, читательница/читатель, вот он.

VALE!

Kharkovii Roxolanorum,
AD 2009, 9 Nov

ССЫЛКИ

[1] Translating Martial
<http://www.marshall.edu/classical-studies/mindex.html>

[2] www.proza.ru, имя автора Александр Акимов

[3] www.akimov2035.narod.ru

[4] Martialis Epigrammaton, Teubner, Leipzig, 1986

СТАТИСТИКА.

На сервере Проза.Ру к ноябрю 2009 года зафиксировано 400 читателей повести.

На веб-сайте www.akimov2035.narod.ru текст книги «За Марциалом», а также справочные материалы этой книги запрашиваются в среднем 1500 раз в месяц, среднее число индивидуальных посетителей – 350 в месяц.

Summary. The ribald Epigrams by Roman poet Martialis present surprising similarity with the obscene “malespeak” used by the Soviet military and bureaucracy. Hypothetically, in late antiquity Martialis Epigrammaton Libri have been brought to the nomads dwelling north to the Black Sea, currently Ukraine. Futuristic novel describes the treasure hunt for the “porn” papyrus scrolls over the former USSR at the eve of 2000 years from the Martialis birthday.

СУДОВАЯ РОЛЬ

Дирижабль-шхуна "Гадитана" * Газоизмещение **19,500** куб.м.* Длина корпуса **105** м. * Движительные установки - **3** по **200** кв * Общая численность экипажа - **19** человек * Лётно-подъёмный состав - **18** человек

Судовая Роль

1. Командир судна. Капитан Рошин
2. Начальник экспедиции. "Полковник"
3. Судовой Врач "Г-н Доктор"
4. Старший помощник. Воячек
5. Штурман-2
6. Борт-метеоролог. Градус
7. Радист-1. Хинкс
8. Радист-2. Просвирняк
9. Боатсвейн-Кок. Мисс Казылия
10. Такелажник. "Риггер"
11. Мл.помощник такелажника. Юнга (Роксолан 2)
12. Старший механик. Мисс Джинс
13. Механик-2. Петренко
14. Механик-3
15. Механик-4. "Таможенник"
16. Механик-5.
17. Механик-6.
18. Пассажир-Археолог. "Итальянец Штерчи"
19. Экспедитор-Суперкарго. "Дядька Гайдроп"

Глава 1

ПЕРЕВАЛ

27 сентября 2035 г
Поочерёдно рассказ ведут Юнга и Доктор

Октябрь 2035 года. Дирижабль-шхуна «Гадитана» с восемнадцатью членами экипажа на борту, после длительного перехода, прибыла к предгорьям Зюнгории. Юнга весь дрожит от только что подслушанного им из баллонет разговора механиков-ойлскинов. Ему мерещится заговор.

«—Аэрографическое управление сообщает: Пригодные для атмосферостатических аппаратов глубины незначительны, участок плохо изучен», — произнёс Полковник радостно, и облизнул губы, будто бы съел, нарушая *диету*, ещё одно пирожное из заманчивой вазы, выставленной мисс Казйли на офицерский стол. В кают-компании шло совещание. Пахло кофе и хересом. — «Сообщается о наличии остроконечных скал, разбросанных в ущельях и долинах», — читал он с наслаждением. — «Насколько я понимаю, для того, чтобы наша дирижабельная шхуна, высотой двадцать два метра и длиной сто метров, смогла безопасно пройти под уровнем нижнего яруса облаков, нам нужно...» — он принялся что-то вычислять на

палм-компе, положив его перед собой на белоснежную салфетку. Г-н Доктор смотрел на него с интересом. Капитан Рошин вежливо отвернулся к иллюминатору и его ухоженные ногти слегка постукивали по краю стола. Полковник бормотал: «Возьмём скорость нисходящих порывов — до пяти метров в секунду. Наше время отработки манёвра комбинированного статического-динамического всплытия — две минуты. Маневровый дифферент — десять градусов... Итак, нам нужно...»

«— То, что мы сейчас собираемся делать, вводя судно на мелкий *люфт*» — сухо выговорил капитан Рошин — «...и не имея при этом хорошей карты и лоции, находится в вопиющем противоречии со всеми правилами тропосферно-ходового дела и со всем моим опытом службы». Глядя прямо перед собой, и подкручивая при этом левой рукой ус (знакомый мне признак его раздражённого нрава), он продолжал: «— Те карты, которые выдала нам аэрографическая служба Базы, вызывают у меня очень мало доверия. Ничего удивительного. Мы вошли в районы, совсем до недавнего времени запретные для гражданских тропосферных аппаратов. Естественно, что корректурные документы в открытых изданиях не помещались» — его речь прервалась. Наверное, он подумал о своей завершённой карьере и, сглотив, отрезал: «Другие источники навигационного довольствования для нас не предусмотрены».

Он повернулся корпусом в сторону Полковника — так, немного, для приличия — и проговорил, опережая реплику. «— Я очень попрошу вас сейчас не упоминать голограмму Маннхейма». Он говорил дальше о том, что не разделяет и не обязан разделять сложные мистические теории руководства экспедиции. А также -- биофизические и иные теории. «Конечно, для всех нас... *Гауйя*...», — промямлил он, и затем опять повёл своё. Его дело — выполнение поставленной задачи и сохранность судна. Он тут же поправился «безопасность гражданского судна и выполнение задачи». Таинственные и необъяснимые явления не предусмотрены в уставе навигации тропосфер-

ных аппаратов. Он продолжал говорить ещё и ещё, вытalkingая правильные, чёткие, неопровержимые фразы. А я представлял себе наше таинственную голограмму, этот сгусток бесценной информации, и то раздвоенное зеркальное пятнышко в дальнем углу. И как Полковник рассматривает это пятнышко через лупу давным-давно, в мае 2035 года. Я догадался тогда правильно. Это оказалось изображение Аральского моря, именно в тех очертаниях, которые оно получило не ранее 1980 года. Сейчас этот удивительный древний компакт-диск заложен где-то глубоко в недрах навигационной аппаратуры, его провидческое мерцание направляет зигзаги нашего воздушного корабля. Всё совершенно необыкновенно, празднично, радостно...

Как некстати на этом волшебном, небывалом корабле такой зануда, как наш капитан. Вечно всеми и всем недовольный, ко всему придирающийся... «Почему-то, штурман, нанятый вами, не в состоянии провести удовлетворительный расчет надёжности навигационно-аэрографического обеспечения безопасности дирижабельного плавания *Гадитаны*», — произносит он ещё одно нечеловеческое нагромождение терминов. — «А я, по-вашему, должен рисковать судном и экипажем! Только потому, что запрограммированный сто лет назад курсовой автомат...» Полковник замер, не донеся до губ серебряный зажим с ломтиком краба. Сейчас он даст отпор этому роботу в мундире, этому родимому пятну на романтическом сословии навигаторов воздуха. Музыка в камбузе зазвучала громко, на полную громкость — мисс Казйлия добавила мощностъ плейера.

Доктор поспешил вмешаться. До этого он переводил взгляд то на Капитана, то на Полковника, сейчас подался вперёд, отрываясь от удобной спинки дивана, и сказал: «—Но неужели через эти места за последние пять лет ни проходил ни один гражданский дирижабль? Ведь как нарочно, не далее как вчера мисс Казйлия вспоминала историю про удачливых торговцев, провезших груз шёлка... да, кажется шёлка, через Зюнгорию на Брундиз-

Уральский за двое суток, благодаря какому-то попутному антициклону. Кажется, там упоминался какой-то штурман Белик, или Бялик...» — с этими словами Доктор подлил в рюмки вино, как естественное продолжение вопроса.

«— Капитан не обязан знать по имени всех шкиперов малых дирижаблей» — примирительно сказал Полковник, поднося рюмку к губам и принохиваясь. Рощин, видимо, тоже немного смягчился.

«— Однократное прохождение перевала доказывает только, что здесь есть узкий проход, найти который посчастливилось одной удачливой тропосферной лодке (Капитан принципиально избегал выражения «дирижабль», как неуставного). Только несколько успешных рейсов туда и обратно подтверждают наличие подлинно доступного *фар-люфта*».

В тоне Рощина, за рафинированной вежливостью кадрового офицера, легко угадывалось раздражение. Ему приходилось давать отчёт в своих поступках и решениях! Вступать в дискуссии с дилетантами, нахватавшимися из книг кое-каких знаний в дирижаблеводжении!

* * * * *

Который уже раз судьба экспедиции буквально висела на волоске. Воздух в кают-компании наэлектризован до предгрозового состояния, и мне казалось, что вот-вот Рощин резко поднимется со своего места и произнесёт: «В таком случае я подаю в отставку»... После подобных совещаний Доктор обычно отдувался у себя в отсеке. Когда я приносил туда ему подносик с чаем и свежими булочками, он подмигивал мне и говорил: «Можешь себе представить, какие спектакли разыгрываются между штабистами во время манёвров на бортах воздухоплавательных информационных центров

боевой операции, Си-Ай-Си»¹. На мою недоуменную гримасу он пояснял: «Combat Information Center, обычное применение средних и больших дирижаблей во время больших военных учений».

Дипломатическое искусство Доктора уже не раз спасало в подобных ситуациях. Было одно надёжное средство погасить фатальную размолвку, назревающую между Полковником и Капитаном. Нужно было — перевести разговор на великолепные ходовые качества нашей «Гадитаны», идеально выполняющей команды Рощина. Судно великолепно оснащено, прекрасно подготовлено к походу, экипаж работает слаженно и чётко. Младшие чины прекрасно знают своё дело — и рулевые, и трюмные. Дисциплина в походе...

До сегодняшнего утра дисциплина была безукоризненной. Но об этом позже. Итак, Рощин согласен терпеть сумасбродные цели Полковника, лишь бы ради этого нужно было ещё и ещё раз испытывать уникальную ходкость и манёвренность «Гадитаны». Она способна преодолевать головоломные задачи дирижаблеводства в узкостях, и ей нипочём усложнённые орографических и аэрографических условия. «Гадитана» достойна стоять в одном ряду с незабвенным Эйч-Эм-барком «Эндевер»² и ЕИВ-корветом «Астролябия». Полковник, в свою очередь, великодушно прощает кастовую спесь Рощина. В конце концов, это приложение к романтике оплаченного дирижабельного похода. Такое же, как неизбежная, временами невыносимая, килевая качка.

«— Говорит командир» — разнеслось в динамиках бортовой трансляции — «я принимаю вахту в центральном посту. Наше судно сейчас начнёт входить в циркуляцию со снижением. Мы идём изучать пригодные для средних и больших тропосферных аппаратов проходы в этих горах, которые в ближайшие десятилетия станут транспорт-

¹ — подробно быт на противолодочных дирижаблях во время манёвров описан в ресурсе Larry's Airship Picture Book

² HM-Bark "Endeavor", судно Джеймса Кука

ными путями для экономического развития всего обширного региона Центральной Азии. Возможна банка. Ожидается внезапное появление очагов мощной грозовой активности. Расчётное расхождение в узкостях – двести метров до опасной изогипсы».

Судно начало готовится к рискованному маневрированию. Ещё раз в динамиках труба пропела «Слушай» и командир из центрального поста начал отдавать приказания. Моя голова гудела от недосыпания, тревоги, возбуждения, и необходимости сообщить «нашим» о созревающем на борту заговоре. Таинственное потаённое недоброжелательство переросло в преступную готовность, я был в этом уверен!

Наверное, вполне возможен какой-то упреждающий удар с нашей стороны... Просто быть наготове... Если бы я успел предупредить!... Как некстати этот очередной спектакль, игра самолюбий и амбиций за столом в кают-компании. Опять мне оставаться безмолвной тенью, стоять в углу. Или невидимкой, не глядя в лица, подавать очередную смену блюд. Время, пока мисс Казйли слушает музыку в своей каюте, пока ещё не явились с рапортом механики. А эти *деды* потратили всё это время на препирательства — о чём? Под каким предлогом всё-таки продолжать движение судна в этом горном лабиринте и как обосновать для страховой компании выбранный маршрут; и кто именно в наибольшей степени уполномочен составить текущий отчёт, который уйдёт в анналы Базы с лент чёрного ящика?

По судну объявлено штормовое расписание. Слабая вибрация, которую чувствуют ноги на палубе, или когда кладёшь руку на одну из балок кия, говорит о том, что винты наших движителей начинают вращаться, развивая упор. Судно всё время завтрака и совещания висело с дифферентом ноль градусов с застопорёнными машинами. «Гадитана» то чуть подвсплывала над верхней кромкой *стратуса*, то, после легчайшего манёвра клапанами, подчиняясь вахтенному офицеру поста погружения и всплытия, вновь начинала плавно проваливаться в вату

облаков. И вот «Гадитана» начала оживать, плавно набирая скорость. Плоскости кормовых горизонтальных рулей ритмично поднимаются и опускаются. Теперь, с ходом, именно они удерживают дирижабль на заданном командиром уровне. Что ждёт нас в извилистых ущельях, куда мы устремляем бесшумный ход стремительной стрелы-облака?

Продолжает Доктор, записано с его слов

Судовые латунные часы, висящие на переборке кают-компании, звонкими быстрыми парами отбили склянки. Командир поднялся по лесенке из гондолы в центральный пост и принял управление кораблём.

«— Я вас сменяю, сэр!» — наконец, после подробного доклада о местонахождении корабля, аэрологической обстановке и о состоянии материальной части, он произнёс эту традиционную на флоте фразу, и занял своё место на дисплейной площадке. Обитое красной кожей вращающееся кресло командира стоит так, что ему хорошо видны показания всех основных приборов. Слева от командира, позади рулевых, сидит на своём табурете вахтенный офицер поста погружения и всплытия. Расположенные на пульте приборы позволяют командиру быстро определять высоту дирижабля, курс, скорость хода, дифферент, давление газа в каждом из отсеков газоместил и в баллонетах, углы поворота носовых и кормовых горизонтальных рулей и вертикального руля.

«— С богом, осторожно и решительно!» — Рощин натянул серебристую фуражку, до этого лежавшую у него на коленях. Левая рука придерживала при этом козырёк с вызолоченными ветвящимися накладками, урезанный *под Николая Семёновича [Нахимова]*.

.....

« - Донья Казйлия, донья...» второй механик вяло сопротивлялся. Мне показалось, что мисс Казйлия издала тихое угрожающее рычание. Она стояла как раз на перебор-

ке между медицинским отсеком и центральным постом. На дисплее локатора грунта вырисовывался необычный, сильно пересечённый рельеф.

« - Джонс, для того, чтобы вы чувствовали себя свободнее» - произнес капитан Рощин, не оборачиваясь к вошедшему в Центральный Пост – «я сообщу вам следующее. Мне известно, что вы хорошо ориентируетесь в навигации этих ущелий. Разумеется, вы здесь никогда не бывали» — голос Рощина звучал натянуто и утомлённо, оттого что приходилось разыгрывать эту комедию — «но вы очень старательно учились в техникуме вертолётного резерва, когда надеялись перейти на вертушки, и очень много времени работали на тренажерах. Среди курсантов наибольшей популярностью пользовался компакт-диск, происхождение которого связано с разведывательным ведомством Соединенных Штатов, подготавливающим очередное военное вторжение в Афганистан. И вы, как докладывают, были лучшим лощманом на виртуальных полётах в этих горах».

«— Так точно, сэр! Именно виртуальные полёты!» — в голосе Джонса слышалось явное облегчение. Он понял, что никто не собирается расспрашивать его о связях с контрабандистами.

«— Спускайтесь в рубку и займите место на рулях!»

«— Есть внизу на рулях, сэр!»

Глава 2 УЛИТКА

27 сентября 2035 года, вечер
Полигон Два Генерала, первые часы

Из записных книжек Штерчи

«Шестидесятые, семидесятые годы двадцатого века... Это была эпоха военного противостояния между сверхдержавами Евразии... Несколько проходов между Казахстаном и Китаем, на Тянь-Шане, были начинены военной техникой, укреплёнными сооружениями, складами для ядерных боеприпасов, аэродромами и арсеналами».

*Збигнев Бжезински
Цитата по легенде к старинной компьютерной
военной игре
«May 2, 1969»*

«Полигон Два Генерала расположен внутри одного из небольших хребтов, которыми богата эта часть света. От мира живых людей эта территория отрезана – со стороны юго-востока – высокими и крутыми горами Внутреннего Тянь-Шаня, а с северо-запада – гиблыми песками, которые в состоянии преодолеть только боль-

ише верблюжьи караваны. В конце сороковых – начале пятидесятих годов прошлого века, для транспортировки строительных материалов, а затем и ядерных боеголовок, была построена временная железная дорога через пески, впоследствии демонтированная.

В глубокой древности здесь была одна из крепостей Кушанского царства, центр торговли оловом. Древние люди истопили рудные жилы и сожгли в плавильных печах весь окрестный лес, кое-где покрывавший в древности склоны гор. Их козы и овцы вытоптали небольшие пастбища-джайлау, и дожди смыли плодородный слой.

Пятнадцать столетий природа медленно восстанавливала выжженные склоны. Кое-где появилась трава, и люди с дальних гор стали опять изредка пригонять своих овец. Животные здесь часто болеют – они кашляют, перестают есть, высок процент падежа.

По Старой дороге девяносто лет назад пришли солдаты; подчиняясь инженерам, они принялись копать гору, был построен наблюдательный форт Пустой Глаз, и на полигоне поселились два генерала. В пустыне стартовали ракеты и взрывались ядерные заряды – под надзором Пустого Глаза и для его прихоти.

...

Примерно тридцать лет назад на короткое время полигон опять ожил, когда здесь прятался после неудавшегося путча Второй Министр, сопровождаемый личной гвардией. Затем последовали длительные переговоры, и он отправился в столицу сдаваться. Правительственные войска взорвали Старую дорогу в двух местах и ушли, добавив новые минные заграждения к запутанному ландшафту, до этого уже подвергавшемуся минированию семь или восемь раз. После этого полигон окончательно превратился в необитаемый остров, доступный только отчаянным авантюристам на тропосферных аппаратах. Это и есть пресловутая Мёртвая Гавань, пользующаяся дурной славой даже среди дирижабельных контрабандистов.

Только опытный лоцман сможет найти среди многочисленных вершин вход в узкое изогнутое ущелье-проход, и завести в эту «улитку» дирижабль, медленно снижающийся по спирали со своего статического потолка.

Сложная игра дующего вдоль ущелья низового воздушно-го течения Tide и верхнего волнения Lee, с локальными турбулентностями и мощными «роторами», делают это движение особенно опасным. Страшно представить себе, что в «улитку» каким-то образом отваживались влетать средние транспортные самолёты Красной Армии.

Наградой для штурмана-дирижаблиста в Мёртвой Гавани является прекрасно оборудованная якорная стоянка, большое посадочное поле, великолепно изученная ветровая обстановка. Всегда ровный, как в аэродинамической трубе, очень ламинарный поток позволяет, при необходимости, ставить на грунт заякорённые воздушные корабли, не сдавая за борт ни одного кубометра несущего газа.

Легенды пёстрых гор.

Путеводитель туриста-воздушника
Hitch-hiker's Guide to Eurasia, part IV

Далее рассказывает Юнга

ГАДИТАНА вошла нырком, развернулась в «аппендиксе» – слепом отростке ущелья – и, пятясь, на малом ходу машин, медленно выплыла кормой вперёд из ущелья в котловину.

«-- Есть контакт! Сигнал RAILS принимается устойчиво! Компьютер наземного маяка начинает с нами обмен!» – Помощник-3 свесился с полуюта, его голову можно видеть всем, кто стоит в ходовой рубке.

Скоро бросательный конец привёл на шхуну с грунта якорные тросы.

.....

На северо-западе, за грядой сопки и тугайным леском, открывалась пустыня. Мне показалось, что далеко-далеко, на горизонте виднеется невысокая горная гряда. Впрочем, это могли быть и вечерние низкие облака. Пейзаж рождал смутную тревогу, неясные ожидания и печаль по увядающей планете.

Мы с Риггером заняли наши обычные места на погрузку-разгрузку: он в грузовом отсеке у лебёдки, а я – на наблюдательной полке, отбрасываемой («отваливаемой», тотчас поправился я) в кормовой части пассажирской гондолы. Мисс Казйлия стояла внутри, и её рука гладила мою ногу. Прогнувшись и вывернув голову, я вижу её лицо в обводе иллюминатора, отдраенного над полкой: глаза её обращены на запад. Там, за чёрными сопками, садится красное солнце, и я пытаюсь угадать незнакомое выражение лица моей мисс боатсвейн. Она говорит:

«-- Я слышала рассказы... несколько случаев, когда отсюда пытались уйти в бега через пустыню. Пустыня... это страшнее, чем колючая проволока и antipersonnel-landmine. Уйти не удавалось даже негодьям, которые брали с собой «корову». Ты знаешь, что это такое на блатном языке, «корова»? Молодой и наивный дурачок, которого опытные урки сманивают с собой в побег только для того, чтобы не нести лишний груз воды; чтобы просто зарезать спутника на третьи сутки и выпить его кровь. Вот для чего!»

Она подмигнула мне и послала губами поцелуй. Мы молчали, и я следил за работой якорной команды.

«-- А через горы?» – спросил я у мисс Казйлии. Я знал, что она ещё стоит здесь. Она не ответила ничего.

На грунте уже наступала ночь. «Гадитана» стоит на якорях вровень со средними террасами, облитая последними лучами. На востоке, наверное, сияют снегом дальние горы, но с моего, левого *порт-борта* их не увидишь, команды же «отбой» всё нет.

Откуда она может знать эти места, совсем не похожие на курорт для туристов. Впрочем, я вспомнил странный нрав сэра Брэнсона, одного из зачинателей милитари-туризм, любителя дирижабельных прогулок по Боснии над забытыми минными полями. У богатых свои причуды...

.....

«-- Дирижабельные места?» -- спросил Доктор. Он продолжал: – «Наверное, вертолёт здесь не всегда можно посадить. Мне говорили, что песок и мелкие камни очень опасны на посадке для винтокрылых...»

«-- Вы, я вижу, становитесь специалистом ещё и по воздушному транспорту», – отвечал со смехом Полковник. – «Чего только не видели эти горы! И тяжёлые вертолёты с диаметром ротора сорок метров здесь садились, в нарушение всех инструкций. И даже тяжёлые транспортные самолёты в туман. Вы же видели в скалах, когда мы проходили «аппендикс», наверху сверкнули обломки? Военные люди... У них, знаете, что-то несусветное в голове. Особенная частота альфа-ритма. Да-да, поверьте, это медицинский факт!» – Полковник любил поговорить о тайнах мозга. Он продолжал:

«Здесь был Александр Македонский, привёл армию с боевыми слонами... что они ели здесь, слоны, хотелось бы мне знать? Здесь были татуированные эфалиты на северных оленях перед броском на Согдиану. Тысячи юрт Джучи, младшего сына Чингиз-хана... Танковые дивизии... Очень бойкое место.

Но отчасти вы правы. В последние двадцать пять лет никто не расчищает лётную площадку от камнепадов и от наносимого ветром песка. Солдатиков-то нет, заключённых подавно нет», – он сделал гримасу. – «Посещают ли эти места дирижабли? Хм... Давайте зададим себе деликатный вопрос, кто вёл нашу шхуну...» -- и он пошарил мундштуком по карте, вдоль линии курса, наконец ткнул в нужное место – «вот отсюда, от первой узкости?»

Продолжается рассказ Полковника про появление лоцмана. В кратком пересказе это было примерно так.

«Кто вёл нашу шхуну до входа в улитку? Автопилот Манхейма? Да, так... Не совсем так. Последняя реперная точка была над магнитной аномалией в горах Змеиное Жало.

А дальше? Вы, кажется, были заняты у себя какой-то перевязкой. Я вам расскажу. Масс Казэйлия дважды поднималась *лично* в центральный пост. Сперва были свежечисленные булочки и кофе, потом бутерброды с фигурками из свежих овощей... или нет, наоборот, вначале бутерброды. Одним словом, мы пожираем всё это великолепие, а она кивает в сторону курсопрокладчика и локатора и говорит буднично, как бы между прочим:

«Сэр, обращается она ко мне и капитану Рошину, мне кажется, что когда-то приходилось бывать в этих краях. Здесь есть одна стояночная долина, неплохо оборудованная. Тросовые якоря, маяки-отражатели и всё такое прочее. Если вы рассчитываете немного отдохнуть на грунте...» Одним словом, она эдак деликатно намекает, что в подобранном ею экипаже есть лоцман, который знает, как провести средний дирижабль через хребет-лабиринт и миновать пограничные дозоры. Этот лоцман будет противиться. Ей нужен приказ командира судна и начальника экспедиции. Мы советуемся... мы даём согласие. Но, разумеется, последние мили, по «улитке», шхуну вёл уже сам Рошин!»

Глава 3 «Вошли!»

Пятница, 28 сентября 2035 г., рассвет

"Довольно-таки странное чувство — парить вот так над Полярным морем, первым пролетать здесь на воздушном шаре. Скоро ли появятся у нас последователи? Сочтут ли нас сумасшедшими или последуют нашему примеру? Не стану отрицать, что все мы испытываем горделивое чувство. Мы считаем, что спокойно можем принять смерть, сделав то, что мы сделали. Уж не происходит ли все это от чрезмерно сильного чувства индивидуальности, которое не смогло примириться с тем, что будешь жить и умрешь заурядным человеком, позабытым грядущими поколениями? Это что - честолюбие?"

Запись в дневнике Андре 12 июля

"— Мы вошли!" — Полковник произнес эту фразу ранним утром 28 сентября 2035 года, стоя на мостике "Гадитаны" с бокалом шампанского в руке. Далее на востоке, невидимый за черной стеной гор, из-за горизонта начинал показываться пылающий край солнечного диска, и открытая нам часть неба осветилась нежным жемчужным сиянием. В черных ущельях вровень с нами ползли, вяло струясь в замирающем воздухе, полосы тумана. Обтекаемый нос газоместилища, устремлённый навстречу воздушному течению, смотрел как раз на коническую вершину, возвышающуюся над черной зубчатой линией горного амфитеатра.

На борту царила редкая для моторного воздушного судна, полная, настораживающая тишина. В прошлые недели, в походе, мы несколько раз ложились в дрейф, заходя на гравиметрический профиль. Отыскивали реперные точки, затребованные курсовым автоматом Маннхейма. И ещё мы дрейфовали вчера, перед входом в горный лабиринт, приступая к заключительной части нашего путешествия. У входа в запретную территорию полигон-лаборатории. И вот сегодня моторы молчат, и движение палубы под ногами подчиняется новой, непривычной и посторонней силе. Твердый грунт властвует над заякоренной дирижабельной шхуной и диктует новые правила ее свободолюбивому газовому телу. Если следить за линиями предгорных холмов на траверзе, начинаешь замечать, как снос шхуны то увеличивается, то уменьшается. Медленно задирается нос, и после этого начинается плавный подъем на десяток-другой метров. Затем дифференциал уменьшается и мы снова снижаемся. Якорный трос то уходит за борт, то вновь затягивается через клюз автоматической лебедкой, которая не дает ему провисать и свиваться в опасные "барашки". Звонкие звуки горного потока, струящегося где-то под нами, по невидимому во мраке дну гавани, слышатся громче, чем скрипы такелажа. Ни в горах, ни на видимой части предгорий никаких признаков, что здесь есть люди. Ни огня, ни лая, ни мычания.

Полковник продолжал свою торжественную речь: "Наше экспедиционное судно, наша Т-лодка ошвартована в романтическом, таинственном, не посещаемом людьми, запретном месте. Если бы вы, Доктор», — он произнес в проём, внутрь гондолы, — «представили себе, какое значение в судьбах планеты, в балансе геополитического противостояния, имели события... исследования... В общем, то, что разворачивалось среди этих вот безбрежных песков!»

Придерживаясь за растяжку, Полковник нагнулся внутрь и поставил бокал на боковую полку, снова вынырнул, подставляя лицо ветру. — «И вот мы нашли, мы прорвались, мы стоим на якор!»

Свободной рукой он зябко поправил рукой меховой воротник, еще раз окинул взглядом панораму предгорий и проходов в пустыню. Вернулся, переступив порожек, внутрь штурманской рубки. — "У нас ещё три дня хорошей погоды, может даже четыре" — сказал Полковник, поведя пальцем по аэрологической карте.

Затем он спросил: "Вы чувствуете, какой запах?"

Доктор ответил: "Мне до сих пор кажется, что мои ноздри до верху заполнены выхлопами наших двигателей". Придерживаясь обеими руками за окованную дверцу, он осторожно продвинулся сквозь таинственную невидимую плоскость. Будто мыльная пленка, она отделяла обжитое внутреннее пространство гондолы — от безбрежного наружного вечно меняющегося моря. Сделав несколько глубоких вдохов, будто ныряльщик, постепенно входящий в незнакомый водоем, он продвинулся чуть дальше, ухватился рукой за растяжку, и одной ногой ступил на рубчатую резину мостика.

"— Действительно, свежий горный воздух, без промышленных выбросов. Довольно здоровое место."

Полковник глядел вдоль огромного, слабо светящегося в сумерках тела *Гадитаны* — на север, туда, где, левее и ниже зелёного габаритного огня, под обрезом рулевой плоскости открывались между холмами безбрежные пространства пустыни.

" — Ничего вы не понимаете", — его рука сжимала губчатый черный поручень-обтекатель ограждения. — "Здесь пахнет историей, историей Первой Холодной войны. Ядерным оружием".

Полковник довольно горячо стал излагать историю прошлого столетия, упоминая имена хорошо известные — такие, как Эйнштейн, Ферми, Сахаров — так и другие имена, стать же славные, но совершенно *нам гражданским* не известные.

В центре Евразийского континента (вернее, выражаясь терминами Полковника, на полюсе ракетной недосыгаемо-

сти), недалеко от древнейшего города Хотана, в течение сорока лет процвёл культ Ахримана - Марса. Десятки раз гравитационное поле планеты прогибалось в мгновение нестерпимой вспышки. С рёвом неведомая сила уносила в космическое пространство клочья атмосферы вместе с расставленными на полигоне бетонными зданиями. Заодно, как спичечные коробочки, прихватывала списанные самоходные орудия «ИС» и тяжелые танки "КВ".

"— ... Вот в какое место мы сейчас заякорены и собираемся высадиться на грунт", — сказал Полковник, повернувшись к выглядывающим из дверцы-люка Доктору, второму штурману и дежурному рулевому — "И мы прибыли сюда, заметьте, как частные индивидуумы". Он значительно поднял перст.

"— Вы знаете, Полковник", — сказал Доктор, когда они вдвоем возвратились в кают-компанию и вновь наполнили бокалы — "у меня не раз уже возникало чувство, что вас в нашей экспедиции привлекают отнюдь не сокровище, и даже не тяга к приключениям".

"— Что же тогда? Кстати, где мисс Казйлия, я хочу сделать распоряжение о подготовке торжественного общего завтрака".

"— Я нашел в книге", — продолжил Доктор — "выдержки из дневника Андрэ. Они для меня разрешили психологическую загадку".

"— Мне не очень нравится ваше сравнение", — сказал Полковник, разглядывая вино в бокале — "экспедиция Андрэ³ к Северному Полюсу на воздушном шаре OERNEN-"Орёл" летом 1897 года завершилась катастрофой. А нас ждет полный успех" — он пожевал губами — «Но у нас, действительно, как у Андрэ и Пилатра-де-Розье нет пути назад».

"— Тем не менее, я вижу у вас то же самое настроение, которое запечатлено в дневнике Андрэ. Позвольте проце- ...

³ Salomon August Andree (1854-97), Strindberg, Fraenken

Доктор принялся вслух, выделяя слова "горделивое чувство", "чувство индивидуальности", "можем умереть спокойно", и тотчас пустился в научные рассуждения, упоминая знаменитых альпинистов, воздухоплавателей, и планеристов-одиночек. В его речи не раз появлялись слова "гипоксия головного мозга" и "хохентод".

« — Именно это радостное спокойствие одиночки-индивидуалиста — завершил Доктор свой небольшой дискурс и, перейдя с лекторского тона на обычный, застольный, сказал шепотом: « — А между тем Капитан давно предостерегает ...»

"— Капитан!" — Полковник нахмурился — "Этот капитан вечно недоволен, вечно у него придирки, никогда на его лице мы не видим приятной светской улыбки. Не удивительно, что он не смог сделать служебной карьеры..."

"— Вы не справедливы. ТропоЛлойд-Евразия, когда мы с вами наводили справки, называла его в числе нескольких самых лучших и удачливых".

« — Да-да, конечно" — Полковник умел уступать — иногда.

"— И мы с вами отвлеклись. Опасность мерещится не только капитану, я тоже начинаю ее чувствовать. Мы вошли в это мрачное, угрюмое, запретное ущелье, и на борту у нас, в экипаже..."

"- Что? Что в экипаже?" Полковник возмущённо откинулся на стойку бара.

"— Ночью я перевязывал руку одному из механиков. Ранка пустячная, но все говорят, что это плохая примета".

Полковник раздумчиво сказал: "Да-да, Капитан докладывал мне о происшествии" — было видно, что его мысли заняты чем-то другим. Но вот привычное раздражение в адрес Рощина, привычка съязвить оживили его и он продолжал уже энергично — "...с этими, знаете, ужимками воздушного волка, тоже говорил *плохая примета*. Я склонен видеть за этим происшествием только расшатанную в походе психику. Вы сами читали мне лекции по дирижа-

бельной медицине, и я запомнил, какое вредное действие на психику могут оказывать — в сочетании — хроническая интоксикация, нарушение суточных биологических ритмов в вахтенном расписании, а также индивидуальная психологическая несовместимость. К сожалению, мы собирали экипаж в спешке. В целом, все это пустяк, неприятный пустяк. Что вы скажете?"

"— Возможно", — не сдавался Доктор — "Однако такая экстравертная манифестация кажется мне странной. У настоящего воздушника в подобной ситуации можно было бы ожидать скорее кататонической защитной реакции, ухода в себя".

"— Я подозреваю, что этот Таможенник не настоящий воздушник. Мне очень рекомендовали взять его люди из службы безопасности Дирижабль-пароходства".

"— Вот именно. Вам не кажется, что все эти разрозненные пустячки, мелочи складываются в общую *неблагоприятную* картину" - Доктор наклонился к Полковнику и произнес на ухо — "...картину заговора? Подслушанный Юнгой разговор показывает, что нити сходятся к мисс Казйлии".

« — Conspiracy theory», — пренебрежительно сказал Полковник механическую банальность. Он думал о чём-то своём. Наклонился через стойку, поставил свой бокал внутрь проволочной корзинки. Прошел вдоль кают-компаний, заглянул в необычно безлюдный загончик-камбуз (Юнга в это время помогал Риггеру готовить к спуску десантную "люльку") и, наконец, постучал в переборку, выгораживающую крошечную каюту мисс Казйлии. Никто не ответил.

И потом ещё раз он постучал, уже в потайную дверцу, протиснув плечи внутрь камбуза.

Можно было подумать, что упоминание имени кока в связи с заговором вывело Полковника из равновесия. Вернувшись на свое место вблизи стойки, он повернул легкое дюралевое кресло так, чтобы сидеть лицом к Доктору, и вполголоса произнес:

"— Моего племянника, если не ошибаюсь, обуревают крайне противоречивыми чувства по адресу мисс Казэйлии. И она, вероятнее всего, искусно играет им, то приближая, то остужая... А весь этот ночной разговор, услышанный из баллонета — не сон ли это вообще?"

Он поднялся и долго разглядывал стойку бара, выбирая сорт сигар. Наконец, произнес, сделав выбор: "Наш завтрак должен быть большим и торжественным, и мне бы хотелось, чтобы все было подготовлено и сервировано. Вот это меня действительно тревожит, и наша мисс боатсвейн-кок задерживается".

Глава 4

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ
БАНКЕТ

Пятница, 28 сентября 2035

10.30

Рассказывает Юнга

Как жаль оставлять Риггера. Команда пришла по бортовой трансляции, и нисколько меня не обрадовала: «Срочно явиться в камбуз, выполнять указания мисс боатсвейн». Полковник распорядился накрывать на восемнадцать персон полный торжественный обед из четырёх блюд с десертом.

С Риггером мне хорошо. Хвостом за ним я пробираюсь на мостик, поглядеть, как идёт балансировка якорного такелажа. Затем — в грузовой отсек, где идёт подготовка десантной «люльки» к сдаче на грунт. Для этой операции потребовались все резервные тросы. Я успел побывать с ним в хвостовом баллонете. На просвет занявшегося утра он разглядывал слабины ткани и что-то написал в блокноте «Работы выполнить — на подпись старпому». Не миновали мы и штурманского отсека, где я с открытым ртом старался запомнить хотя бы отдельные слова: «радиус круга безопасной якорной стоянки», «визуальная идентификация приметных радиолокационных ориентиров», «направления текущих пеленгов».

Неужели когда-нибудь я пойму значение этих замечательных выражений и приведу свой собственный корабль «в

чистое от опасностей место люфт-акватории, не ближе чем $2R^{*4}$ от опасной изогипсы».

Винтомоторы несколько раз заводились, развивая упор. Шли тонкие манёвры — регулировка якорных тросов. Затем их гул переходил в характерный завершающий выдох и наступала тишина. Из гондол перекикивались с рубкой, будто через реку, не пользуясь бортсвязью. В необычном прозрачном воздухе, очистившемся от ночного тумана, было слышно так хорошо, что, казалось, мотористы и помощники кричат нарочито громко, сильнее, чем нужно для дела, просто потому, что так торжественнее, праздничнее, веселее. Наверное, так принято, когда дирижабль приходит в гавань. Лучи солнца косо освещали раскинувшуюся чашу гавани. Так уютно выглядели поросшие травой склоны пологих ближних горных склонов. Кое-где их украшали аккуратные толстые зелёные подушки. В дальних лесах среди голубоватой зелени хвойных великанов пестрели золотые и красные пятна лиственных...

Глаз Полковника намётанный в чтении фотопланшетов-аэро, тотчас различил на склонах и в сопках бетонные шапочки блиндажей. Заметил и участки вытоптанной травы на тропях, сходящихся к воротам ангара...

Мне же открывался зелёный, журчащий горной водой, осенённый кружением диковинных ширококрылых птиц, невиданный мной прежде мир — живописных необитаемых людьми гор. Какой контраст с давешними оранжевыми пустынями, единственным украшением которых были чёрные скалы, блестящие от пустынного загара. Свежее, радостное чувство не оставляло меня, несмотря на необходимость вернуться к моим «рабским» обязанностям кухонного пуйра. В иллюминаторы кают-компаний весело светило тёплое осеннее солнце, ярко отсвечивали его лучи на крахмальных белоснежных скатертях, и зайчики прыгали с ножей и вилок на потолочную обивку. Никто

⁴ R — радиус круга безопасной якорной стоянки. Вычисляется по формуле [64], приведенной в наставлении Штурман Дирижаблей, раздел 40.3 Выбор места якорной стоянки Т-судна.

иной, как я же, и лазил полчаса назад, под присмотром Риггера, по багажным мешкам, развешанным на фермах далёкого пятого отсека. (Кстати, совсем рядом с замолкнувшими и невидимыми за тонким пластиком килевой обтяжки, но всё же грозными винтами). Не так легко разыскать было этот картонный ящик «Сервировка - Торжеств. 7-я Дириж.База», стащить его на килевую тропу, доволочь до грузовой палубы. Очередной подзатыльник от Риггера за непристёгнутый карабин страховки. Две переборки, и, наконец, камбузный лифт. Пока серводвигатель отрабатывал нажатую кнопку «вниз», успеваю скатиться по пассажирскому трапу, и уже встречаю в кают-компании подъезжающую полку с ящиком.

.....

Прибор Полковника.

Прибор капитана, старший помощник, Доктор, старший матрос — правый «звёздный» борт, штирборт, стол старших офицеров, вдоль диванчика.

Резервное место мисс Казэйлии в дальнем, «баковом» конце этого же столика, рядом с камбузом.

Бортметеоролог Градус, радист-2, штурман, Штерчи — боковой столик по левому борту, порт-борту, в офицерском отсеке, откидная полка поднимается, когда все сидят.

За дверцей-тамбуром второе расширение кают-компании, вровень с каюткой мисс Казэйлии, диванчик и столик мотористов, шесть персон, включая радиста-1 Хинкса. Он завтракает в этой секции из принципа.

Я раскладываю приборы, будто на шахматной доске расставляются фигуры перед началом партии.

Три вахты назад я думал, что знаю о них всё.

Три вахты назад мы шли по люфту (никогда не научусь писать как в письме из дома «эоловыми путями»), дружный экипаж, воздушные волки, любимцы Люфтвайста, дерзкие и великодушные искатели приключений. Кто-то в «Красном Манометре» просвещал меня относительно психологии дирижабельных матросов: «главное для воз-

душника-торгаша это судно и семья, экипаж. Это одно и то же, единое понятие — судно и семья. Поведение воздушника всегда компромисс, цель которого — бесконечное хождение в тропосферном океане, от фрахта к фрахту, от погрузки к разгрузке. И берег — всегда короткий сон в перерывах между отрезками этого движения».

Что теперь ожидать от людей, после того, что мне открылось в баллонете? Злоба, зависть, страх, предубеждённость — почему они не отступают? Вокруг прекрасные зелёные холмы, голубые стройные ели, чистая вода без подсчёта... Впрочем, сколько раз ТВ показывало нам райские, курортные места — пальмы, фламинго, невиданные животные и неописуемой красоты пейзажи — и там озлоблённые люди размахивают в воздухе автоматами Калашникова, выкрикивают рифмованные ругательства, глядя в щели бронеавтомобилей и триплексы вертолетканонеров. Оттуда за ними следят, с пальцем на спусковом крючке, такие же ненавидящие глаза. «Сумасшедший, больной мир», — говорят обычно наши тётушки, протирая с ТВ-ящика пыль и меняя кружевную салфеточку, подложенную под стоящий на ящике кувшин с цветами.

Короткая речь Полковника прозвучала бледно, никто не хлопал. Бокалы быстро опорожнены и вино льётся опять до краёв. Стук ножей и тарелок, скрип такелажа, время от времени старшина матросов громко читает вслух показания кренометра и высотомера, висящих над столиком штурманов-радистов. Он старательно выкрикивает «высота ?истинная? четыреста семьдесят, дифференциал плюс четыре», и при этом приподнимается за столом и вытягивая шею в направлении «кармана механиков», будто сообщает очень важную новость.

Вторая перемена блюд: стейк и немного жареного картофеля, вино — портвейн 2020 года. Отдадим должное Полковнику — организация банкета на такой высоте (неволь-

ный каламбур), что даже на столах разложены афишки, распечатанные на штурманском принтере, с картинкой метео-прогноза и профилем *Гадитаны*. Все знают распорядок блюд и вин наперёд.

Я меняю приборы, подливаю вино в бокалы на «офицерском» половине кают-компания и пытаюсь предугадать события. Кажется мне или действительно штурман-2 нервничает, а Штерчи, как и я, что-то предчувствует и полон тревожных ожиданий? За тем поперечным столиком — один из узлов психического напряжения, давнишнее противостояние; или это накопившееся за три недели раздражение людей, которые вынуждены каждое утро, подчиняясь ритуалу милейшего и демократичного Полковника, завтракать локоть к локтю?

Вставка от лица Ка-II-ранга.

Много позже я узнал подробности.

Может быть, они прояснят вам, читатель, поведение персонажей, участвовавших в описываемой сцене. Итак, кают-компания дирижабль-шхуны *Гадитана*, полдень 28 сентября 2035 г., второй день нашего пребывания на якорной стоянке полигона «Два Генерала» и день высадки на грунт.

Кстати. Этот заповедный уголок, горный рай, оазис зелёной прохлады среди галечных пустынь «Гоби» и песчаных пустынь «Кумов», имеет второе название. Оно прижилось в среде золотых номадов, кочевников-дирижаблистов, и читатель узнает его на ближайших страницах.

Юнга сервирует стол, затем подаёт блюда, и ему недосуг задумываться слишком глубоко. Его обязанность — следить, чтобы стаканы не стояли пустыми, а опорожненные бутылки не оставались на столе... — да мало ли ещё обя-

занностей у младшего Стюарта. (По совместительству с должностью помощника Риггера, как значилась в судовой роли, полная должность молодого человека, отрабатывающего свой билет на борту недешёвого туристического дирижабельного рейса)...

Не так уж легко лавировать с подносами-судками вокруг тесно сидящих чинных офицеров, расставлять и убирать блюда так, чтобы твои руки в белых перчатках случайно не попали в линии взглядов.

Палуба под ногами, пусть медленно, покачивается и дышит. палуба воздушного судна на якорной стоянке.

Так вот, диспозиция была уже определена. Совсем не вслепую вёл Полковник игру за этим банкетным столом, и не только повинувшись таинственным астрологическим предсказаниям, извлекаемым из составленной немцем-математиком карты-гороскопа «Дженезис».

[Flash-back]

Прошлой ночью, после предварительного якорения и стояночной дифферентовки, когда по судну был объявлен общий отбой и экипажу была выдана порция спиртного «за перевал», Полковник надолго засел в штурманском отсеке. Через выделенный терминал он надолго погрузился в карту-гороскоп Маннхейма. «Вы опять занимались гаруспициями» — спросил Доктор в предрассветный час, вглядываясь в бледное и усталое лицо. Полковник улыбался в ответ загадочно, будто ему одному известно что-то очень важное, не подлежащее пока что разглашению.

« — Я должен ещё поразмыслить над рассказом племянника» — сказал Полковник, возвращаясь к подслушанному мною из баллонета разговору мисс Казэйлии с механиками. Тот напугавший меня разговор был пересказан через Доктора — пришлось довериться. Другого способа не представлялось. А в медицинский отсек мне было нетрудно заглянуть. Дверца камбузного подъёмника на офицерской палубе находится как раз рядом с медицинским.

Опасался, что Доктор отнесётся к моему рассказу скептически и передаст как-нибудь искажённо, ослаблено. В его пересказе пропадет ужас, который я испытал, вслушиваясь в голоса грубые, расчехленные из ножен привычной судовой индифферентности и субординации.

В предутренний час в рубке, в штурманском отделении, Полковник и Доктор, отдраив дверцу левого портового борта, любовались яркой звездой Венус. Обсуждали, каким откроется невидимый за холмами легендарный комплекс садов Ырумбаг.

Мисс Казйлия сделала первый ход.

Мисс боатсвейн-кок вошла с подносом в рубку. На ней было вечернее платье – что оно означало? То ли праздник в связи с прибытием, то ли был это намёк на снятие с себя обязанности? Кофе, печенье, ликёр и сигары — и даже небольшой живой цветок в вазочке.

«Остролодка — *Oxytropus*», определил потом Штерчи. Первый цветок полигона «Два Генерала», принесённый на борт якорными «ныряльщиками».

« — Господин начальник экспедиции, сэр. Докладывает боатсвейн», — произнесла мисс Казйлия, опуская поднос на штурманский столик и начиная расставлять чашки.

« — К чему такие формальности, мисс Казйлия. Я собирался обсудить с вами план банкета в честь благополучного прибытия». Полковник сдвигал со штурманского столика бумаги и одновременно переворачивал листы испанной стороной вниз. Он поднял глаза на мисс Казйлии, и на его полном лице выразился весёлый восторг.

« — У меня неприятные новости для начальника экспедиции» — сухо сказала мисс Казйлия, не отводя глаз — «на борту неподчинение».

Полковник не прекращал восторженно разглядывать мисс Казйлию, особенно эффектную в этом наряде. Чашечка с кофе застыла в нескольких сантиметрах от его губ, так и не опустившись на блюдце, поднятое навстречу пальцами его левой, травмированной руки. В иллюминатор светила утренняя звезда.

« — Что я слышу от вас, мисс коксн. В нашем экипаже — я бы даже сказал в вашем экипаже — неподчинение? Возможно ли?» Далее Полковник довольно подробно и в стройных литературных фразах изложил все положительные результаты и впечатления истекшего этапа похода. Слаженная работа экипажа, говорил он...

Точное выполнение всех требований походного устава, безукоризненная дисциплина продолжал он... — Всё это в значительной степени заслуга того или той, в экипаже, кто отвечает за согласованность работы младших офицеров и рядовых «хендс», кто следит рачительно и заботливо за всеми хозяйственными мелочами, и из чьих очаровательных ручек в буквальном смысле слова вся экспедиция получает хлеб наш насущный. С этими словами Полковник, наконец, поставил чашечку на блюдце, а блюдце — на стол, и сделал движение заполучить эту кормящую ручку для поцелуя.

Мисс Казйлия, намеренно не замечала этого поползновения, и её голос звучал резко, бухгалтерски-скрипуче:

« — Я действительно рекомендовала Вам, девятирех опытных воздушников. Я действительно пользуюсь некоторым авторитетом среди этих людей, из которых многие не имеют другой семьи, кроме как судового кубрика и другого берега, кроме как мой пансион «Красный манометр». Но я не имею права злоупотреблять доверием этих простодушных воздушников. Вы знаете, что это за места? Вы с доктором так жизнерадостно их сейчас осматриваете, будто это траверз Майами-Бич или Гавайи. Как будто мы прибыли катать богатых туристов, тысяча двести баксов с пассажира в час, расходы за буфет отдельным счётом?»

Далее следовал разговор-поединок, нечто вроде фехтовального обмена финтами, ложными выпадами и настоящими атаками, рассчитанными на то, чтобы пробить защиту и достичь остриём живой цели (такое сравнение подобрал Доктор, равнодушный к этому виду спорта). Мисс Казйлия сообщила, что известные Полковнику под назва-

нием «полигон-лаборатория Два Генерала» места хорошо известны многим опытным воздушникам под названием Мёртвая Гавань.

Разумеется, ни один законопослушный и честный воздушник — а именно таких и только таких мисс Казйлия могла рекомендовать в дирижабельную археологическую экспедицию, поддерживаемую руководством Воздухофлота и Шестой Дирижабельной Базы — не бывал здесь лично. Но места эти, пользующиеся весьма дурной славой и запрещённые для посещения тропосферными аппаратами, уже не первое десятилетие облюбованы контрабандистами, чьи скоростные и маневренные дирижабли не боятся ни безумных ветров ЭБЕ, ни тросов аэростатного ограждения, ни истребителей пограничных ПВО.

« — Но не было еще ни разу так, чтобы счастье долго улыбалось тем, кто заходит на стоянку в Мертвую Гавань» — завершила мисс Казйлия. Затем — чётко, раздельно, веско — она выговорила какую-то старинную формулу: «За Мёртвую Гавань не бывает таксы, и я не *подписывалась*» — (она особенно подчеркнула этот пункт неписанной юриспруденции), — когда предлагала своим хендс заключать с вами контракт. Спускаемый радиометр шестого Отсека показывает фон триста микрорентген в час».

Итак, мисс Казйлия в этом разговоре не раскрыла главного: претензий возглавляемых ею мятежников на разыскиваемую рукопись. Из её уст не прозвучало ни намёка на *капсу*, главную цель путешествия. Не было обозначено ни малейшего вождения по адресу баснословного аукционного куша, ожидающего тех, кто завладеет *капсой*. Разве что тонкий намёк можно усмотреть в словах о том, что «за Мёртвую Гавань не бывает таксы». Можно было бы принять их как некоторое объявление о недействительности заключенного при вербовке контракта, и притом в силу причин, зависящих исключительно от руководства экспедиции. Сказывался большой опыт дипломатии.

Впрочем, основное впечатление Полковника осталось таким: «Они всего лишь требуют дополнительного вознаграждения». Примерно в этом смысле он и высказался, предлагая мисс Казйлии применить её власть и талант убеждения, чтобы успокоить, как он выразился, «простых воздушников, способных поддаваться панике и суевериям, как маленькие дети». Да, именно суевериями и детскими страхами, по словам Полковника, окажутся эти мрачные легенды. Какое-то проклятие, обращающееся на всех, посетивших затерянный в горах и отрезанный от окружающего мира минными полями полигон-лабораторию. Что за чушь?

Не давая мисс Казйлии высказать всех упрёков и возражений, несомненно готовых слететь с её языка, Полковник властно завершил:

« — И, конечно, мы все вместе будем прилагать все наши усилия, чтобы экспедиция завершилась полным успехом и чтобы все её участники получили всё, чего они заслуживают. Начнемте с банкета и с праздничного увольнения на грунт» — говорил Полковник, глядя в несогласные и неодобрительные глаза мисс Казйлии. И так далее. Он делал нажим голосом на словах «все», «все вместе», «наши».

Так закончился этот предутренный разговор на нейтральной полосе, на пороге между кают-компанией, владениями мисс Казйлии, и штурманской рубкой, передней частью гондолы, формально относящейся к внутренним помещениям дирижабельной шхуны.

Если это и было объявлением войны, то мисс Казйлия сделала это в такой форме, которая делала честь её дипломатическим талантам и, в очередной раз, давала понять Полковнику и Доктору, насколько скромнее положение этой «доньи» чем она действительно заслуживает. Доктор произнёс, кажется, именно тогда формулу Glass

Ceiling*⁵, характеризую положение мисс Казйлии в гильдии дирижаблей.

« — Кстати, Доктор, что это за радиометр для забортных измерений обнаружился в шестом моторном отсеке?» — поинтересовался Полковник будто-бы между делом.

« — Первый раз слышу, чтобы там был отдельный радиометрический пост», — сказал Доктор, отвечающий по судовой роли за гигиенический контроль в походе. — «Вероятней всего, какая-то самоделка».

Вдомёк ли им было, насколько неслучайно это приобретение механика Джонса, разве могли они догадаться, чья воля и коварный умысел обозначился на линьке, свешенном из хвостовой моторной гондолы.

[Заканчивается Flash-back]

Банкет. Продолжает Юнга

Итак, я продолжаю рассказ о моих наблюдениях в кают-компании во время знаменательного банкета. Остаётся не так много, однако же, самое неприятное.

Капитан Роцин удалился, не дожидаясь завершения. «Кофе, ликер и мороженое мне на перископный мостик, пожалуйста», произнёс он, поднимаясь из-за стола. Вытер губы платком и удалился в рубку, не глядя ни на кого. Это очень походило на бегство. Не думаю, чтобы уход Капитана был частью плана, составленного совместно с Полковником; вероятнее всего, этика офицера-воздушника требовала оставаться в стороне от распрей между распорядителем судна и нанятым экипажем. Пока что это всего лишь распря об оплате, что-то вроде профсоюзного спора. Мы подали третье горячее блюдо, с гарниром и закусками. Подчиняясь дирижёрским жестам Полковника, я наполнял

⁵ Glass Ceiling – классическая формула феминизма, обозначающая скрытую джендерную дискриминацию в иерархических системах

бокалы, рюмки и лафитники, убирал освобождающиеся бутылки и нёс новые. Богатый армейский опыт подсказывал моему родственнику самый прямой путь к развязке.

То и дело, как команда, звучал пригодный на все случаи жизни скандинавский тост. «Скёл!» — выкрикивал Полковник, и его взгляд, скользя по офицерской половине, устремлялся вглубь кают-компания, в матросский синус. Дождялся.

« — Поворачивай назад, начальник!» — Вот, наконец, обрела голос безмолвная механическая палуба. — «Мёртвая Гавань! Приехали!»

Не знаю, было ли им видно с их мест, как глубоко дышит могучая грудь дяди и шевелятся раздутые ноздри — округлённые глаза и широкая улыбка уж точно были видны из любого угла кают-компания (и через щели посудных полок камбуза, за которыми скрывалась мисс Казйлия, добавлю я), ровно как и рука с бокалом, протянутым не глядя в мою сторону за очередной порцией портвейна.

« — Мёртвая Гавань!» — опять выдохнуло из угла ойлскинов — «не было такого разговора, что нас нанимают на поход в Мёртвую Гавань! Триста микрорентген в час на грунте! Мы все начнём светиться через двое суток! Мёртвая Гавань высосет нашу кровь!» — и ещё что-то, довольно нечленораздельное. И вокруг, абсолютно удивив меня, из самого дальнего угла, проталкиваясь, выбрался Хинкс. Он стоял рядом с камбузом, взявшись рукой за поручень тамбура, голос его зазвучал пронзительно и убежденно:

« — Вы отключили штатный курсовой прокладчик и выбросили за борт полётные карты. Нас ведёт этот сундук мертвеца», — и он показал пальцем куда-то вверх, в сторону центрального поста — «проклятый людьми и богом дух немецкого Агасфера. Мы знаем, этот сундук стоял на крови шестьдесят лет!»

Мне казалось, что Хинкс сейчас начнёт, как это бывало, слезливо пророчествовать или обличать.. Его, однако, хватило еще лишь на несколько слов. « — Вы отстранили штурмана. Вы привели нас в проклятое место, в Мёртвую

Гавань...» — и он скрылся. Его, кажется, уложили на диванчике.

Далее наступило характерное смещение голосов, нарастающий шум, когда говорят все, и никто не слушает. По моему опыту в пансионе, я знал что главное — быстро убрать со стола и из-под столов пустые бутылки и вилки. Я справился довольно легко — благоразумные помогали мне — и коробка с опасным грузом ушла в шахту камбузного подъёмника. Я слышал, как в одном конце кают-компании Полковник, постукивая сжатым кулаком по столу, говорит:

« — Я не отступлюсь. Я пришёл сюда не для того, чтобы слушать ваши сказки. Я знаю их давным-давно. И про Люфтгайст, стратосферный рай, наполненный духами китов, переселившихся в газовые оболочки потерянных люфт-суден. И про корабль- призрак, весь фосфорически светящийся, с экипажем мертвецов...»

В это же время за столом ойлскинов звучало: « — Вы хотите погубить нас всех ради рукописей язычника, безбожника».

Полковник продолжал укорять:

« — Вечные сказки, про корабль-призрак! А нас ведёт живой капитан! Во плоти! и он выполняет свой долг, как положено настоящему российскому аэронавту, военвоздуху».

Не слушая Полковника, кто-то из ойлскинов продолжал:

« — Мы знаем, зачем вам нужны эти рукописи — чтобы продать их на Запад, растленным сатанистам. А нам — рентгены!»

Глава 5 Высадка Девяти

Пятница, 28 сентября 3035 года

Вечер

Рассказывает Юнга

« — Я иду к сокровищу, к моему сокровищу. Вот как он сказал. Сокровище принадлежит мне, всё это судно принадлежит мне, вся эта команда принадлежит мне — вот как он сказал, твой Полковник!»

" — Почему это мой? Я только говорю, что жалование он нам действительно проплачивает щедро и в срок. А теперь ещё пообещал тройную надбавку за проход над зоной радиоактивного заражения".

" — Да засунь ты себе эту надбавку знаешь куда? Он нас слушать не пожелал! Он нам глотку этим своим мороженым с персиками затыкает!"

" — Я этого мороженого и не попробовал".

" — Да конечно, ты как получил свой сухопутный паёк довольствия, так тебя сразу перестало интересовать, что мы собирались держаться заодно".

" — А это ловко было придумано: он нам на наши рентгены — по-простому, по армейски — Начинаем работу в режиме дезактивации — мисс Казйлия, приступите к раздаче средства от радиации! — И она из камбуза — нате! Обеими руками, будто печати ставит, две! две! две! бутылки виски *Белая лошадь*, по семьдесят баксов за бутылку!"

Мы стоим в десантной люльке, на узкой полке, плечом к плечу, спина к спине, все руки на поручне. Земля быстро приближается.

" — Высота сто пять!"

Ойлскины пережевывают словесную стычку, всё обсуждают своё "выступление". Полковник, безусловно, победил; вытолкнул их в это увольнение, барским жестом отправил — париться и пьянствовать, топтать твёрдый грунт. Мисс Казйлия, что удивило меня, поддержала его, подыгрывала ему изо всех сил, расписывая команде райский отдых в заповеднике.

Она же и слетала в центральный пост к Капитану, не пожелавшему присутствовать на этом "профсобрании" и обсуждать "трейд-диспют", как выразился Штерчи. Кстати, там же отсиживались ещё двое — штурман и старший матрос; они удалились вслед за капитаном, но сделали это незаметно, извинившись обязанностями.

" — Высота девяносто!"

Ойлскины недоумевают, почему мисс Казйлия не позволила им пойти дальше, выкрикнуть что-то эдакое, накопившееся в глубине, тюремно-лагерное ("авентинское", добавил Штерчи)? Швырнуть бы за борт чёртова Приапа. Оскверняет статуетка собой кают-компанию, в угоду безбожным прихотям этого богатого археолога-дилетанта. (Именно так представляется дядя ойлскинам, невзирая на сухопутное довольно высокое звание перед уходом в отставку). Но мисс ботсвейн-кок, умная женщина, знает: время ещё не пришло. Итак, на том же подносе, с которым она вошла в центральный пост — "Ваш кофе, сэр" — она принесла назад подписанные Капитаном увольнения девяти поимённо, которые и подписал здесь же за банкетным столом, Полковник со словами: "Желаю лёгкого пара!"

Давно мне не давала покоя мысль о самовольной отлучке, о приключениях в каком-то экзотическом и диком месте, где я мог бы ступить на тропы туземцев как "пришелец с неба", "человек с дирижабля". Совершенно немыслимо, чтобы по этой чудесной стране меня конвоировали тени, вписанные в судовую роль. Я вполне достаточно вытер-

пел высокомерия офицеров, издёвок ойлскинов, выворачивающе-сладкого манипулирования мисс Казйлии, моей тайной возлюбленной...

Билет мой оплачен сполна.

Риггер, как мне кажется, не без умысла в походе бросал фразы: «А я вот в твои годы бегал в самоволку не раз и не два...» Дальше следовали рассказы про Харбин, и про Лейкхёрст, и про старые, времён битвы за Атлантику, ангараы противолодочных дирижаблей в дебрях Амазонки. Не слишком ли подробно он знакомил меня с той частью грузового отсека, где хранятся комплекты на случай аварийной посадки, высадки на грунт в малонаселённой местности? «Туточки они у нас — замечай — палатки, одежда, сухие пайки...»

Решение созрело. Решение ли, бездумный импульс... мне просто хотелось попасть в какую-то другую обстановку, и чтобы там была она... Никому не говоря, я укрывался в своём закутке.

.....

Прошли четыре часа, моя подвахта. Я заступил к Риггеру. Мы вывели ни лебёдочную палубу подвесную «люльку» и раздраили грузовой люк на полную длину, как для заправки.

Ойлскины собрались на грузовой палубе, как дети перед пикником. У одного у руках контейнер-корзинка с пирожками и бутербродами, хэмпер-бэг. У другого — свёрток-палатка. У третьего удобный сундучок с бутылками, боттл-кейс⁶ датского производства...

Некоторым не хватило места на палубе. Они стоят строем на килевой тропе, выглядывают через плечи вперёдистоящих, через промежутки между решётчатыми стойками фермы, стараются разглядеть всё происходящее возле

⁶ (Штерчи, знаток словарей, сказал мне, что по-русски есть для этого предмета слово "погребец")

"беседки". На их лицах я читаю смешанные чувства — вызов превосходства по отношению к побеждённым обитателям офицерской палубы, радость отпуска на грунт... И страх перед опасными мгновениями высадки, когда оплошавший или зазевавшийся может быть сбит с ног, затоптан, искалечен.

А как же забыта радиация, о которой было столько разговоров?

В люке с моего места видны блеклые холмы, по ним поползли уже длинные вечерние тени; видны щебнистые осыпи, и, вдалеке, — сине-зелёная полоса тугайного леса в складках рельефа. Там, сказал Риггер, должна быть река. В "беседку" аккуратно подают по одному пакеты, свёртки и мешки; стоящий в "беседке" Таможенник умело размещает и фиксирует их внутри грузовой сетки.

Он весело покрикивает, и несколько раз я ловил на себе его насмешливый взгляд. Я боялся, что он догадается о моём намерении. Его цепкие глаза обыскивают меня. А что криминального вымотришь под рабочим комбезом и тонким свитером. Хорошо, что я предусмотрительно засунул куртку и пояс-разгрузку за топливный декантер.

Не знаю, одобрил бы кто-то из "наших" — Полковник или Доктор — моё решение. Риггер уже наверху, под центральной балкой, за пультом лебёдки: он расплombировал рубильник "спуск", прогазовывает двигатель. Его рука на рукоятке храповика, нога на педали тормоза. Несколько нужных мне минут подарили Капитан и мисс Казйлия. Появление этих двоих, естественно, привлекло общее внимание, повернул голову даже Таможенник. К мисс Казйлии протянуты руки из "беседки", она величественно и элегантно протягивает и левую и правую, перешагивает внутрь; пробирается к блочной подвеске, опираясь на плечи и головы. Здесь её командирское место, она поправляет на шее ремни радиометра и автомата, закусывает зубами свисток и смотрит на Капитана. Мне некогда любоваться стройной шеей мисс ботсвайн. одев "разгруз-

ку" и куртку, я уже обошёл на четвереньках топливный декантер и сижу на малом стрингере, готовый к прыжку.

Капитан Роцин произносит что-то доброжелательное и берёт под козырёк, мисс ботсвайн-кок сигнализирует свистком *майна!*, Риггер даёт гудок "на спуск". Подчиняясь знаку её руки, он сдвигает рычаги.

"— Помалу, начальник, помалу!" — кричат ойлскины, и я, придерживаясь за расчалки фермы, соскальзываю в «люльку», прямо на колени механика-3. Моё лицо уткнулось в спину Таможенника, и я представил, как крякнул Риггер, глядя на рванувшуюся вправо стрелку тросового динамометра.

.....

Да, шесть минут назад и триста восемьдесят метров вверх, мне казалось — достаточным проскользнуть в десантную "люльку", только и всего. Сейчас мы стоим на узкой полке плечом к плечу, руки на поручне, земля быстро приближается, и я понимаю, как мало у меня шансов. Доли секунды решают всё. Стоит замешкаться, и я, чужак и новичок, останусь один на один с мисс Казйлией на полке лифте, то зависающей на подгайдропнике в метре от земли, то опять взмывающей вверх, вслед за раскачиваемой "на потолке" *Гадитаной*. И с грунта на меня, заложника, насмешливо устремятся глаза уверенных мускулистых ойлскинов.

"— Кто на берегу первый, того и рука сверху", — прерывает мои мысли Таможенник, и, будто в шутку, будто для того, чтобы объяснить это идеоматическое выражение *upper hand*, его потная лапища обхватывает сверху мой кулак, обжимая, как тисками, вокруг тонкой трубки-поручня. Приковывает меня к борту. Ему уже видятся, как всё будет через пару минут. Он, как залихватский люфتمان, по команде "ПОШЛИ!" подныривает, вместе со всеми, под поручень, подзависает, ухает, выпрыгивает на грунт. И уже

отряхивает брюки, поднимаясь с колен, уже один из команды, свой — подбегает на поясные: виснуть, швартовать... Мисс Казйлия, стоя на полке, отдаёт насмешливые команды. Несчастный Юнга жалко цепляется в ожидании своей участи... Он, Таможенник, хозяин положения.

Быстро сворачивается чаша Гавани. Кругозор становится более узким, всё более узким, внимание начинают притягивать детали: Где же там песок, нет ли обломков бетона, нет ли штыря старой арматуры? Поднимаются всё выше, обступая нас, каменистые склоны. Скрываются заманчивые дальние зелёные ели и луга среднегорья. Важнейших деталей никак не различить в вечернем освещении. Небольшой скалистый гребень, кое-где покрытый скудной выжженной травой. Сверху, с борта "Гадитаны" он казался малозаметной складкой. Сейчас поднимается выше и выше, заслоняет дальние горы, и я попадаю в масштабы муравья, пешехода, в истинные масштабы ландшафта. Хватит

ли сил добраться до зеленных лугов?

"— Двадцать!"

Мисс Казйлия начинает отсчёт на высадку. Она смотрит теперь на ручной высотомер-локатор, что-то командует механику. Вижу её боковым зрением, не отрываясь от наблюдения за землёй. Она приближается качаясь, набегаёт косо. Но нет же, однако! Глаза сами скашиваются, фигуру мисс Казйлии в обтягивающем серебристом комбинезоне. Как она ловко сидит на поперечине, мисс боатсвейн: её рука взлетела вверх — сигнал Риггеру, — и тотчас ладонь режет воздух влево-вправо.

"Стоп".

Грузовая беседка раскачивается на тросах, гудящих на ветру; дрожит серебристая тонкая сетчатая полка под нашими ногами. Лица бледны. Люди напряжены, опыт многих лет воздушной службы научил их этому страху. Берег.

Мельком гляжу вверх. В пятистах метрах надо мной *Гадитана*, как умиротворённый снаряд. Тросы "беседки" уходят наверх. Там грузовой люк, четвёртый отсек, мой дом...

И рядом со мной потная туша Таможенника, моего конвоира. К запаху алкогольного перегара примешивается несомненный отвратительный запах "дряни", которую он курит тайком в моторной гондоле. По прежнему раскачиваясь, подобно маятнику, "люлька" возобновляет снижение. Грунт уже близок, каких-то пятнадцать-двадцать метров (каких-то! как с крыши многоэтажного здания!) Заметно теперь — выпускающая нас на паутинке рыба-*Гадитана* в своём воздушном рейде томительно подвижна. Вверх-вниз, когда проходит очередная абсолютно прозрачная, невидимая, огромная воздушная волна.

Охватившая меня нервная горячка, дрожь возбуждения, идёт изнутри. Вряд ли Таможенник так проницателен, чтобы читать мои мысли. Вернее всего, он проецирует на меня свой собственный страх. Его рыхлое лицо бледно до желтизны, он боится. Однако не преминул отпустить гнущую шпильку.

" — Дрожишь от страха? Не бойся, мисс Казйлия не приглашает тебя мыться с ней в бане!" — шепчет он мне на ухо. "— Приготовились! Четыре метра!" — выкрикивает мисс Казйлия отсчёт альтиметра и мы опять пошли вверх, поднимаемые невидимой волной, вверх-вверх, на высоту шесть-восемь-десять метров. Следующая нижняя точка, вероятно, будет на отметке метр или два, и с криком "Полундра" вывалятся на все стороны восьмеро. Сейчас или никогда.

"— Пошел ты!" — кричу я ему в ухо из всех сил, выкручиваю свою правую руку вокруг поручня вперёд, так, чтобы пальцы Таможенника начали разжиматься сами собой, одновременно мой локоть задирается вверх и я изо всех сил стараюсь угодить Таможеннику в лицо. Всё это лишь одно мгновение. Следующее — я уже в воздухе, и в моей голове смутно проносятся слова-команды: "в момент уда-

ра стопы должны быть вместе, колени согнуты", и что-то вроде молитвы: ... лишь бы песок, лишь бы песок...

В ушах стоит мой собственный крик, резкий свисток боцманской дудки, свист воздуха... Тишина.

На песке — мелкие волночки, щебень, кустики полыни.

Сильный удар оглушил, и я повалился, перекатываясь через песчаный нанос, мир вокруг меня перевернулся как в рейнском колесе, и в стороне от меня над землёй плаца медленно шла вверх серебряная решётчатая площадка. Я вскочил и побежал.

[Вставка от Ка-П-ранга]

"... вскочил и побежал, нащупывая под курткой мягкую скатку спального мешка, прихваченную второпях..." Так легко и просто. Можно подумать, что и прыжок с высоты семи или восьми метров из раскачивающейся "беседки" прошёл без всякой подстраховки. Наш Юнга кое-что скрывает, то ли из скромности, то ли не желая загромождать повествование излишними, как ему кажется, техническими подробностями. На самом деле давно была собрана и лежала в тайнике сумка-пояс "разгрузка", хорошо скрывающаяся под теплой курткой для наружных такелажных работ. Был и трёхметровый страховочный линёк-банджа^{7*} в специальной рукавной укладке — он-то и смягчил падение.

Нужно сказать, добротный банджик и при двукратном растяжении не порвался. Он волочил упавшего, составляя невидимую ось. Тело катилось — через спину, через колени, через спину... Наконец, катящийся отстёгнул браслет

⁷ (* -- уменьшенное подобие большого резинового амортизатора, хорошо известного любителям спорта bungee-jump)

страховки. Выстрелило, как из рогатки. Взлетев к поручню беседки, туда где пристёгнут его концевой карабин, банджик доставил Таможеннику незабываемые мгновения, лишил его речи на несколько минут.

[Заканчивается Вставка от Ка-П-ранга]

...побежал. В голове была одна мысль "в горы". У меня секунд двадцать-тридцать. Радовало, и казалось важным, что облегчённая на мой вес команда высадки сейчас уходит вверх, выбирая тросы, и затем будет дальше снижать "беседку" до высоты, приемлемой к десантированию. Ноги, на удивление, слушались и я, спотыкаясь, бежал по едва заметной тропе, к спасительному повороту за гребень осыпи. Дышать было трудно.

.....

Но вот вместо горячего запаха каменной россыпи в мою ободранную непривычным бегом гортань вливается прохладная мята, я вбегаю в струю пахнущего травами лугового воздуха. Это были секунды спуска, затем тропа опять подбросила меня, и слой воздуха снова был горячим, душным, пыльным.

[Комментарий Штерчи.]

Беспамятно Роксолан преодолел ручей — а он наиболее полноводен именно к вечеру, и довольно опасен для брода — и бежал теперь по тропе, змеящейся в обход древнего форта.

Глава 6

ПЕРВАЯ ЭКСКУРСИЯ ЮНГИ

ASYLUM (УБЕЖИЩЕ)

Пятница, 28 сентября 2035, вечер

Записки продолжает Штерчи. Его отчёт был составлен по свежим рассказам Роксолана во время совместного заключения

[Стригунья]
Сидит стригунья у Субуры при входе,
Где палачей висят кровавые плети,
Не занята, однако, Аммиан, стрижкой
Стригунья эта. Ну а чем? Дерёт шкуру.

За учёными рассуждениями Полковника и поддакивающего ему Доктора сквозило прагматическое безразличие, реаль-политик. Это были знания, поставленные на службу неправому делу. Так же точно, как математические знания Манхейма девяносто лет назад. Его таинственная система предвычисления событий опиралась на интраскопию геологических структур, магические тексты огнепоклонников, и на поэзию Мартья-Лисс. И при этом -- готова служить целям Гитлера, Берии, Трумэна -- кого угодно. Чем это лучше, чем сиюминутное хищное hand-to-mouth наших ойлскинов?

Роксолан чувствовал: нужно всё начинать сначала. Нужно уйти от людей, сбитых в тесное стадо на шхуне: они кочуют с места на место и не видят ничего, кроме собственных распрей. Он не умеет ещё разобраться в собственных чувствах и в отношениях с окружающими, однако твёрдо знает -- нужно искать самому. Искать ключ к событиям и развязку -- инструмент развязывания. Не участвовать в их сценарии. Не верить в их будущее. Не вникать в их риторику. Увидеть свой мир.

Роксолан бежит сквозь древний город, сквозь заросли редчайших растений. Роксолан бежал до тех пор, пока совсем не выбился из сил. Тропа обогнула каменную осыпь, кое-где сдерживаемую остатками подпорной стены. Ложбина, в которой он оказался, была метров на двести выше плаца, и здесь уже чувствуется зона предгорий, сменяющая собой пустыню. Роксолан, не замечая, пересёк дзорную линию древней крепости Эби-Нур, и на это ему потребовалось примерно десять минут бега, если начинать отсчёт с того мгновения, когда стопы и ладони врезались силой удара в песок и кто-то крикнул: «В сторону, в сторону!» Высадка начиналась, и её законы безжалостны.

Роксолан бежал, не замечая ничего вокруг. Его гнал страх, страх перед несвободой. Тропа вела в места древних событий; волновало же только одно -- не оступиться. Догадывался ли он, что тропа вымощена две тысячи лет тому назад? Да. То есть нет, просто «давно». Почему отсюда навсегда ушли люди? Потом. Сейчас важно только -- убежище. Это место даст убежище такому, как он. Пробежал мимо заваленных осыпью, заросших джиддой вентиляционных выходов древнего подземного города -- не замечал, не догадывался. Топот его бегущих ног, шум катящегося камня, хриплое дыхание неумелого бегуна распугивали животных. Опасливо ушёл выше в горы благородный марал. Замер под

кустом ушастый ёж, гроза ядовитых змей. У Роксолана не было знания этих мест, его вёл инстинкт.

Ложбина у знака была первым привалом беглеца. Далеко внизу остался щебнистый откос высадки, прилежащий к нему плац полигона-лаборатории, и разрушенное полотно старой дороги. Оно тянулось серпантином через горные склоны вдаль, на северо-восток. В дымке, за невысокими хребтами Северного Ограждения, угадывается таинственная, незнакомая страна песчаной пустыни.

Вокруг – пышная растительность и никаких следов человека, не считая заросшей тропы и далёкого столба с обветшалым щитом-предупреждением. Тропу обступают высокие травы, иссушенные зноем ушедшего лета; среди них – пирамидальные голубые ели, по выражению писателя «будто бы застывшие среди трав, остановившиеся в беге с кручи вниз». Крутой подъём петляющей тропы уже давно истощил дыхание Роксолана, заставил перейти с бега на шаг. И вот теперь, достигнув конца подъёма, беглец остановился, осматриваясь. На альтиметре ручных часов – две тысячи метров с небольшим.

Ложбинка-амфитеатр, в которой он оказался, почти не даёт обзора. Кругозор исчерпывается близкими краями укромного тихого места, и над ними волнами, с ощутимым посвистом, перекачивается верхний холодный ветер. Юноша решает, что нужно увидеть дирижабль-шхуну – вероятно, для этого будет достаточно подняться на небольшое возвышение слева от тропы, туда, где на полдороги к триангуляционному знаку склон изрыт сурчиными холмиками. Он преодолевает усталость и нежелание двигаться. Усилием воли сдвигает тяжёлые натруженные ноги, начинает осторожно подниматься по крутому и скользкому ковыльному склону.

Подъём закончен, и он тотчас сел – то ли от усталости, то ли страхась дальнего наблюдателя. Слева от сидящего, куда уходила оставленная на время тропа, за серыми скалами внезапно открылась широкая панорама глубокого

ущелья. Дальше дорога пойдёт вдоль обрывистого склона, петляя вдоль пропасти и всё больше уклоняясь к югу.

Прямо перед собой, в той стороне, куда обращено его лицо, сидящий находит серебристое тело–рыбу, *Гадитану*, покинутый им воздушный корабль, кочевой дом.

Взглядом отсчитал расстояние: по ближней гряде, жёлтой от сухих трав – три складки. *Гадитана* хорошо видна на тёмно-зелёном фоне далёкого пятнистого луго-леса, которым окантован северный борт широкой долины-улитки. Правее корабля, по южному борту долины – обнажённый кирпично-красный обрыв. Охристо-жёлтые полосы – внутренняя структура горы. Это место, где взрывники когда-то спустили огромный оползень, чтобы «подсыпать маленько» площадку аэродрома. Он про себя отмечает: «визируемый угловой размер судна примерно полтора градуса». Пустяки, учебные упражнения. Главный ориентир вот он рядом, триангуляционный знак, венчающий скалистую вершину; до него вверх по осыпям и скалам недалеко, метров сто-сто пятьдесят. Дальше вверх идут хмурые и скрытые тенью каменистые осыпи, серые зубчатые скалистые вершины. Роксолан дышит глубоко, хотя уже и не так часто, боль в гортани всё ещё напоминает о долгом и непривычном беге.

Подземный зверь распушил светлую землю, и хорошо откинуться, как в кресле. Проминая пятно-лёжку в травостое, он забросил под голову свёрток спального мешка и, заложив руки, смотрит в небо, туда, где бегут рваные белёдые облака и парит в вышине над ущельем ширококрылый хищник. Обжитой походный мирок золова корабля нёс его, вплетённого во взаимоотношения. Служба, дружба, зависть, ненависть. Над тайгой, над степями, над иностранными огненно-охряными плоскогорьями-лабиринтами. Постоянно в жёстком распорядке вахт, среди запахов таежной кухни, выхлопа, посудомоечного геля... Кубрик, нары-краватт *bunk*, дыхание соседа, вибрация каркаса. То наполняется, то опадает – дышит – баллонет над головой. Люфтвафсманский поход, рассчитываемый не на сутки, а на со-

тки часов. Внезапно, резко всё то обрезано. Берег. Необитаемый берег. Роксолан вспоминает карту. В этой обширной горной стране, простирающейся на сотни километров, лаборатория-полигон *Два Генерала* занимает всего лишь маленький участок. На карте это неправильный многоугольник небольших размеров. Его длина вдоль меридиана километров тридцать пять, а ширина вдоль параллели «43» — около сорока. Общая площадь заповедника около тысячи квадратных километров.

\\ эпиграф\\

Что же делает она?
Дерёт шкуру

На сухом тёплом склоне, на кочке-сурчине, глядя в небо, Роксолан проспал семнадцать минут, его глаза не закрывались. Затем, скатившись на тропу, сонными ногами, миновав пахучие «подушки» архи-можжевельника, Роксолан выходит к месту, где тропа круто расходится надвое. Внизу, невидимый за елями, журчит горный поток; тропа, уходящая вправо, опускается к воде. Это несомненно. Фляга пуста. Вспомнились яблони, с красными листьями, увешанные плодами, мимо которых на подъёме пробежал, не останавливаясь — боялся погони. Наверное, в этом ущелье, как и в предыдущем, ближе к воде окажутся плодовые деревья? Выходит — спускаться с предгорья, идти направо. Предчувствие, животный опасливый инстинкт предупреждает — не ходи.

Уже ступив на ведущую вниз правую тропу — «туда и обратно, ночевать буду в горах, в чащобе» — продвигаясь по спуску, увидел в разрыв между деревьями: по каньону вверх, по противоположному берегу, бегут две косули. Ус-

пел выхватить камеру и поймал их в визир, как давешнего ширококрылого парителя. Иногда они останавливаются, чтобы взглянуть вниз — назад, в ту сторону, где ручей теряется в чаще тугайных зарослей. Каждый раз, останавливаясь, они прикрываются за кустом или деревом и выглядывают из-за них.

Тропа спускается всё ниже к воде. Отсюда, снизу, верховья ручья с гранитными скалами и снежниками кажутся совсем близкими. Ручей обрамлён ниже по течению густыми зарослями, а здесь, среди камней, видно, что вода прозрачна, как стекло.

Сквозь звонкие звуки ручья, напоминающие музыкальную шкатулку, трудно различать дальние звуки — хорошо слышны только голоса крошечных птичек, скачущих по камням среди струй потока. Действительно ли слышатся людские голоса? Где-то в зарослях, приближаясь со стороны равнины? Роксолан крадётся по береговой трапе к заросшему острову; пригнувшись, медленно пробирается между цепкими колючими ветвями...

На поляне происходит что-то совершенно невообразимое, безобразное, ужасное, от чего хотелось бежать, закрыть глаза, забыть. Кисс Казэйлия хлестала тяжёлым мотком смоченной верёвки матроса, привязанного к извитому стволу сухого дерева. Её лицо разъярено, в красных пятнах. В удалении, под кустами, сидит ещё кто-то, кого Роксолан не смог узнать. С каждым ударом на теле появлялась новая огненно-красная полоса.

« — Кончилась для тебя санаторная вахта у Полковника! Не хочешь по-хорошему, получай сполна! Теперь будет настоящий порядок!» — выкрикивала мисс Казэйлия, нанося удары изо всей силы своего ладного тела.

В чём провинность наказываемого? Что это за *новый порядок* в весёлой прогулке по грунту?

« — Достаточно!» — глухо сказал неузнанный и экзекуция прекратилась.

«— Подумай тут пока что, кто тебе начальник, кому подчиняешься! Что молчишь?» — голос мисс Казэйлии не выражал ничего.

«— Виноват, мисс Казэйли, исправлюсь».

«— Вот и постой тут, исправляйся» — и она удаляется, разрядив свою ярость.

Роксолан дожидается, пока стихнут шаги, медлит — не хрустнет ли ветка, не возвращаются ли тюремщики. Медленно приблизился. Не выглядывая из-за кустов, он окликает привязанного.

«— А, Рокси...» — отзывается привязанный — «вот ты где. Досталось мне, да?»

«— Давай отвяжу?»

«— Не вздумай. Сиди в кустах, слушай, что я скажу. Уходи быстро в горы, подальше, подальше... Дела тут у нас разворачиваются, ничего не понять. В горах живёт отшельник, метеоролог. Мы ему всегда за благополучный проход сбрасываем чай, ящик чая. Некоторые думают, что он — фантом в Интернете. А я знаю, кто он... Капитаны перечисляют ему деньги за метео-сводки на фартовый проход: безлунная ночь, низкая облачность, ровный ветер. Мне тут долго стоять, вот я и разговорился, а ты беги. Садится солнце...»

«— Воды хочешь?»

«— Мисс Казэйлия напоит. Смотри, чтобы *этот* тебя не унюхал, беги. Я не выдам».

Роксолан не понял ровно ничего. Ноги сами понесли его вверх по ущелью, по тропе, вверх-вверх. На ночлег он забрался, цепляясь за выступы почти ровной скалы, в комнату-пещеру, какие вырабатывают здесь ветер и мороз в сплошных гранитных скалах. Местные жители дали им название малых *драконых гнёзд*, в отличие от больших и глубоких пещер.

Глава 7 Кумихимо

Продолжаются записки Штерчи
Суббота, 29 сентября 2035 г.

Роксолан проснулся, окружённый шерстяным пятицветным шнуром КУМИХИМО⁸. Приютившая его на ночь чистенькая пещерка почти не отличалась от привычной каютки *bunk*. Гранитный потолок так же невысоко, почти достигаемый пальцами вытянутой вверх руки.

"Что с винтомоторами?" Небывалая тишина тревожила ухо. Ухо было — будто стопы путешественника, освобожденные после долгих часов ходьбы от привычных ботинок, ступившие на шелковистую траву голой кожей. Временами лежащему начинало казаться, что издали приходит привычное ровное гудение винтомоторов, и тело ощущает легкую вибрацию, дрожание остова воздушного корабля, преодолевающего зону турбулентностей. Огромная волна поднимает его вверх, все выше, выше... Мгновение покоя, и начинается длительное медленное падение вниз.

Движение было совершенно непонятным. Роксолан уже почти полностью проснулся, в сознании твердо обозначились время, место и обстоятельства. Высадка ойл-скинов на грунт Мёртвой Гавани, несомненная угроза, исходившая от Таможенника, общая настороженность, цепкий

⁸ У народов Центральной Азии считается, что шерстяная верёвка ограждает спящего от змей и скорпионов (сообщение О.Мягченко)

взгляд мисс Казйли ... Единственное решение – прыжок из «плюльки», бегство в горы.

Итак, он в уютной пещере, отысканной в быстро спускающихся сумерках. Она оказалась на счастье чистой, без насекомых, сухой, и хранила накопленное в камне солнечное тепло. Вокруг его тела тысячи тонн скалы. Откуда здесь это плавное движение, вверх-вниз, принадлежность золотой кочевой жизни?

На корабле Роксолан усвоил привычку двигаться без рывков и осмотрительно. Он садится, подбирает под себя ноги. Постель из пружинящего лапника душистой арчи очерчена жгутом из спирально скрученных разноцветных шнуров: жёлтый, красный, синий, коричневый, белый. Эти цвета приносят счастье.

Опять неизвестная сила подхватывает, плавно несёт вверх. Юноша упирается в потолок рукой; камень твёрд и Роксолан догадывается – это вестибулярная галлюцинация.

Он наклоняется и рассматривает неизвестно откуда появившийся здесь за время сна знак, послание неизвестной цивилизации. Нужно сосредоточиться, и тогда приступ головокружения пройдёт. И в неярком предрассветном освещении краски яркие, по-детски жизнерадостны и чисты. Разноцветные шнуры сплетены из тонких нитей, загадочным образом скреплены друг с другом. Вещь нова. Откуда она взялась? Что означает этот магический круг?

Спиной к пещерке на сочном зелёном ковре альпийской лужайки сидел закутанный в пёстрый халат казах. Неподалеку, между камнями, на костерке дребезжала крышка, кипел медный чайник.

" — Здравствуйте", — сказал казах на общепонятном языке. Он обернулся, едва только голова Роксолана опасливо высунулась из отверстия в скале. — "Идите, пожалуйста,

горы смотреть". В его вытянутой, указывающей руке — подобранная к рукоятке петлями плеть-камча. "Вот еще одно изделие неведомых искусников", подумал Роксолан, разглядывая камчу, и бросил к ногам сидящего разноцветную верёвку-жгут. Вылезать оказалось на удивление нелегко, ушибленные вчера ноги слушались плохо.

Он проковылял через лужок к краю ложбины, в указанном казахом направлении. Обогнул высокую, в рост человека подушку арчевника, поднялся по гранитному «матрацу» и замер. На юге, поверх близкого хребта, в промежутках между его вершинами, виднелась далёкая цепь снежных гор, сияющая в самых первых, ещё загоризонтных лучах солнца. Этот горный хребет полюбился вчера с первого взгляда, дальний и могучий. А казалось — он совсем недалеко, рукой подать. Чистый горный воздух безоблачного утра нарушил восприятие расстояний.

Сколько времени он стоял, любясь никогда не виданной утренней панорамой, житель равнины? Можно ли описать утреннее видение лучше, чем в старину один путешественник:

"На горизонте тянулся Восточный Тянь-Шань в виде длинной тёмной стены, разрезанной глубокими ущельями и увенчанной рядом крупных зубцов, словно гигантская пила. Эти зубцы сверху донизу были покрыты снегом, который алел в лучах восходившего солнца.

Я впервые видел такой высокий снеговой хребет на всём его протяжении".

Что тут скажешь. Каждый год новые и новые путешественники размещают в Интернете свои фото, сделанные в походе. Удаётся ли им выразить своё, глубинное, личное? Возможно ли такое вообще?

Всё было необыкновенно в это утро, на удивление нехолодное. Из ущелья доносится мелодичное пение незна-

комой птицы. Под полосатым халатом на казахе был европейский пиджак, увешанный приборчиками. Будто читая мысли, казах говорит: "Это ЗОКЧА, памирская галка. Вон видишь, — и он показывает камчой вниз — сама чёрная, а клюв ярко-красный". Из кожаного погребца появился чайный прибор на двоих: салфетка, пиалы, конфетница... Незнакомец вдруг поднялся на ноги. Он подлил из чайника юноше, а сам быстро, почти бегом, подошёл к скалам, и вскоре уже Роксолан видел его стоящим где-то высоко-высоко, метрах в ста выше альпийской лужайки.

Возвращаясь, незнакомец совершал прыжки с камня на камень, удивительные не только для пожилого человека, и при этом что-то вычислял или записывал в палм-комп. Подойдя к костру, он засунул машинку во внутренний карман пиджака. Как ни в чём не бывало, вновь сидел он, прямой и неподвижный, будто картинка в этнографической книге, чинно и неторопливо поднося к губам чай.

Сколько времени прошло? Вряд ли больше часа. По судовому времени сейчас шесть тридцать. Роксолан усажен на коня и незнакомец, взявшись за повод, увлекает гостя, полу-пленника, в свои владения. Они на несколько мгновений задерживаются, приостанавливаясь, на том же гребне, откуда Роксолан, по совету казаха, любовался панорамой дальней могучей горной страны. Сейчас видение уже скрылось в пелене дальних, едва различимых на горизонте облаков.

Замечательный костюм "казаха" довершали новенький, изящный, цифровой бинокль "Минокс" и американский прибор ночного видения. Каждый раз, когда туземный проводник-хозяин в очередной раз быстрыми шагами поднимался на какой-нибудь скалистый уступ, украшенный "английской будкой"⁹, из кармана пиджака появлялся ла-

⁹ устанавливаемый на штативе ящик для метеорологических приборов

донный компьютер Пи-Ди-Эй. Начальник горы что-то заносил в свою базу данных.

Повадка незнакомца живо напоминала Роксолану одну из встреч — давным-давно, в родном городе, за тысячи миль отсюда на западе.

В новеньком, недавно отстроенном магазине — броском, дорогом, напоказ — на боковой лестнице стоял серенький, пожилой человек. Глядя наружу, на грязный азиатско-советский город, на сочетание "татарской грязи, славянской беззаботности и советского фараонства". И было сразу понятно, что это и есть хозяин — красивого магазина, всех аккуратных продавцов и продавщиц, и всех волшебных добротных товаров. И грустно было тому хозяину, грустно оттого, что несбыточная, при фараонстве, мечта — сбылась. Грустно оттого, что так долго этой простой вещи, всего лишь своего магазина, он педагог-математик не мог себе позволить. И грустнее всего, что человек может абсолютно всё, но жить ему потом остается совсем недолго.

Сухонький горный казах с компьютером, владеющий огромными горными угодьями, перепоясанный волшебным шнуром КУМИХИМО, напоминал того всевластного дедушку-педагога в потёртом пальто. "Всякие у меня были ученики, — говорил пожилой математик, — одни выросли генералами, другие... хулиганами... Всякие". И немножко страшно становилось, такая исходила от потёртого грустного человека сокрушительная уверенность в себе. Или еще больше пугала отстраненность от этого, преодоленного мира?

"Спрашивать - нет нужды, и так видно что за человек. — писал сто лет назад один путешественник, посетивший эти края, о проницательности и такте местных жителей. — На лице у каждого написано, отображено и хорошее и плохое, надо только уметь видеть". И далее этот путешественник

продолжает: "А то любопытство, с которым я сталкивался, совсем иное, это интерес к *хабару* — новости. Узнав новое, человек в степи пользуется вниманием, он теперь не простой человек, отличается от других. Чем меньше человек, тем больше он нуждается хотя бы во временном возвышении. А кроме всего человек любознателен".

Тропа, петляя, спускалась по ущельям крошечных речушек в предгорные степи, и отлогие склоны тянулись, покрытые выгоревшим ковылём, типчаком, эфедрой. Затем путники ныряли в следующее ущельице, пробирались сквозь заросли высоких сухих кустарников, распугивали необыкновенных ярких птичек. И карабкались вверх по скалистому крутому спуску, по отполированным крошечным ступенькам очередной Шайтан-Мердвен^{*10}.

Вот ещё один перевал, ветер всё холоднее, чувствуется высота, хоть и небольшая (в этих горах большинство перевалов, расположены на высотах 2 500 — 3 000 метров, Именно поэтому пути миграции древнейших людей, кочевников и охотников Неолита и Бронзы, проходили в этих местах). Дорога петляла и петлял неторопливый разговор, "вопрос-ответ".

Роксолан, непривычный к движению на лошади, осоловевший после короткого сна и раннего пробуждения, вчера только еще стоявший на палубе дирижабля-шхуны, потрясен встречей с горами. Трудно следить за дорогой, за всеми красотами, которые щедро раскрывает перед ним Заповедник, разворачивает тропа, очерчивает рука с камчой. "Гостеприимство".

Кто он сам, заложник? Пленник? Гость? Спасатель? Этот Робинзон не так уж похож на потерпевшего бедствие, на МАРУУНа, одичавшего и галлюцинирующего.

.....

¹⁰ Чёртова Лестница, название оборудованных в древности ступенчатых подъёмов

Похоже, путники приближаются к месту обеденного привала. Тропа, до этого извитая и крутая, петлявшая среди скал и огромных подушек арчевника, превратилась в ровную, полого идущую вверх просеку. По сторонам теперь стояли тянь-шаньские ели, кое-где чередующиеся с более тёмными пихтами. Под деревьями почти не было кустарников, и стояли они так разреженно, что казалось, всё это — тщательно ухоженный парк, не лес. Светлое редколесье, пронизанное полуденным солнцем, чередование хвойных и фруктовых деревьев, необычные формы крон, там и здесь лежащие огромные валуны, причудливо увитые ломоносом, необычные яркие цветы в эту осеннюю пору. Казалось, что сюда перенесён — из богатого пригорода Вестер-боро — один из причудливых садов-парков, окружающих там виллы газовых магнатов, хозяев дирижабельного города Брундиз-Уральский^{*11}.

Возможно, внимание Роксолана привлёк алтайский змееголовник. Или это был золотистый мелколистник? Или крупнолепестковый лён?

В этом светлом радостном парке настроение Роксолана становится все более тревожным и мрачным. Нервозность и тревожность, обусловленная обратной адаптацией после двух недель дирижабельного похода, с его постоянным напряжением и нарушенным суточным ритмом? Нет.

Мысли Роксолана устремляются к одному и тому же, всё к той же теме — и он обрывает себя. Не думать об этом. Слушать внимательно "экскурсовода", сосредоточиться на его коротких, точных описаниях растений и животных, запомнить хотя бы часть увиденного... Это позволит отвлечься. Хочется делать глубокие вздохи, тупо давит в

¹¹ Исследователи отмечают, что ассортимент декоративных растений в горах той страны, небольшой кусок которой генерал Латышев превратил в полигон-лабораторию Мёртвая Гавань, исключительно богат, и что многие представители дикой флоры далеко превосходят своей красотой обычные садовые растения.

груди слева. Действие высоты и утомления? Высота небольшая, тысячи две максимум (над уровнем моря). Что-то еще давит грудь. Мисс Казйлия, "Красный манометр", толстый туркестанский ковер... Долой от себя эти мысли, они сейчас ни к чему, пусть пройдет время. Стоит запомнить — вот та птичка размером с воробья, с хвостом длиной почти в локоть, ярко рыжая, с черным хохлом — это райская мухоловка.

Однако не сам ли "экскурсовод" подталкивает мысли Роксолана назад, к темной яме отчаяния? Не слишком ли точно нацелены вопросы, не выдают ли они глубокое знание воздушной службы, её самых сокровенных тонкостей, соподчинения чинов на борту тропосферного челна, игру служебных самолубий и корыстей. Этот расспрос интрузивный, подноготный, рентгеновский.

Роксолан изо всех сил сопротивляется этому проникновению в потаенный, самому до конца не понятый механизм происходящего в экспедиции.

Чтобы избавиться от мучительных расспросов метеоролога (глядя на "английские будки" и на спокойную властную повадку незнакомца, он решил что это и есть тот самый Чёрный Метеоролог, к которому его отсылал привязанный матрос) он задал вопрос. Наполовину, чтобы переменить тему разговора, наполовину - оттого, что вправду хотел понять.

"— Скажите, кому всё это принадлежит?" Выросший среди торговцев приграничного города, в бетонных джунглях, он впервые надолго оказался наедине с первозданной, ненаселённой природой (*)¹².

Царящее вокруг безлюдье; тихая, ненуждающаяся в человеке жизнь огромной горы и покрывающей её чащи вызы-

вало страх. Куда и почему отсюда ушли люди? Что или кто их изгнал?

"— Хочешь, это всё будет твоё?" — спросил казах.— "Давай вот ту гору назовём твоим именем?".

После паузы, в течение которой они продолжали неторопливое движение по просеке, незнакомец сказал: "— Не хочешь? Ну и молодец. Конечно, я, должен придумать другой способ тебя отблагодарить. Эти вершины, реки и ущелья имеют очень старые названия. Имена вросли в рельеф и занесены в древние карты. Зачем делать вид, будто истории не было? Если ты не против, я тебе пере-скажу одну умную книгу".

После этого он процитировал по памяти следующие строки, известные исследователям археологии Центральной Азии:

"Народы постоянно заимствуют слова, обозначающие интересные новые предметы, с которыми они столкнулись, в том числе имена новых местностей. На китайских картах горные цепи, окаймляющие древнее море Хан-хай, обозначены заимствованными тохарскими именами. Американские поселенцы поступали точно также, заимствуя амер-индианские имена сотнями: Алагэни, Адирондак, Массачусеттс, Наррагансет, Чаппаквиддик, Потомак и т.д. Обычно оказывается проще заимствовать географические имена у местных, чем образовывать их заново, особенно имена ключевых геологических примет-форм, таких как горы и водные рубежи.

Топонимика и археология доисторического периода свидетельствуют, что бассейн Тарима в древности окружала система сторожевых вышек магов-огнепоклонников, удерживавших эти междуграничные пространства.

«— В названиях замков, строившихся в этих горах», — продолжал Метеоролог-Исебчи, уже от себя — «так или иначе входило слово-знак *сигнальный огонь*. Разве это плохое слово для тех, кто пробирается сквозь темноту к цели? Для тех, кто ищет в тумане истории? Ведь ты по-

¹² Примечание Штерчи: Этот "тимор орби" хорошо запечатлен ещё в античности MVM

чувствовал, как одиноко людям в небе? Глядя вниз, на ночную степь, увидел, как одиноко человеческое жильё? Теперь ты знаешь ту тоску, которую первым познал великий Куркут^{*13}».

Намёки незнакомца настораживали Роксолана. Этот человек очень проницателен, в это можно поверить. Но вдруг у него есть какие-то другие, кроме дедукции, способы проникать в тайну экспедиции *Гадитаны*?

"— Меня тоже давно интересует история этих гор", — продолжает метеоролог-отшельник, обтирая что-то об халат. В его протянутой руке лежали красные яблоки, и от них шёл сладкий аромат — "Яблочки! из садов хана Галдан-Церена! Триста лет назад бухарские садоводы здесь на хана трудились", — метеоролог махнул рукой куда-то на юг, за вершины хребта — "Яблони одичали, конечно, а всё равно яблоки вкусные. Всего лишь десять миллирентген в час".

¹³ По преданию, передаваемому Потаниным, первым казахским певцом был Куркут. Потанин пишет: «Однажды Куркуту приснился сон. Какие-то люди копали яму, и на вопрос ответили, что роют могилу для Куркута. Он отправился — сперва на восток, затем на запад, на восток, на юг. Везде ему снился один и тот же сон. Куркут понял, что от смерти не уйти, он вернулся в родную степь, сел на ковёр, пил вино и распевал песни до самой смерти».

Глава 8

Высадка Пяти

29-30 сентября 2035 года

Рассказывает Доктор

События, вынудившие нашу высадку — нападение на Капитана, арест и увлечение на грунт археолога Штерчи — довольно подробно разбираются в соответствующем разделе записок Юнги, и я не стану сейчас к ним возвращаться.

Наше отчаянное предприятие можно было осуществлять только при свете дня. А я наивно возвращался к мысли: «Зачем мы ждём рассвета?» Насколько больше спокойствия, насколько больше шансов на успех обещала бы ночная темень — она бы позволила нам достичь желанного укрытия, пещер Аладдина. Ведь не зря капитаны военных Цеппелинов в первую мировую войну ждали *Fahrtperioden* — безлунных ночей.

Такой расчёт — всего лишь дань моему полному невежеству в *азростатно-шлюпочном деле* таком простом, с детства знакомом каждому кадровому офицеру-воздушнику. Ночной горный ветер. Он слышался на борту заякорённой дирижабль-шхуны только по дрожанию натянутых тросов. Аэростат-бот, утлый и слабомоторный, будет унесён им неведомо куда, в беспощадную пустыню. Там, над горячими песками, захлопает клапан-автомат, истекая расширяющимся лифт-газом, и нас ожидает неумолимое снижение.

Итак, мы дожидались рассвета, сопровождавшегося, как обычно, временным затишьем перед переменой ветра с горного на долинный.

В этих местах, пронизанных шаманизмом, нельзя быть неблагодарным к стихиям. Так воздадим же дань ночи. Вознесём благодарность ночному ветру. Темнота спасает нас все те долгие ча-

сы, пока переливаются самотёком через маневровый и резервный клапан в оболочку бота десятки и десятки кубометров гелия, необходимые нам для высадки.

Ни вахтенным на моторной палубе, ни сидящим за Красными Воротами у далёкого костра подвыпившим «отпускникам» не видно, как искажается контур «Гадитаны», как на спине у неё расправляется и наполняется, упитываясь, кит-сосунок, плавающий обычно возле спинного плавника матери.

Ночной горный ветер гудит в такелаже, на оперении и на флюгирующих винтомоторах. Сильный и упорный, холодный ветер с горных ледников. Он порождает таинственные низкие тоны и вибрации, проникает внутрь шхуны через открытые люки и превращает её в гигантский нежно звучащий гобой. И вот – не слышна враждебному уху наша возня в шахте. Следует сказать, что эвакуация пострадавшего Капитана на спину дирижабля, произведенная нами – точнее говоря, произведённая Старшиной под моим командованием – была чуть ли не первым случаем такого пути транспортировки раненого с борта тропосферной лодки на грунт за всю историю Уральского воздух-пароходства. Только вообразите себе этот эластичный канал, здакую трахею кита, или гигантского страуса, или, точнее всего, динозавра. Армированная редкими дюралевыми кольцами, труба диаметром всего семьдесят сантиметров, уходит вертикально вверх из центрального поста на высоту полных двадцати метров. Именно таким путём туда, на площадку «вороньего гнезда» вам предстоит доставить мужчину крепкого телосложения, весом почти восемьдесят килограмм, при условии, что он сильно ослабел от потери крови и совершенно не может действовать левой рукой. Выручила классическая петля-лямка, знакомая и танкистам, и подводникам...

[Flashback]

Время от времени шумное и частое дыхание Капитана достигало максимума напряжённости. Мне казалось – я не выдержу, я сейчас потребую этого гордеца остановиться моей властью судового врача. Но вот движение его ног замедляется, я слышал щелчок карабина, пристёгиваемого к скобе. Он, наверное, делал знаки наверх Старшине. Сквозь преодолеваемую одышку раздавалось: «Ну, знаете, Доктор, отдохните... Сходите к Полковнику, побеседуйте о чём-нибудь таком... историческом». И я послушно спустился в центральный пост, затем по винтовой ле-

сенке в рубку, глядел с мостика в сторону Красных Ворот на пылающий в лагере «отпускников» огромный костёр. Переходил в кают-компанию. Полковник довольно громко, чтобы гул наших голосов был слышен часовому из мото-гондолы часовому, продолжал свой рассказ.

История строительства комплекса Ырамбаг головокружительна, как восточные сказки. «Шехерезада!» – воскликнул я невольно. На мою реплику Полковник благожелательно растянул губы в улыбке, и его уши зашевелились от хищного удовольствия.

«– Вот именно Шехерезада! Вся история прошлого и позапрошлого века в этих местах – это Шехерезада пополам с романами Фенимора Купера. Купцы, устремляющиеся за коврами, нефритом и чистейшим янысарским гашишем – туда, на юг, в бассейн Тарима... Дочери племенного вождя, похищенные в горах в то время, когда на берегу ручья украшали перьями свои волосы...». И дальше, в виде восклицаний, следовали цитаты из различных географических справочников и путевых дневников.

Итак, Ырамбаг^{*14} (по другому, Ирем-сад), удивительный дворец, который мельком открылся мне во время швартовочных манёвров два дня назад. Полковник обещает, что скоро я смогу осмотреть его подробным образом; именно туда и ведёт нас карта Манхейма. (Полковник, пользуясь моими периодическими появлениями, делает небольшие перерывы в своём согбенном труде у терминала, распрямляет спину, разминает плечи, протирает воспалённые мельканием перегружаемых файлов глаза)... Да, эти сверкнувшие в заходящем солнце грани огромного бриллианта, эти белоснежные юрты-модерн...
[Заканчивается Flashback]

В этом месте я прерываю описание наших действий и разговоров, заполнивших всю предыдущую ночь – бессонную ночь подготовки к решительному выходу из нашего уютного и привычного ковчега, «Гадитаны».

Абсолютно неслышимо мы всплыли над огромным телом «Гадитаны». Оно едва угадывалось в полумраке и наплывающих

¹⁴ Ырамбаг (Ирамбаг) – сказочный сад изумительной красоты. Дорогу к нему знает древний старец в городе Хотин (Б.У.Азибаева)

ключьях тумана. Ослабшие струи ночного ветра ещё дают о себе знать – они начинают относить нас к выходу из ущелья, и вскоре уже азростат-бот, развёрнутый бортом к ветру, идёт вровень с воздушными массами. В нашей ладье-гондоле установилось то удивительное безветрие, о котором рассказывают все, летавшие на воздушных шарах-баллунах. «Ещё бы полчаса...с таким попутным ветром мы незаметно, как облако, достигли бы нашего берега», – думается мне. «Такой безмоторый побег выведет нас из магического круга».

Всё это – сон наяву после длинной бессонной ночи, как обычно случается после больничного дежурства.

«– Включить движитель, развить триста оборотов!» – командует капитан Рошин. Он, как всегда прав: ещё минута-другая и мы начнём, пожалуй, дрейфовать обратно к «Гадитане». Ветер переложился, это видно по телу шхуны, которое начинает медленно разворачиваться под нами носом к пустыне. Вахтенные «пираты» (позволю себе такое литературное выражение по адресу наших недостаточно почтительных подчинённых) на борту покинутого нами судна медлят, не замечая прослабления якорных тросов. Этот непорядок службы, замечен капитаном, и шевелятся губы в каком-то невыговоренном ругательстве. Нам-то это разгильдяйство на руку. Как только они спустятся по вантам на якорную беседку, мы будем перед ними, как на ладони. А хотелось уйти по-английски, без выяснения отношений.

Наш электро-двигатель издаёт ровное, низкое гудение. Расстояние начинает увеличиваться, всё быстрее и быстрее, и я на мгновение полностью погружаюсь в созерцание необыкновенной картины, прекрасной и тревожной. Дирижабль-шхуна видна вся, в полной красоте её идеального обвода – серебристо-светящаяся, на фоне тёмных гор, окружённая тонкими нитями рассеивающегося тумана; мы удаляемся. «Гадитана», заякорённая над чашей стоянке, впечатывается в мой скошенный глаз в редкостном ракурсе, в каком никогда не увидит дирижабль житель равнин. Вывернув шею, стараюсь запомнить этот вид, вид сверху-сбоку...

Мы удаляемся, поручив свою судьбу ненадёжному эвако-боту «сорок на сорок*¹⁵», ведомые упором маломощного электромо-

тора, такого же одноразового, как оболочка. Полковник спокоен и совершенно уверен в успехе. Меня же приводит в полное уныние зрелище удаляющегося, покинутого нами нашего судна, «прочного и надёжного, с нетекущей оболочкой», как выражаются старинными оборотами речи Контракт Фрахта.

Обязанность рулевого – держать заданный курс, и моя голова поворачивается вперёд. Там, за пологим мысом и едва различимым каньоном – Ырамбаг, волшебный сад. Ещё раз оглядываюсь – прощай, «Гадитана»! Скоро траверз Красных Ворот, и мы входим в сектор обзора мисс Казйлии и её «профсоюза».

Вот почему в моём рассказе я сделал заблаговременное отступление, рассказал вкратце о длинной и безалаберной ночи, проведённой мной попеременно то в канале-шахте, ведущей к «вороньему гнезду», то в кают-компании. Именно там, на удобном диванчике, за чашкой растворимого кофе, вытирая со лба пот праведных трудов моей «эвако-операции», я выслушивал рассказ Полковника.

[рассказ Полковника]

Младший князь, получивший англоязычное образование, вычитал историю Ксанаду*¹⁶ в одной романтической поэме. Кредиты на развитие высоких технологий, полученные родственниками князя, развязали руки приглашённому датскому архитектору. Тот легко загорелся идеей превзойти футуристические порождения своего знаменитого земляка, Сиднейский оперный театр. Так возник сад Ирем, Ырамбаг. Жгуты волоконной оптики, проводящие в подземелья дневной свет. Солнечные батареи, питающие кондиционеры в знойные летние месяцы. Вода из ледников, подведённая по замурованным в горные расщелины трубопроводам. Фонтаны и райские птицы. Гигантские юрты-гринхаузы были воздвигнуты на том самом месте, где, по преданию, была излюбленная предгорная осенняя кочёвка предка, султана Среднего жуза...

« – В военной литературе лет двадцать назад довольно много было романтических историй, поэтических описаний, даже легенд, я бы сказал. Интересное инженерное сооружение. Конеч-

¹⁵ 40 микрон – толщина тонкой газовой оболочки эвако-бота, 40 часов – гарантийный срок эксплуатации бота.

¹⁶ It was a miracle of rare device
A sunny pleasure-dome with caves of ice!

но, это не пещеры Тора-Бора, но тоже в своём роде...» – завершил Полковник лекцию.

[закончился рассказ Полковника]

Над головой – тонкостенный одноразовый «поплавок». Мы в шаткой ладье-мешке, и хрустальная юрта теперь не мечта, а *прЭдмет на грунте*. «Курс норд-норд-вест! Приготовиться к захождению на циркуляцию!» – раздаются команды. Румпель-винтомотор противоестественно и норовисто сообщает моей руке ответный гироскопический импульс... Мы плавно огибаем откос-отрог; в промежутке между головами моих товарищей я вижу открывающуюся из-за низкого холма громаду Ырамбага, могу оценить размеры этого сооружения. Легенды... Хорошо бы записать их отдельной книгой.

Сию же минуту я – один из команды перевозчиков (Капитан Роцин – командир, Старшина – пилот, и рулевой – ваш покорный слуга). Нам вверил судьбу экспедиции наш неунывающий Полковник. Обладая в числе своих достоинств также и отличным зрением, сам он выполняет роль сигнальщика и лоцмана.

«– Видите нагромождение камней, будто шахматные фигуры, метрах в трехстах от края каньона? Вот там, между камней и находится вход в пещеры. Правьте туда!» – командует Полковник. Профессиональные соображения фортификатора наполняют его уверенностью, что на грунте мы будем в укрытии. Старшина начал снижение.

Нам предстояла швартовка без наземной команды, в порывах неустановившегося, завихрённого между холмами ветра. Больших надежд на Хинкса, как матроса, не было. Он – радист. Мы двое, я и Полковник, в счёт как воздушники не идём вовсе. Грубое загорелое лицо Старшины всё – ожидание и напряжение.

Вот сорвана красная вожжа с первой контровки; он положил руку на румпель машинки, поверх моей, чуть-чуть подправляя. Мучительно вглядывается, куда идёт земля под нами, бормочет что-то. Кажется так: «Станем мягенько, без толчка» – он считает делом чести поставить аэро-бот с раненым капитаном на грунт как можно мягче. Известно – если пилот замешкался, не успел вскрыть разрывного приспособления, и гондола в это время коснулась земли, аэростат «взмает» на высоту 15-20 метров. Это будет печально известный «бампинг», волочение, *bumpy ride*.

«– Да сколько же мы будем крутиться», – шипит Старшина, адресуясь к нашему утлому челну, выгребавшему к месту посадки. Именно в это мгновение воздух пропорола пуля и мы услышали выстрел.

Первый выстрел. (Не беру в расчёт нападение на Капитана, высоковольтный разряд шокера почти в упор). Черта, проведенная в истории экспедиции. Кто мог стрелять? Куда целятся? В «поплавок»? Но ведь любой знает, что так снизить аэростат невозможно, воздушник не станет и пытаться. Сигнал? Предупреждение? Или же стреляют на поражение?

Полковник шарит биноклем, а Капитан старается усесться по ровнее, поправляет фуражку; бездействующая рука не позволяет ему сделать что-то важное, и Старшина угодливо извлекает по его указанию носовой платок из капитанского кителя и обмахивает какие-то невидимые пылинки на обшлагах.

Оставленный один на руле – румпеле машинки – я совершаю недопустимую, немыслимую ошибку. Ни капитану, ни Старшине не приходило в голову, что можно направить так близко к опасному логу-лощине, не увидеть крутящихся в воздухе бойких птичек, не заметить пыльных смерчков, завёртывающихся на краю обрыва... Одним словом, по моей вине аэро-бот втягивается в зону турбулентности, нас начинает сносить влево, мы уже над каньоном, и движение всё замедляется. Не помогает и то, что я уже поставил судёнышко курсом прямо на «шахматы».

«– Да, Доктор! Вот вам и задачи по дирижаблевождению», – крикнул Полковник с уместной иронией. – «Если мы сядем в каньоне, то выбираться будем не меньше часа. Глинозём, болотца, заросли чия, колючки саксаула. Нас отрежут от входа в пещеры и встретят, поверьте мне, насмешливо. Очень насмешливо!»

Внезапно заговорил Хинкс – тихо, несвоим голосом: он начал перехват. До этого мне казалось, что наш радист-1 погружён в то сопорозное состояние, которое я наблюдал у него не раз – в ушах «маслины», глаза закрыты, дыхание едва заметное; скрюченные пальцы блуждают в нагрудном разрезе куртки, почёсываясь, как у алкоголика в делирии. Перестав почёсывать клавиши сканера, Хинкс сказал: «Он говорит, снизь мне их вот там, сейчас. Их затягивает в карусель над лощиной, говорит он».

Полковник удовлетворённо поднял палец, как точен его расчёт. Слева от аэро-бота, несколько выше нас, над каньоном вспыхнул яркий шар и затем очень громко лопнуло большое тело.

«— Перелёт», — сказал Полковник.

«— Что это было?» — спросил я.

«— Фейерверк это такой! Звёздочка-9 называется. А вам, Доктор, собственно, зачем это знать? Мало что ли мы, *убивцы*, всяких штук напридумывали?»

Хинкс пересказал чей-то месседж: «Почти вровень. Овер».

«— Вровень? Вровень-вровень...» — сказал Полковник, глядя в свой палм и что-то подсчитывая, — «это значит, что корректировщик сидит на *Гадитане*».

.....

Капитан заговорил тихо; даже слабое гудение движка ему было тяжело преодолеть. В нашей аэростат-шлюпке всё ему тотчас подчинилось.

«— Старшина, к аккумулятору, переключить клеммы на авральный вариант».

«— Есть аккумулятор, есть клеммы на авральный!»

«— Все кучно в центре» — «Есть!» И мы услышали, как прогибаются и потрескивают под нами тонкие стрингеры, напомнившие мне обычные пластиковые рыболовные удочки.

«— Полковник, вы самый крупный, приготовиться по моей команде задать дифферент на корму, как можно больше!».

«— Есть задавать дифферент!» — радостно откликнулся Полковник, навешивая на себя оба карабина и какие-то сумки. «Манёвр Пантова*¹⁷!» — из скромности он говорит негромко.

Мы втроём — я, Хинкс и Старшина, как какой-то вымерший советский народ своё политбюро, облепили капитана, подтягивая к себе грузы. Полковник на четвереньках застыл раскорякой на задних растяжках и собирается, насколько я понимаю, карабкаться куда-то ещё дальше. Капитан возвышается среди нас, сжимая красную ленту передней разрывной вожжи в зубах, и

¹⁷ Советский учёный Пантов впервые научно обосновал, что при пилотировании «тонущего», статически неуравновешенного Т-аппарата, предпочтительно задать большой дифферент и форсировать основной (соосный) маршевый движитель. Манёвр весьма опасен.

наматывая такую же, заднюю, на здоровую руку. Готовится к рывку. Надо думать, будет вскрывать разрывное приспособление.

«Расстояние двенадцать, возвышение семнадцать, шрапнельным огнём!» — пересказывает нам нашу судьбу Хинкс. В воздухе просвистело и лопнуло. Нас встряхнуло и аэро-бот начал снижаться кормой вперёд на дно каньона, в болото. Капитан сидит у меня на коленях, сматывая продёрнутую вожжу, перехватывая вторую, выкрикивает он команды. Движок завывает и начинает дымиться, Полковник со зверским лицом непонятным образом висит на растяжках руля («как мой кот над унитазом», описывал он впоследствии свою позу), кормой вниз мы погружаемся в каньон, плавно висим в неопределённости, вот-вот касаясь рулевым плавником чахлах ракушек. Затем какая-то сила мягко выбросила нас наверх, через край каньона, точно на восточную сторону «шахмат».

.....

Саму посадку мне вспомнить очень трудно. Что-то вроде тихой паники среди грузчиков в магазине хрустальных бокалов — медленные движения, нешуточная опасность, хрупкие и delicate снасти нашего челна.

Мы стояли на твёрдом грунте. Секунда, две потрясённого молчания. Переход в новую среду, в новое качество, в закреплённый *бенгос*. Началась беготня.

Деталей не помню... Кажется, старшина и Хинкс заводят поясные за валуны, вворачивают штопора, бросают в мешки лопаты песка. Я помогаю капитану выбраться из ладьи-мешка, его поражённая рука совершенно нечувствительна и он не может ею управляться. Вот тут и началась бешеная стрельба, смысла которой я совершенно не мог понять.

[Примечание Полковника]

Делает честь гражданскому писателю, что он даже не пытается описывать боевое столкновение. Так заметно лучше. Разобраться в скоротечных событиях боя нелегко и специалисту, пользующемуся показаниями нескольких наблюдателей. Впоследствии мы заказали художественное описание этих событий профессиональному баталисту, имеющему большой опыт соображения с требованиями военной цензуры.

Импрессионистическая манера Доктора тем более верна, что редко кому удаётся сохранять самообладание и холодную наблюдательность под обстрелом. Воздух над головой пронизывают и рассекают стальные смертоносные прутья, специально предназначенные калечить или убивать – один военный травматолог выразился так: «в момент выстрела из современного стрелкового оружия в воздухе на мгновение возникает как-бы луч поражения». Другой писатель сказал: «Перестрелка – не игра; это вы понимаете, как только противник сделала/сделал в вашу сторону первый выстрел».

[заканчивается примечание Полковника]

Глава 9 ПОДЗЕМНЫЙ ФОРТ

Воскресенье, 30 сентября 2035 года

Доктор продолжает рассказ о высадке на грунт

Обстрел продолжался. С разных сторон в нас стреляли из винтовок, несколько раз отзвучала пулемётная очередь. Мы вбежали под защиту огромных причудливых камней. Как и обещал Полковник, здесь оказался вход в пещеры (Точнее, один из входов, как мы впоследствии узнали). Вначале мне показалось, что перед нами, внутри естественного каменного ограждения каменного – просто углубление, осевшее место. На дне «котла» росла трава и кустарники. Вообразите, мы стояли как раз на каменном козырьке, и вход в подземелье был у наших ног, обозначенный обветшавшими разноцветными лоскутками-приношениями, навязанными на ветки куста. Интересно, когда в последний раз здесь были люди?

Полковник появился неожиданно – там, внизу, вынырнув из-под веток. «Древние пароли срабатывают!» радостно сообщил он, делая приглашающий знак нам, стоящим наверху. – «Местный старина Симсим их всё ещё помнит!» В руках у Полковника висел букетиком жгут разноцветных проводов, подсоединённых к палм-компю.

Первые тоннели пещеры и небольшой зал имели вид совершенно первозданный. Края камней у входа блестят, как полированные и, вероятно, помнят прикосновения рук людей глубокой древности. Не одна тысяча лет потребовалась на эту полировку. В полусферическом полке зала полумрак пробивало светлое отверстие – там узкий канал, наподобие дымохода. Я касаюсь рукой низкого потолка и действительно вижу следы копоты. Сколько раз здесь горели костры, факелы, плошки?

Вслед за Полковником мы ныряем в узкий ход, который, извиваясь, уводит нас из зала – наклонно вниз. Сколько метров – два-

дцать, тридцать? Трудно сказать. Мы бежали в темноте, придерживаясь за стену, согнувшись, с трудом протискивая рюкзаки. В тупике на глинистом полу наши ноги начали скользить и мы падали друг на друга, довольно потешно. Кажется, это западня.

«— Теперь вернуться назад!» — сказал Полковник, и, подчиняясь ему, мы начали забираться на ощупь, по одному, в узкое каменное отверстие. За поворотом, в боковом коридорчике, нас ждала приоткрытая металлическая дверь. Откуда-то снизу шёл мягкий дневной свет, и воздух был свежий, лишённый подвальной сырости. Полковник вошёл последним, и дверь щёлкнула; затем было слышно, как срабатывают, запираясь, один за другим, замки-автоматы.

«— Ну вот. Сейчас пройдем тамбур и — налево, в библиотеку. Там и позавтракаем» — сказал Полковник.

Меня неприятно поразила его уверенность, больше похожая на самонадеянность. Это, пожалуй, блеф. Наверное, он нас разыгрывает? Я сказал: «Полковник, мы же впервые в этом месте, в таинственном и загадочном подземелье».

«— Разве что для вас, доктор», — отвечал Полковник со вздохом, — «здесь может быть что-то загадочное. Хотя вам тоже полагалось изучать на военной кафедре. А для меня это... Дом родной, пожалуй. Сколько месяцев прожито в этих коробках! Поверьте мне, все они абсолютно одинаковы. Армия и флот — это порядок и устав. Вот спросите Капитана, он подтвердит. На всех кораблях мира, начиная с эпохи финикийцев, по тревоге матросы бегут на ют по правому, а на бак — по левому борту. Устройство подземного убежища таково: имеется фильтровентиляционный агрегат, внутри устроены пункты управления, медпункты, госпитали. Внутренние помещения делятся на основные и вспомогательные. Защищенные входы в количестве не менее двух располагаются с противоположных сторон, а также оборудуются аварийные выходы...» — голос Полковника вышел на привычный ровный лекторский разгон.

«—... И защищенная дизельная электроустановка», — в наступившей паузе автоматически произнёс Старшина.

Мои спутники рассаживались на нарах отсека привычно и безмолвно — личное оружие поставлено в пирамиду, заплечный мешок — на полку.

«— Где перевязочная?» — спросил я без всякой надобности. Три руки сделали жест в одну и ту же сторону. А, впрочем, я и сам

знал старинной памятью — по коридору и направо, между отсеками охраны и пунктом управления.

Примерно через час, израсходовав изрядное количество ваты, я закончил оттирать хромированные поверхности и стекла от загадочного, всё облепившего тонкого налёта (думаю, это какой-то грибок) и смог произнести: «Капитан, пожалуйста на перевязку!»

Прошло ещё несколько часов, и в нашем подземном гарнизоне уже установилась видимость нормальной походной жизни. Капитан, к моей радости, согласился не только на перевязку, но и на проведение полного курса лечения. После капельницы и нескольких инъекций он вновь одет в сюртук, принял доклад Хинкса и работает над сводками. Хинкс дожидался моей команды под дверью медпункта, в его представлении ничего нет важнее и радостнее — войти, протянуть заполненные бланки и козырнуть: «— Своевременное получение метеосводок и Извещений навигантам налажено, сэр! Напряжение бортсети стабильное и местные каскады наружного усиления работают нормально. Установка штатной аппаратуры «Гадитаны» на внутренние контуры проведена!»

Могу только догадываться, что кроется за улыбкой-grimасой на бледном лице Рощина. Его наполовину парализованные губы что-то шепчут. Думаю, это песенка «всё хорошо, прекрасная маркиза». Её любит тихонько напевать себе под нос один мой коллега-хирург. Именно и исключительно — во время операций по поводу разлитого гнойного перитонита. Ленинградская школа, пятидесятих годов прошлого века. Тот врач показывал нам забытую хирургическую технику — широкий разрез, дренирование брюшной полости из четырёх точек толстыми перчаточнотрубочными дренажами.

Капитан Рощин сказал:

«— Благодарю вас, Хинкс. Продолжайте мониторинг».

«— Есть, сэр! Кофе?»

Ответом ему был жест — to your duties! Вероятно, Рощин предчувствует повторение приступа судорог, и хочет остаться один. Я пододвигаю ближе к нему поднос с таблетками, проверяю, удобно ли лежит пульт дистанционного управления, и выхожу.

Заглядываю в библиотеку. Нужно доложить Полковнику, что у меня свободное время и я отправляюсь в «дозорную башню» подсмენить Старшину.

«— А я вот уже приступил к архивной работе», — радостно сообщаем наш начальник экспедиции, поднимая своё румяное лицо от стола, нагруженного папками и застланного картой.

«— Сколько часов нужно потратить, чтобы разыскать личное дело Манхейма в этих сорока двух шкафах документов?» — спрашивает он риторически — «и, вдобавок, глаза разбегаются от тех богатств, которые здесь собраны! Просто разрываюсь на части между служебным долгом и нашим с вами любимым OTTIVM!» Полковник откинулся в кресле и сделал мне жест гостеприимного хозяина. — «Стоит полюбоваться, — сказал он, неотрывно глядя на меня сияющими глазами, — одна эта карта чего стоит! Конечно, не знаменитая Каталонская карта, но подлинник, одна из тех точных тригонометрических карт Западного края, которые составили для китайского правительства отцы-иезуиты в XVII веке». — Его рука указывала на ближнюю стену, где в промежутке между книжными шкафами, на стене красовалась застеклённая резная рама с тусклой позолотой.

Дальше было много сказано о картах Азии вообще, и о Каталонской карте в частности, о тех ныне исчезнувших городах, которые показаны на этой карте в радиусе каких-нибудь двадцати километров (я всё не могу привыкнуть к принятым у люфتمانов *милям*) от нашей дирижабельной гавани. В подтверждение истории мёртвых городов и древних караванных дорог, рука лектора указала в дальний, теряющийся в полумраке, угол зала. «Вот они, те самые статуи Козы-Корпеш и Баян-Сулу, которые были увезены отсюда в Берлинский музей то ли в 1870, то ли в 1880 году. Эти доисламские изваяния степи возвращены сюда, в родные места, в 1952 году благодаря хлопотам генерала Латышева, начальника полигона.

«Нужно ли говорить, что власть генерала после испытания первых боеголовок и успешного старта баллистических ракет была велика, безмерно велика. На любое его чудачество смотрели сквозь пальцы. МГБ разыскало в Германии статуи, изъяло и доставило сюда».

Я наблюдал за Полковником. Что сказать об этом неисправимом человеке? Он счастлив. Западня, в которую нас привёл «фарва-

тер¹⁸ двенадцати измерений», этот шестой, почти никому не известный полигон (совсем не то имя, из четырёх или пяти мест, известных каждому историку ядерной программы СССР, которые вертятся сейчас у вас на языке, читатель...). И престарелый мальчуган, как верно называли его наши харьковские тётушки, готов сидеть в этом погребе месяцами. Он будет питаться лиофилизированными армейскими пайками сорокалетней давности. Всё для него нипочём, по сравнению с удовольствием читать архивы полигона Два Генерала, переименованного контрабандистами XXI века в Мёртвую Гавань...

Впоследствии мне не раз пришлось выслушивать от Полковника истории этой пограничной страны. Некоторые из них дышали древней тайной, некоторые были просто забавным старинным анекдотом, в некоторых таилась человеческая судьба и драма. Вот и сейчас, кажется, он собирался начать рассказ о генерал-губернаторе, при котором состоял двадцатилетний корнет-султан, офицер Генштаба, будущий дипломат и разведчик Кашгари... Вот-вот в нашей истории готов был появиться юноша с тонкими ручками и лицом безрумяным, как он сам о себе писал.— Вместо этого резко, беззастенчиво, неуместно зазвонил телефон.

В полном изумлении я смотрел на аппарат, испускающий пронзительные сигналы, вторгающиеся неизвестно откуда в наш замкнутый подземный мирок. Полковник же, ничуть не удивлённый, деловито поёрзал в кресле, надел очки, несколько секунд смотрел на низенький столик с телефонами, и, наконец, поднял трубку.

«Слушаю вас, мисс Казйлия. Мы с доктором только что обсуждали местную поэтическую легенду о любви прекрасной Баян-Сулу к золотоволосому Козу-Корпеш, действие которой происходило неподалёку от нашей гавани» — Полковник смотрел поверх моей головы в глубину зала, на смутные контуры старинных изваяний.

.....

Недолгий разговор Полковник закончил такими словами в трубку: «— Весь экипаж может продолжать пока увольнение. Архео-

¹⁸ Точнее сказать Фарлюфт (прим.Полк.)

лог Штерчи нужен мне для проведения архивных работ и должен прибыть сюда ко мне завтра утром. Это всё». Он положил трубку и несколько секунд смотрел в пространство перед собой.

«— Ну что ж, Доктор, до переговоров остаётся три часа. Заступайте на дежурство в башню. Желаю вам тишины, пустоты и безлюдья. Я вас сменяю в двадцать два ноль-ноль».

«— Чего они хотят?»

«— Основное для меня – формат телевизионной конференции пятого октября, когда мы будем извлекать находку в прямом эфире на Евровидение. Остальное – шум, пустые разговоры, заговаривание зубов».

.....

«Дозорной башней» Старшина назвал небольшую цилиндрическую комнату-камеру в юго-восточном углу подземного убежища. За проведенные в дозоре два часа он успел наглядеться в смотровые щели. Он посвящает сейчас меня в свои догадки, откуда вероятней всего ожидать опасностей в этом огромном подземном зале, простирающемся там, за бетонной стеной. Строители восемьдесят лет назад пощадили причудливые колонны сталактитов, ряды которых разгораживают пещеру. Тускло освещённые, удалённые метров на пятьдесят от нашей «башни» они, кажется, пребывают в медленном, малозаметном движении. Я объясняю это себе игрой бликов от поверхности какого-нибудь озера.

Внимательно гляжу в глаза Старшины, пытаюсь понять, что же ему мерещилось. Ожидаю, не промелькнёт ли намёк в промежутке между сухими техническими подробностями «сдал-принял». Вот здесь рубильник прожектора, вот телефон связи, вот уши, вот пульт сигнализации, сливная труба для надобностей... Намёка нет. Он отводит глаза, мы спускаемся с помоста, я запираю за ним дверь и остаюсь один.

.....

Не знаю, как бы я выдержал полных два часа мрачных раздумий о судьбе экспедиции, которым я предавался, вслушиваясь в эхо капель, резонирующее внутри огромного пещерного зала. К счастью, совершен новое и более приятное направление моим мыслям дал Полковник. Он сообщил по телефону: загадочным образом в нашем форте только что, в двадцать один ноль-семь,

появился его племянник, наш безалаберный Юнга, пребывавший в самовольной отлучке трое суток.

ГЛАВА 10 СВЕРЛЁНЫЕ ГОРЫ

Воскресенье, 30 сентября, полдень.
Третий день в горах.
Рассказывает Юнга.

Метеоролог торопил меня, и я не успел спросонья даже толком осмотреться в его зимовье. Осталось лишь смутное воспоминание о невообразимом смешении стилей и жанров: темный деревянный сруб русской топорной работы, с паклей, торчащей из щелей между брёвнами, изнутри увешан пурпурными ворсистыми коврами афганской работы. В полумраке светились полдюжины экранов, а в углу на этажерке, среди фарфоровых пиал и чайников, отблескивала золотом статуэтка Будды.

Конечно, я проспал всё утро, как убитый, это была вторая ночёвка на твёрдом грунте. Метеоролог уже давно маленькими шагами семенил по зимовью, выходил надолго по каким-то своим делам. От него-то, проснувшись наконец (более или менее), я узнал о событиях на якорной стоянке. О том, что со спины дирижабль-шхуны на рассвете поднялся эвако-бот и ушёл по каньону в направлении

Ырамбага, и там, на траверзе стал на грунт в районе Каменных Башен. О последовавшей перестрелке, разумеется, я также узнал лишь из рассказа Метеоролога. Приведенная во вставной главе сцена, где мы вдвоём через бинокли будто бы наблюдаем за высадкой *пяти* и стрельбой — выдумка сценариста.

.....

Мы приблизились к основанию базальтовых скал. Наконец и мои глаза тоже начали различать сетчатую чашку старинной РЛС, взгромождённую высоко на плече горного пика. Тропа, петляя среди валунов и подушек арчи, ведет нас к низкому скальному "лбу"; где-то здесь, как я понял из рассказа, была позиция зенитчиков. Мы ныряем в незаметную расщелину и оказываемся на небольшой площадке, окаймлённой вертикально стоящими каменными стенами, высотой пять-шесть метров.

" — Вот они, сверлёные горы", — говорит Метеоролог. — "Так наши казахи в старину называли царёвы каторжные работы. *Закатает тебя суд и пойдёшь через сверлёные горы*" — со вкусом выговорил он поговорку.

То ли из карманов пиджака, то ли из кожаного пояскошеля он извлёк связку тяжёлых стержневых ключей; отвлёл в сторону мягкие хвойные ветки и снял пластиковый щит, отформованный "под камень". Хорошо смазанные петли почти не скрипели. Красная тяжёлая бронированная створка раскрылась, и мы приготовились спускаться в гулкую сырую темноту. Он остановил меня:

" — Вот здесь светло, посидим!" — сказал он, приглашая жестом. Мы устроились на "пороге", в узком месте между камнями. От наших ног тропа спускалась наподобие лестницы. Ниже была старая колёсная дорога.

" — Здесь было много людей из Сибири, из России, из Германии", — сказал мой проводник, указывая рукой посадки леса вдоль дороги. Сосны и береза наклонены к перевалу, будто указывают к нему дорогу. Не доходя до об-

рыва, тянется разрушенная невысокая стена, сложенная из дикого камня. За обрывом — граница, чужая земля. Оттуда издавна бежали ссыльные на эту сторону.

«Мой поводырь, начальник горы, обменивает на еду какие-то военные мелочи» — сообразил я — «только он один умеет извлекать их из лабиринта подземного города. Он — образованный человек, и ему не к лицу добывать пищу своим трудом. Местные жители, наверное, считают его сошедшим с ума начальником охраны объекта».

У каменной стены высился столб со щитом.

Опасная зона! Выпас скота, сенокошение, сбор грибов и ягод — ЗАПРЕЩЕНЫ! —

прочёл я надпись.

"-- Скажи господину Доктору, что в этих диких горах живет человек..." — он замолчал, подыскивая слова — "несчастный больной человек". Он сидит на камне и собирается с мыслями. Рука ищет что-то во внутреннем кармане истёртого, заплатанного на локтях френча. Халат он повесил на какой-то известный ему крючок внутри ожидающего нас камённого вестибюля. Я обратил внимание, как аккуратно, на швейной машинке, пришиты заплатки.

Наконец, он высвободил, извлёк то, без чего не мог продолжать — носовой платок и очки. "— Это такой человек, скажешь ты, темный, малообразованный человек, всего лишь дирижабельный техник. Этот тёмный человек, оказавшись узником гор, много думал. О своей грешной жизни, об истории этих гор..."

Он вытирал платком слезящиеся глаза и опять одевал очки. Руки перебирают пачку истертых карточек, извлечённую из френча, и работа рук идёт так же медленно, возвращаясь и повторяясь, как течёт спотыкающаяся речь удивительного человека.

"— Этот раскаявшийся размышлял о прошлом и разыскивал. Читал, размышлял и разыскивал" — Метеоролог поднял глаза, смотрит на меня; вот его слабая надежда, тон-

кая ниточка. Он настаивает: "— Понимаешь? Особенно запомни эти слова — размышлял и разыскивал". Перета-совка карточек закончена, и длинный палец, как зажим, защелкнулся на бумажках. Что-то важное, козырная карта — он не позволит мне подглядывать. Поверх заветной находки лежит, прижатая почерневшим от загара и въевшейся машинной смазки пальцем, бумажка-прикрытие. Это какая-то ведомость "выдал-принял", заполненная чернилами. "Патроны — 7 шт".

Медленно он вытаскивает карточку, исписанную знакомым шрифтом-рустикой, с червлёными инициалами стихов

"Это озеро - рыб приют священных,
Что привыкли к хозяину и лижут
Руку, коей на свете нет сильнее
Каково: имена они все носят"

"— Ты ещё не видел моё озеро, Ядыр-куль. У меня там живут карпы, точно как в Байях", — говорит Метеоролог, протягивая мне карточку, и я понимаю, какая это ценность.

Дорога через сверлёные горы оказалась неожиданно длинной. Хорошо, Метеоролог устроил передышку на пороге. И не зря мы перекусили горским припасом — жирные пончики^{*19}, сыр, лепёшки, кумыс.

В темноте мы спустились по лесенке, и дальше внутри тоннеля шли рельсы. Их полированная поверхность тускло блеснула, когда Метеоролог ненадолго включил фонарик. Он выкатил дрезину. Затем началось монотонное движение, от меня требовалось всего лишь поочередно тянуть и толкать тугую ручку, колёса гудели, и нехотя, впол-уха, я слушал попутчика. Он старался выговорить мне весь запас собранных им сказок и легенд, наполнить туманом романтики ущелья и пещеры горной системы Зюнгорский Джокер. Мысли же мои заняты другими пред-

¹⁹ баурсак

ментами. Мысли давят тяжело, как сырое подземелье, выверленное каторжниками.

Всё, что касалось мисс Казйли, стало непонятным для меня. Моё представление о мире и людях, о должном и допустимом — всё мешалось... я старался задвинуть её в самый дальний угол сознания. Под стук колёс и гул рельсов, гоню от себя образ неотразимой мисс боатсвейн.

«Думайте Юнга, как там наши» -- говорю я себе, чтобы отвлечься. Утренний рассказ Метеоролога о высадке начался с картинок светящегося в ладони дисплея хендхэлд. Откуда у Метеоролога эти изображения? Что за таинственный перехват? На экранчике палм-компа, повинувшись указке морщинистого пальца, прокручивалась съёмка. Кают-компания *Гадитаны* видна откуда-то из-под потолка. Доктор, сидя на диване, увлечённо чертит что-то в блокноте. Голос слышится чётко, будто Доктор говорит в микрофон бортсвязи... Как странно...

А говорит он вот что:

"— Можно эвакуировать Капитана через *воронье гнездо*." — говорит Доктор — «Возьму на себя смелость... Конечно, это несколько фантастическое предложение. Но если бы налить газом резервный мешок и зацепить Капитана..." Полковник, сидящий напротив, молчит несколько секунд и затем отвечает: "— Мы все покинем шхуну таким путём!" Метеоролог щёлкнул по кнопкам, сказав "Дальше не интересно", и затем картинка и диалог были прокручены ещё раз, покуда я не разобрал смысл сказанного. Таинственный казах сказал: "— Вашу экспедицию отслеживает крупная сыскная фирма. Или же — государственная контора... А ты говоришь, *дама-боатсвейн бунтует механиков*. Нет, здесь всё совсем не так просто, как ты думаешь!" И дальше он говорил что-то техническое. Вплетал всё время "баггинг девайс", называл фирмы, модели и цены. Движение по туннелю закончилось. Мы были по-прежнему в темноте. Метеоролог за руку повел меня, фонарик зажёгся ненадолго, короткий трап вёл наверх. Лязгнули за-

поры, раскрылся люк и мы оказались в небольшой пещере, освещённой дневным светом через стрелковую амбразуру. Когда глаза перестали болеть, мы вышли на наружную площадку — отсюда и наблюдал Метеоролог события в Мёртвой Гавани. Отсюда, с высоты северного склона, гавань, "Гадитана", Красные ворота и сопки, окружающие Ырамбаг, были как на ладони.

Судьба моих товарищей по экспедиции, вот о чём я думал. Отсутствие моё было неизбежным, оправдывался я в собственных глазах... Право же, единственная польза, которую могу принести — найти ключ к развязке на стороне, вырвавшись через запретную линию, очерченную маршрутом и сюжетом. И всё же, я здесь, они там ...

Что это за злая воля, которая расколола экипаж? Так мои мысли неизбежно обращались к мисс Казйлии, к сцене у ручья. Я почти боготворил её, все последние три месяца, начиная с того памятного вечера, когда впервые оказался в гостинице-пансионе "Красный манометр".

Как объяснить себе ужасную жестокость, безжалостный эгоизм, чудовищное коварство — такой набор эпитетов сыпал я на её голову.

" — Ты совсем не слушаешь меня? — донёсся, наконец, до моего сознания вопрос, заданный дважды или трижды, — "Я тебе рассказываю, вашего матроса отвязали — еще вчера".

Затем последовало новое путешествие по укрепленной горе²⁰. Ходы сообщения представляли собой скальные ступени и выемки, перекрытые, бетонными коробами. Идти приходилось почти всё время пригнувшись; временами мы ныряли в стальные трубы, диаметром не больше, чем шахта-ход на нашей *Гадитане*.

²⁰ Напрасно, напрасно потешался корнет-султан над идеей Его Высокопревосходительства о возведении инженерной заградительной горы ! (прим. Штерчи)

Казах-метеоролог пробирался по этим норам с ловкостью, которая бы сделала честь любому воздушнику, подводнику или танкисту. Несмотря на выучку Риггера, я едва поспевал за ним: здесь взяться руками за перекладину... здесь лечь на спину и ногами вперёд... здесь трап... здесь бобслей... Я чувствовал, ещё немного — и начну выбиваться из заданного им темпа. Как раз здесь мы и остановились. Опять "танковый люк". Дневной свет, из-за валуна мы выходим на лужайку. Слева, вровень с нашей террасой, отделённый ущельем, виднелся триангуляционный знак. Там была ложбина, моя первая лёжка на грунте, позавчерашний день. Я догадался: если по лужайке пройти немного вперёд, к краю террасы, где-то близко окажется спина *Гадитаны*.

Я посмотрел на часы-альтиметр. За восемь минут мы спустились почти на шестьсот метров, и уровень "Гадитаны" был ниже нас метров на двести, не больше. Приученный к осторожности, я оглянулся. Метеоролог издали, от сосновой рощицы, делал мне рукой приглашающие знаки.

Откуда же было знать, что хранящийся здесь, в незаметном дощатом сарае, укрытом тенью высоких сосен, дельтаплан К-1 сыграет такую важную роль в судьбе экспедиции и нашей шхуны?

Метеоролог-затворник настоял, чтобы я помог ему вынести дельтаплан на поляну. Я не скрывал скуки.

Он всё показывает мне перепончатый парус с росписью «За ВДВ», предмет своей гордости. Битые полчаса рассказывает о тонкостях пилотирования, и о своём изобретении, «изюминке» в раскрое купола. "Попробуй, какой лёгкий!" — кивнул он, подавая аппарат мне на плечи. Ну сколько можно?

" — Надо спешить, твои друзья ждут новостей!" — неожиданно Метеоролог вновь торопит меня. Двери сарая заперты и подперты бревном. Люк, шахта вниз, ещё одна

рельсовая дорога, опять дрезина. Там, наверху, мы прорезали вершину горы за какие-то минут пятнадцать. По нижнему тоннелю мы едем заметно дольше.

Нижний тоннель, объяснил Метеоролог, тянется на семь километров, до самых передовых сопок. Дважды из узкой трубы мы выскакивали в гулкие пустоты, и по звуку эхо я догадывался, что мы пересекаем громадные залы подземного города.

.....

Конечная остановка, Пустой Глаз, наблюдательная позиция на краю пустыни. Мы поднялись на самый верх бетонной башни, врезанной в плоскую гору посреди мелкопочника. Из амбразуры открывается бездонная панорама: тотчас за линией низких плоских холмиков на север тянется бесконечная пустыня.

"— У каждого местного жителя есть карта с подробным обозначением минных полей, снятая Mine-seeker'ом", — сказал Метеоролог. — А тебе очень советую запомнить, что тропа, ведущая к этой башне вот оттуда, от холмов Чёрный Ветер²¹, начинается возле мазара..." Он продолжает говорить, указывая то здесь, то там. Я направляю, повинувшись ему, бинокль. Маленькие прутики намечали тропу, она извивалась от кочки к кочке, зигзагами, между песчаными намётами, огибая начинённые смертью безобидные островки сухой травы, которые станут могилой любому, незнакомому с этими гиблыми местами.

Скажите, зачем же нужно так подробно изучать дорогу, ведущую СНАРУЖИ ВНУТРЬ, со свободы внутрь ограждённого колючей проволокой райского уголка, где бродят тени узников? Вспомнились рассказы мисс Казэйлии о несчастных и проклятых, о невинных и прожженных — как они пытались выбраться отсюда. Смерть ждала в пустыне и тех и других.

" — Посмотри еще раз. От мазара?" - и он ждет ответа, как учитель.

²¹ Джельды-Кара

" — От мазара направо, курсом на старые доты".

" — А возле тугая куда, направо или налево?" Его хитрость напоминает мне педагогические уловки Гайдропы, я отвечаю со смехом:

" — Ты же сам сказал, что к тугаю ни за что не доходить, остановиться возлѣ сухого колодца".

" — Правильно, молодец, сразу между колодцем и тугаем — ловушка!"

Мы снова катим по рельсам. Куда на этот раз? Далеко ли? Оказалось — близко. На короткое время фонарик осветил нишу в стене трубы. Дверь, кодовый замок. Сидя на дрезине, мы шептались несколько минут, затем он вложил мне в руку ключ, провёл в темноте, толкнул в дверь. Моя протянутая рука ощутила сухую древесину, под нажатием створка повернулась, и я услышал знакомые голоса.

Фрагмент 11 АВАНТЮРИЗМ ИЛИ РАСЧЁТ?

По поводу событий субботнего полдня, 29/IX/2035 14.00 судового времени

Тридцать лет спустя
Соображения Ка-II-ранга

Задним числом я стараюсь разобрать приводные нити событий, разыгравшихся во время стоянки люфт-шхуны *Гадитана* в дирижабельной гавани Зюнгорских предгорий, эдаком археологическом заповеднике эры баллистических ракет. В повествовании это место, своего рода необитаемый Остров Сокровищ, фигурирует под названием *Мёртвая Гавань*.

Тогда, Юнгой, я видел стычку между «партией Полковника» и «партией доньи Казйлии» — чем-то вроде искусного избавления «наших» от беззаконного и коварного заговора невежественных ойл-скинов. Справедливость дела «партии Полковника» в моих глазах несомненно вытекала из всех обстоятельств. Экспедицию за рукописями организовал Полковник, кому же, как не ему должны принадлежать находки?

Смутно, необъявленно, подразумевался такой довод, как образованность, «благородное происхождение» и должностное положение. Полковник, Доктор, Капитан — они, в моём представлении, исходно были причастны к правильной стороне, стороне образованных патриотов, людей, которым небезразличны судьбы Меото-Гирканского Союза.

Высадка Пяти, сецессия партии Полковника на грунт. Эта операция была проведена в то время, когда большая часть экипажа рыскала по грунту и пьянствовала в долгожданном увольнении. — Это представлялось хитроумным тактическим ходом. Полковник предпринял его после того, как мисс Казйлия фактически объявила войну словами «экипаж волнуется». Что, как не бунт

означали эти слова в свете подслушанного мной разговора между мисс Кайэли и палубой механиков?

Сопоставим: враждебность – сословная, потаённая, генетическая – она сквозила в словах механиков, подслушанных мной из баллонета. И взгляды, жесты, невнятные возгласы косноязыкой этой группки, явившейся чего-то требовать к нам на пассажирскую палубу наутро после швартовки «Гадитаны» в Мёртвой Гавани. Мы однозначно сделали вывод: это – бунт.

Бунт должен быть подавлен. Твёрдой рукой нужно показать who is a boss. Разумеется, не на борту *Гадитаны*. Грунт – вот то место, где Полковник сможет показать своё искусство воевать. Не числом, а умением и дисциплинированностью.

Было какое-то облачко на горизонте моей уверенности, омрачавшее ясность горизонтов. Радист-2 Просвирняк объявил себя представителем законных властей, и увлёк с собой на грунт в лагерь «партии доньи Казэйлии» Штерчи-антрополога. Штерчи в моих глазах олицетворял какие-то абстрактные международные законы. Они, в принципе, наиболее правильны. Они свободны, думалось мне, от тех искажений, которые накопились в законоотправлении нашего уголка Европы за последнее столетие своеволия и социальных экспериментов, перетекавших затем плавно в тоталитаризм.

Теперь Штерчи, вольно или против воли, был на стороне «доньи» – стало быть, и законные права на рукопись – у них? Но нет, это допущение неправильно. Я объяснял себе: Штерчи – игрушка в руках растленного преступника, который даже не останапливается перед тем, чтобы выдавать себя за сотрудника государственной тайной полиции.

Вот так, примерно.

Так ли?

Оставим в стороне вопрос о законности притязаний. На эту тему, как известно читателю, до сих пор изощряются законоведы нескольких стран. Каждая сторона приводит весьма значительные доводы. Частные лица, международные организации и даже правительства доказывают своё исключительное право на владение рукописями *Мёртвой Гавани*. Именно под этим, неточ-

ным, наименованием вошли в обиход латинской палеографии найденные нашей экспедицией свитки. Если Полковник собирался продать рукописи через посредников на аукционе Сотбис, то чем в этом случае он отличается от любого из прочих претендентов, проявившихся в вооружённых схватках на каменистом плацу Мёртвой Гавани? Намеревался ли он, как это утверждается официально, передать находки историкам-библиографам Казахстана для совместного изучения с московскими и римскими учёными?

А на каком же этапе эпопеи появились копии-коллажи, имитации и фиктилии? Были они заготовлены заранее для того, чтобы сбить с толку грабителей, столь печально знакомых по истории археологии?²²

Оставлю это в стороне. Так же, как и занимающий меня сейчас, после стольких лет моей собственной службы, вопрос о психологии, о взаимоотношениях в экипаже такой шхуны-корвета, как *Гадитана*. Восемнадцать человек, отделены от остального человечества своеволием стихий, постоянным гулом моторов, изредка лишь замолкающих на дрейфовые вахты. Они объединены единой судьбой-миссией и ежечасной, неуловимой, неосязаемой опасностью... Упомянем невольное барство Полковника, хозяина увеселительного вояжа... Даже жесты демократичности, эти ежеутренние общие трапезы, даже с призывами чтобы ойлскины садились за стол офицеров... Разве не настораживали они, не усиливали напряжённость, которая неизбежна между нанимающим и нанятым, между развлекающимися и тем, кто зарабатывает daily bread?

Хочу, не отвлекаясь, сосредоточиться на единственном пункте. Он представляется мне ключевым в разгадке всего, происшедшего тогда, в октябре 2035 года. Героический, как мне казалось тогда, прорыв пятерых обитателей офицерской палубы, с борта *Гадитаны* в бункеры подземного города Мёртвый Глаз.

²² Вспомним, хотя бы историю Чертомлыкского кургана – как только сокровище усилиями археологов появляется на свет из-под тысячелетних напластований глины, как тут же оно становится приманкой для криминалитета.

Тонко рассчитанное и смело проведенное военное решение? Казалось бы, именно так. Однако же...

Ведь с самого начала экспедиции предусматривалось, что на грунте будут вестись поиски. Археологическая группа, естественно, должна была включать Полковника, Штерчи... Кого ещё? Разумеется, остальным из экипажа предназначалась роль сугубо вспомогательная, механическая – копать землю, носить приборы, вскрывать замки, разбирать каменные завалы.

Мне легко понять логику безответственного служаки – авантюриста Просвирняка, нашего Радиста-2. Вариант Полковника, работа на грунте одной только поисковой партии, действующей по предусмотренному плану, не оставляла ему никаких надежд завладеть рукописью. Сценарий, при котором руки Полковника извлекают из сейфа, из подземного шурфа, капсу с рукописями, а камера Штерчи посекундно щёлкает, запечатлевая каждую фазу извлечения, и теодолит штурмана-2 обмеривает слой, заглубление, положение находки в тайнике, всю стратиграфию... Одним словом, полный стандартный обиход эпохального археологического открытия – солидно, документально, монументально. И в каждом кадре – то спина Полковника, то рука, а вот и улыбающееся, немного озабоченное, полное осознания важности минуты само лицо учёного-аналитика, легко сменившего кабинетный компьютер на кирку и палм-комп полевого исследователя. Достойный итог колоссальной интеллектуальной работы... Именно так, я думаю, представлялось Полковнику завершение поисков, кульминация экспедиции.

А вот и её отображение, заведомо счастливый, благополучный финал. Свежий номер National Geographic с подробной статьёй. Тотчас по следам недавно завершившегося похода, с прекраснейшего качества фотографиями на целый разворот. *Гадитана* над горами. Подробные цветные карты. Репродукция некоторых страниц рукописи. Комментарии авторитетных экспертов-палеографов.

Не подходил Просвирняку этот вариант.

Я, пожалуй, отвлекаюсь. Так вот, логика Радиста-2 понятна. Для него тёмные, вечно недовольные решениями штурманов, завидующие лёгкой жизни пассажиров *ойл-скины* – замечательные статисты массовки, суеверные овечки, которых легко будет погнать в нужную сторону. На грунт, затем в бункер. Спровоциро-

вать стычку, желательно с погибшими. Вся эта неразбериха – именно там, где ведутся поиски, в то самое время. Ты украл или у тебя украли – потом, задним числом, можно долго доказывать и разводить руками.

Такова она, прозрачная механика первой половины солнечного дня 28 сентября 2035 года. Восемь членов экипажа и Юнга спускаются на грунт. Это увеселительная прогулка, предложенная кок-боцманом и одобренная начальником экспедиции. Именно то, чего добивается Радист-2: стадо в его власти. Трудно ли обмануть их, напугать забитые суеверные души! – это ведь его ремесло. И они в страхе перед мнимой радиацией лезут в подземные укрытия Красных Ворот. Здесь они будут блуждать, всё глубже погружаясь в бред подозрений и страхов. Вот-вот «белые воротнички» выхватят из-под носа рукописи. То единственное, что придаёт смысл пребыванию в этом проклятом месте. Их здесь бросят, «замаруунят», джетизнут. Корабль пойдёт с половинным экипажем, лишь бы не делиться добычей, лишь бы избавиться от свидетелей преступного завладения... А они останутся между горами и пустыней, окружённые болотами-сазами и минными полями...

Какой же смысл был разрешать это увольнение? Выходит, такое решение начальника экспедиции играло на руку затаившемуся среди нас врагу? Задним числом Полковник легко может оправдать себя. Получилось, в конце концов, так, что в тот день 28 сентября выяснилось главное: кто с нами и кто против нас. Радист-2 возвращается на борт «Гадитаны», ведёт обманные рассказы о причинах, побудивших механиков и штурманов скрыться в подземном городе, принимает участие в военном совете. Разумеется для того, чтобы разузнать о происходящем на борту, о планах Полковника...

И вот Просвирняк выступает без маски. Он похищает Штерчи. Скрывается, позволив себе античное сравнение, Зевсом-орлом на сдвоенном парплане. Уносит итальянца, как тот – Ганимеда. И успевает выкрикнуть напоследок явную ложь, будто ранение Капитана – дело рук Штерчи. Он, Просвирняк, дескать, приступает к выполнению своих обязанностей, как представитель властей на месте вынужденной посадки воздушного судна.

Ещё одна ложь, разумеется! «Гадитана» благополучно стоит на якорном месте, на потолке 620-меркурий²³. Единственная полуправда – какой-то документ с золотым когтистым животным, а правильнее сказать – откровенный, привычный жест, которым он извлёк и ощерил на кают-компанию этот миниатюрный щит Медузы-Горгоны. Вот опять, в который раз за эти столетия, всплыли в раздорах и бранях знаки-символы эллинизма. Неистребимая инерция военно-государственных структур, со времён Ал-Македонски! Это, что ли, и был тот момент истины, ради которого стоило расколоть экипаж, стоило поставить экспедицию на грань провала? Приходится сделать вывод, что именно таков и был расчёт Полковника.

Пытаясь вдуматься в те степени риска, которые изначально были заложены в упомянутом расчёте моего уважаемого родственника, я полностью теряюсь. Считать ли непростительным авантюризмом этот план «по острию ножа», «пятьдесят на пятьдесят»? Так виделось это капитану Рощину ещё в первые дни сентября, когда Старпом донёс до него разговоры, циркулирующие в экипаже, разговоры о походе за баснословным сокровищем.

Или видеть в поступках Полковника и Доктора загадочный фатализм, стопроцентное доверие в генеральское счастье, звезду Маннхейма? Если бы я спросил сейчас дядю, думаю, он пустился бы в разговоры о том, что расчёты любой инженерной задачи могут проводиться на том уровне математической культуры, которая доступна расчётчику. Можно строить здание из чудовищных мегалитических блоков, а можно создать конструкцию ажурную, гибкую как ветвь дерева, и ещё неизвестно, что окажется надёжней.

Как бы то ни было, задним числом всё происходившее в Мёртвой Гавани напоминает партию в поддавки, где обе противодействующие стороны делают, кажется, всё возможное для того, чтобы следующий, ответный ход противника был успешным.

.....

²³ Барометрический горизонт 620 мм рт.ст, соответствует примерно высоте 900 м над уровнем моря.

В кают-компании возобновлён военный совет, прерванный так драматически. Тамбур напротив камбуза, разумеется, заперт на ключ. Однако сидящие за офицерским столом, то один, то другой, косятся на дверь, за которой только что исчез Просвирняк в обнимку со Штерчи.

Как в эти минуты было принято решение покинуть шхуну? Я уверен, не будь Капитан ранен, он не дал бы согласия на высадку.

MVM X-28, 5-8

NVNC*TVA*CAESAREIS
CINGVNTVR*LIMINA*DONIS
ET*FORA*TOT*NVMERAS
IANE*QVOT*ORA*GERIS
AT*TV*SANCTE*PATER
TANTO*PRO*MVNERE*GRATVS
FERREA*PERPETVA*CLAVSTA
TVERE*SERA

Глава 12 СТАЛАКТИТОВЫЙ ЗАЛ

Рассказывает Юнга.
Воскресенье, 30 сентября, шестая вахта

Подозрительность и отстранённость, с которой я был встречен в бункере, поразили меня. Мои товарищи, покинувшие *Гадитану* всего лишь четыре дирижабельных вахты тому, за несколько часов обжились под землёй, обтёрлись и даже, как мне показалось, пропахлись подземным запахом. В горах, в трюцобах ущелий и на ледяных ладошках альпийских лужаек я, безоружный и неопытный чужак, чувствовал себя в безопасности, даже когда слышал в зарослях похрюкивание кабана. Как легко и свободно я сошёлся с таинственным отшельником, метеорологом-Исебчи! Почему теперь, среди своих, в убежище, где со всех сторон тебя оберегает бетон, стальные двери и густые решётки, меня гложет безотчётная тревога? Опасность мерещится мне за взглядами и вопросами давно знакомых людей. Подземный гарнизон... Близость сокровища...

Несмотря на скептические ремарки Доктора, я сразу же безоговорочно поверил Полковнику. Мы – наверняка у цели. Представленное им доказательство, Красный Уголок (или, как иначе называл это место Доктор, храм Януса

бифронс) полностью убедил меня – Мартья-Лисс где-то здесь.

Стоит описать подробней эту достопримечательность подземного форта. Специальная комната, расположенная за дальней стеной библиотеки, в северной части форта, служила вестибюлем для спуска в нижние этажи, на командный пункт ракетных установок. Посреди этой комнаты и висело что-то вроде небольшого домика. Две дверцы из толстой стали располагались на противоположных сторонах, лицом на восток и на запад, соответственно. В глухой бездверной стене домика, которая смотрела на юг, на библиотеку, строители отформовали в бетоне подобие древнего алтаря. На небольшой доске, обтянутой красным бархатом, тускло светился бронзовый барельеф неизвестного мне политического деятеля, обладающего двумя лицами. Профили глядели в противоположные стороны, гордо игнорируя ввинченные под барельефом ордена — четыре Боевого Красного Знамени и два Ленина. Здесь же, между орденами, древний крэйтор-модернист разместил поверх бархата имитацию бумажного листа с начертанными хрестоматийными строками MVM X-28, 5-8²⁴

.....

[Комментарий Доктора]

Наш юный Роксолан-II совсем недавно читавший со старшим братом популярную книгу Н. В. Санчурского "Римскія Древности", охотно и тотчас согласился с мнением Полковника. Тот, буквально в первые минуты пребывания нашего под землёй, под локоть провёл меня в комнату подготовки боевого расчёта и, указывая на алтарь-лестницу, спросил:

²⁴ [Эпиграмма X-28](#) посвящена Янусу, отцу всех богов

"— Вы, наконец, убеждены, что мы прибыли в места пожизненного заточения Маннхейма и сопровождающей ему Капсы?" Далее последовали рассуждения о том, какой властью в советской военной иерархии должен был располагать эрудит, позволяющий себе такую монументальную иронию. Я возразил: "— Но ведь идея цитаты вполне соответствует официальной доктрине брежневской миролюбивой внешней политики?" В Гулаге томились, обращённые в рабов, тысячи высокообразованных людей с глубоким знанием латинской словесности и римской мифологии, напоминал я увлечённому дилетанту. Полковник нисколько не уступал моим доводам.

Его просто распирало:

"— Но помилуйте, разбивка строф! Ведь она совершенно в согласии с концепцией Дау! А шрифт! Почему-то избрана именно помпейская рустика! Почему было не взять ватиканский унциал, например?"—Он потирал руки.

Не могу сказать, чтобы эти доводы были исчерпывающими или безукоризненно логичными. Наша экспедиция была на грани полного провала, и Полковник жадно принимает желаемое за действительное.

/Комментарий Д-ра продолжается/

Впрочем соглашусь: найти в Центральной Азии, в двадцати метрах под землёй, храм Януса бифронта, сооружённый в эпоху ядерных баллистических ракет... Задуматься над этой овеществлённой репликой прозябавшего здесь скульптора-концептуалиста. В середине XX века миром правила реинкарнация Януса, божества древних милитаристов... Да, это очень созвучно нашим кабинетным студиям. Там, далеко на западе, в тихом провинциальном городе, тысячи километров и долгие месяцы тому назад мы говаривали на эту тему. Для незрелого ума, такого как наш юнга-Роксолан, такое созвучие вполне заменит собой доказательство.

Читатель, в отличие от моего юного друга, уже давненько держал справочник по древней мифологии, и я специально сделал выписку, приводимую ниже.

"Янус — IANVS — считался самым древним из богов. Это было чисто италийское божество, неизвестное грекам.

Янус IANVS почитался как начало всего сущего, бог всякого начала и вообще *бог входов и выходов* (IANVA = дверь). Ему, как и Юноне, посвящено было начало каждого месяца, а также названный в честь его месяц Январь (IANVARIVS), входы в домах (IANVA) и проходы, в особенности арки на площадях и перекрёстках (IANI).

Особенною известностью пользовался храм Януса (IANVS BIFRONS), воздвигнутый по преданию Нумою в северной части римского Форума. Это было небольшое святилище, в котором находилось изображение двуликого Януса, смотрящего на восток и запад, "индекс войны и мира", и которое состояло из двух арок, соединённых боковыми стенами и обращённых также на восток и запад. Таким образом, храм Януса имел форму древних городских ворот. Во время войны он открывался, а в мирное время врата его оставались закрытыми. Римское предание говорит, что до Рождества Христова храм Януса был закрыт только пять раз: в первый раз — при Нуме, во второй раз — после Первой Пунийской войны в 35 году и три раза при Августе — после битвы при Акции в 30 году, далее в 25-м и в первом году до Р.Хр.

/конец Комментария Д-ра/

/Юнга продолжает рассказ о последних часах воскресного дня/

Экскурсия в Красный Уголок, впрочем, была всего лишь коротким светлым промежутком, передышкой. Её мне разрешил дядя в середине длинного и неприветливого распроса, которому он подверг меня в библиотеке. По существу, это был настоящий допрос. Вероятно, так по их правилам полагается встречать каждого, кто побывал на враждебной территории? Несмотря на его строгий тон, я твёрдо держался той линии, которую клятвенно пообещал одичавшему Исебчи.

"— Вы должны меня понять", — произнёс я, преодолевая древний мой ужас перед дядиными званиями и его привычкой повелевать — "я связан обещанием. Эта часть моего рассказа должна быть произнесена только в присутствии третьего лица, а именно господина Доктора".

Не помню точно, закусывал ли дядя, г-н Полковник нашей повести, губу после таких моих дерзких слов, барабанил ли пальцами по столу.

"— Пойдём, я покажу тебе, как здесь оформлены двери для офицеров, заступавших на боевое дежурство", — сказал он после телефонного звонка Доктору. Так вот и состоялась экскурсия в Красный Уголок, она должна была показать мне, насколько всё серьёзно. В присутствии г-на Доктора дядя выспрашивал меня всё так же придирчиво и нелицеприятно. Доктор молчал, они лишь изредка переглядывались. Наконец, мой рассказ о путешествии вокруг вершины 4660 приблизился к концу. Оставалось лишь вручить Доктору небольшой прямоугольник плотной бумаги, исписанный литтерами преследующего меня повсюду MVM.

Вот он.

Наверное, эти двое долго бы ещё переглядывались, изучая документ-послание, передавая из рук в руки... Негромкие гудки из внутреннего кармана напомнили Полковнику о чём-то важном. Он взглянул на часы: "— Через тридцать минут мы выходим на переговоры с мисс Казйлией, и вот это..." — Полковник указал пальцем на карточку, послание

Исебчи, которую Доктор держит в рамке из пальцев, — "очень сильно меняет дело!"

Я был отпущен, и они остались совещаться.

.....
Мы вышли в сталактитовый зал через грузовые ворота и сразу почувствовали дыхание пещеры. Уносящееся вдаль эхо, переменчивые движения воздуха, волны слабого свечения, идущие неизвестно откуда — всё говорило, что стометровый зал сообщается с бесконечными тоннелями и переходами. Старшина, перед тем как сдвинуть рубильник открытия ворот, сообщил Полковнику, что видит со своего поста парламентёров, движущихся за вторым рядом сталактитов. Сейчас мы стояли с дядей вдвоём на краю искусственного пляжа, метрах в двадцати от ворот, и не видели перед собой никого. Сияние подводных светильников карстового озера, отделяющего пляж от узкоколейки, мешает вглядываться в дальний полумрак. Полковник со старшиной намеренно избрали этот вариант освещения. Давние инженеры предусмотрели не только требования фортификации; знали они толк и в оборудовании банкетных феерий.

"— Белый флаг! Белый флаг!" — выкрикнула мисс мастер-механик Джинс, и мы увидели приближающийся белый платок. Вслед за ним из-за причудливых надолбов сталагмитов появились лица, и затем фигуры обеих женщин. Мисс Казйлия мягко спрыгнула на песок пляжа, не дожидаясь Полковника. Тот замялся в нерешительности. Она сделала несколько шагов нам навстречу своей вихляющей походкой.

"— Хорошо вы тут устроились!" Она держится немного более развязно, чем обычно. Мне остаётся гадать, то ли она растеряна и нервничает, то ли действительно на неё произвели впечатление фешенебельные произведения подземного лэнд-арта.

Она в первую очередь и всегда -- хозяйка пансиона. Когда речь идёт об антураже, интерьерах, сервизах, стильной мебели — зависть её бывает безмерна.

Итак, я был свидетелем почти всего цикла переговоров, за исключением небольшого отрезка времени, когда моя роль требовала незаметно скользнуть назад, внутрь форта, сквозь приоткрытые створки ворот.

"— Мы устроились совсем неплохо", — отвечал Полковник и я не услышал в его голосе уместной твёрдости. С раздражением я подумал, что дядя больше похож на студента, явившегося на свидание. Он свежевыбрит и сверх меры благоухает духами. — "Не хватает, конечно, того шарма, который вы вносили своим очаровательным присутствием в ежедневную череду вахт на нашей *Гадитане*".

Ноздри мисс Казйлии дрожат, и это похоже на неподдельный гнев:

"— Господин начальник экспедиции!" — она расстёгивает меховой воротник куртки, открывая шею и ключицы — "экипажу, оставленному на зараженной территории, тоже не хватает вашего личного примера. И я ожидаю, когда же, наконец, предложите даме сесть. В этом чёртовом подземелье ноют все мои старые переломы!"

Эти двое, не слушая друг друга, спешат выговорить заранее запасённые тирады. Подавая один из валявшихся по краю пляжа пластмассовых стульев, Полковник произносит:

"— Мисс боатсвейн, через восемь часов археолог Штерчи должен под моим руководством приступить к работам в архиве форта».

"— Мой дорогой генерал, я вам очень симпатизирую, и в ваших собственных интересах начать как можно быстрее сотрудничество со следствием. Обязательно будет организована ТиВи-конференция". — Мисс Казйлия, с её богатым опытом дирижабельных регат, туров со знаменитостями, экспедиций за сокровищами и приключениями хорошо знала, что без масс-медиа не обойтись. Она продолжала: «...— и на этой конференции в прямом эфире вы заявите, что добровольно сообщаете государственным органам о ваших планах контрабанды исторических цен-

ностей. О том, что вы отказываетесь от них. Мы также требуем, чтобы вы указали на ваших высокопоставленных заказчиков. Это будет подтверждением вашего искреннего раскаяния и готовности сотрудничать со следствием. Кстати, пассажир Штерчи подчинён представителю властей, как подозреваемый и как свидетель".

Мисс Казйлия одёргивает драгоценности на шее, её пальцы слегка дрожат — возможно, интуиция подсказывает, что она движется в заготовленную ей ловушку. Мастер-механик Джинс в десяти шагах позади, у каменной гряды, и она ничем не поможет. Я отворачиваюсь, чтобы не встретиться с глазами мисс Казйлии. Полковник изображает разочарование и недоумение:

"— Как вы удивляете меня, мисс боатсвейн. Что может делать представитель властей в зоне каботажной швартовки? Вы же знаете уставы намного лучше меня".

Именно в этом месте переговоров я был отослан незаметным условным жестом. Уже без меня шли формальные препирательства о том, является ли нынешняя швартовка *Гадитаны* заранее спланированной каботажной постановкой на грунт, или же это вынужденная, аварийная посадка. Мисс Казйлия избрала именно такую линию доказательства. Из-за неисправности навигационных приборов тропосферное судно оказалось в запретном приграничном районе, в зоне радиоактивного заражения, и в экипаже возник конфликт интересов...

«— И в итоге командир судна», — продолжала она — «при неустановленных обстоятельствах получает комбинированную травму» — было заметно, что мисс Казйлия произносит заученный текст — "которая несовместима с дальнейшим выполнением обязанностей».

Окончание этой фразы я хорошо расслышал, когда мы с капитаном вышли из полумрака на освещённый песок банкетного пляжа. Капитан Роцин, опираясь на моё плечо, мог ступать почти ровно, и высокий стоячий воротни-

чок парадного костюма скрывал ту часть шеи, где начали распространяться с плеча на шею и голову зловещие серо-зелёные бородавки. Полковник, разумеется, лишь в пол-уха прислушивался к риторике предводительницы мятежа. Напряжённо рассчитывая момент, он был весь в электрическом ожидании. Наше приближение он измерял тем самым тёмным чувством, какое и подобает обитателям подземных и подводных царств мрака. Короче говоря, как нечто само собой разумеющееся, он раскрывает перед мисс Казйлией наше внезапное появление — радушным, хозяйским жестом, означавшим: "Да нет же, что это за фантазии, как могли вы, расчётливая и трезвомыслящая, поверить во все эти измышления..."

" — Очаровательная и хлопотливая мисс боатсвейн», — проговорил Полковник, отступая, словно конферансье, назад, — "против вас и той части экипажа, которая получила увольнение, кем-то проводится злонамеренное манипулятивное воздействие. Не будем сейчас уточнять. Вы будете получать прямые указания от командира нашей тропосферной лодки".

Полковник отстранился в темноту, не прощаясь, и мы услышали его удаляющиеся шаги, затем энергичный удар тяжёлых ворот. Разумеется, он не находил разумным повторять вслух общеизвестные положения устава: ВАЙ-СУНГСРЕХТ²⁵ командира в отношении экипажа продолжается вплоть до полного выполнения полётного задания и, по прибытии в порт приписки — до завершения всего штатного цикла работ. А в отношении пассажиров — до успешного прибытия в пункт назначения. Тем временем я уже отряхивал от песка очередной стул и устанавливал его там, где показал капитан — в двух шагах напротив мисс Казйлии, сидящей, словно на иголках. Движения Роцина, кастово-манерные, напоминают мне любительский спектакль. Отброшенная пола сюртука, прижатая предплечьем фуражка, небрежно вытасненные сигареты.

²⁵ Дисциплинарная власть

Мисс Казэйлии не хватает бального платья и веера, думаю я, поднося им поочерёдно огонь. Не желаю замечать её быстрого, внимательного и резкого взгляда в упор. Отступаю в полумрак, на положенное мне расстояние, откуда хорошо видны курящие переговорщики, и сопровождающая, мисс-механик Джинс, и дальние приделы подземного зала.

Дым двоих курильщиков сливается в колеблющееся, горизонтальное покрывало, вдоль которого медленно перекатываются воздушные волны.

«— Мисс Казэйлия», — прерывает молчание капитан, — «я должен предупредить вас, что любые возможные попытки сняться со швартовых с неполным экипажем, до момента объявленного мной завершения работ на грунте, будет расцениваться...» — он делает паузу, нарушая строй фразы. — «Учитывая вашу предыдущую судимость по статье 446, это будет именно так и расцениваться, как рецидив преступления».

«— Гадитана на якорном месте содержится согласно расписания вахт, наблюдение за метео-обстановкой и пеленгами ведётся, дрейф отсутствует», — низкий голос мисс Казэйлии звучит почти что спокойно и уверенно — «несмотря на дезертирство некоторых лиц с офицерской палубы» — добавляет она, и здесь уже звучит высокая и хриплая нота. — «И эту вахту несут простые ойлскины, среди которых не один является уже фактическим инвалидом воздуха. Эти люди не заканчивали училищ и не имеют офицерских званий, это наёмные трудяги, которые кое-что знают в навигации и в планетарной синоптической метеорологии», — она сделала глотательное движение, что-то в горле у неё пискнуло, — «исключительно благодаря собственному трудолюбию и настойчивости. Как можете вы, капитан Роцин, упрекать нас этой позорной 446 статьёй, извлечённой из каких-то пыльных юридических фолиантов эпохи королевы Елизаветы? Разве кто-нибудь из париев воздушного океана, осуждённых по этой статье, организовывал или выполнял бомбардировки городов, наводил крылатые ракеты на жилые кварталы, или же проводил

опыты над заключёнными?» Мисс Казэйлия дышала глубоко, и ноздри её прямого, чуть крупноватого носа, раздувались, Роцин слушал с интересом. Из внутреннего кармана он извлёк бумагу и протянул:

«— Кстати, насчёт жестокого обращения с заключёнными... Мы уже получили касательно вашего...— Роцин запнулся, глядя на мисс-механика Джинс, внимательно прислушивающуюся.

«— Это — фальшивка» — тихо сказала побледневшая мисс Казэйлия, быстро пробежав документ и тотчас возвращая капитану. — «Мы располагаем всем необходимым», — к её голосу снова вернулась глубина и звучность, — «чтобы пресечь преступные намерения господина Полковника. Впрочем», — и брови мисс боатсвейн выполнили заранее отрепетированное движение, — «мы по-прежнему готовы на поиск компромисса, на достижение согласия. Вы и я, вдвоём, должны сейчас же начать работу, чтобы спасти нашу экспедицию. Естественно, требуются уступки со стороны господина Полковника». Она встряхнула головой и поправила волосы.

Капитан тоже встряхнул головой, будто отгоняя дрему.

«— Я ваш капитан. Держатель воздушного судна назначил меня и — облёк. Власть командира у меня». — Роцин говорит размеренно и громко. — «Я принял на себя командование судном, зафрахтованным под археологическую экспедицию, на условиях похода с запечатанным приказом. Самый скверный фрахт, соглашусь с вами» — Роцин выпрямил спину — «Но я требую! Я требую от экипажа подчинения и дисциплины. Все должны помнить — я капитан второго ранга Алексей Роцин, и я найду способ призвать к порядку тех, кому увольнительная вскружила голову!» Он уже стоит, придерживаясь за спинку стула. Моя, довольно деликатная роль в этот момент заключается в том, чтобы незаметно помочь ему стоять ровно и посадить серебряную несгораемую командирскую фуражку на голову в точном соответствии с неписаным уставом *воен-воздуха*. Мисс Казэйлия тоже встала. Догадываюсь, насколько неудобно стоять на песке в туфлях с каблукком-

стилет. Она, спокойно отвечая на вызов, подсознательно копирует позу Рощина, позу кадрового офицера. Прямая по-балетному спина, заведенная за спину рука. Сделав очередную затяжку, она произносит: « — Рощин, вы не представляете, насколько могущественным международным силам вы пытаетесь противодействовать. Силы правопорядка и здесь, на заброшенном полигоне, обладают очень мощными и эффективными средствами. Мы заставим вас, упорствующее меньшинство, оставить ваши преступные планы. Пройдёт совсем немного времени, и те из вас, кто останется в живых, будут выполнять наши условия!»

Щелчком отброшенный окурок прочертил дугу и упал в середине волшебного светящегося озера.

.....

[Ультиматум]

Стальные створки ворот, наконец, закрылись за нами, и я начинаю освобождаться от костенящего чувства, что мне в спину кто-то смотрит через прицел винтовки. Усаженный капитан получил новую порцию таблеток и, отдышавшись, произносит: "— Нам объявлен ультиматум. Нужно готовиться. Штурм последует в ближайшие два-три часа".

Глава 13 Гадание на Марциале

Накануне штурма...
Рассказывает Доктор

«— До этого, я надеюсь, у нас дело не дойдёт!» — сказал Полковник, сгрёб остальные штык-ножи в какой-то ящик и энергично задвинул его ногой под стол.

В коридоре на столах разложены противогазы, стрелковое оружие, патроны, перевязочные пакеты, шприц-тюбики с морфием и антидотом. Каждый из нас семейных получил сектор наблюдения...

Да, нас уже семеро.

Записки Юнги опускают замечательное, всех на обрадовавшее событие.

Буквально мгновение спустя после слов капитана «Штурм последует в ближайшие два-три часа» сталь ворот гулко отозвалась на ударившую пулю, Старшина закричал в переговорную трубу: «Ворота, принимай своего на борт!» и сквозь бетонную

стену из башенки ту-ту, ту-ту-ту, ту-ту застучал его автомат. Капитан одной рукой начал отбрасывать запор, юнга бросается ему на помощь. Когда ворота приоткрылись на достаточную ширину, в расщелину начало протискиваться плотное тело Риггера, и по ушам ударил грохот непрерывающегося огня Старшины, гулко резонирующие под сводами очереди по два и по три.

«– Добро пожаловать, Риггер!» – сказал Полковник, выходя в коридор и опуская оружие. Риггер не откликнулся, не обернулся к Полковнику. Он тяжело дышит, в его глазах всё ещё ожесточение схватки, ужас отчаянного броска, смертоносное пространство пещеры за спиной, и закрытые стальные ворота форта впереди...

«Сэр!» – козыряет он Капитану, сидящему на ступеньках спирального трапа. Будто во сне, начинает твердить, как замечательно ему удалось перекачать в шаробаллон почти четыреста кубометров гелия из оболочки брошенного нами эвакобота. Я быстро увёл его в перевязочную: к счастью, ножевое ранение, на спине слева, оказалось непроникающим.

.....

Наступили часы отвратительного ожидания.

«Газы, разумеется. А также мощный взрыв». – Полковник перечисляет безрадостные для нас варианты действий противника. Нашим уволенным на грунт компаньонам, без сомнения, удалось вскрыть один из арсеналов роты наружной охраны полигона. Меня не очень успокаивают последующие рассуждения о том, что в интересах бунтовщиков не душить и не убивать нас до смерти. Так, слегка отравить, контузить, прострелить мягкие ткани – вынудить нас играть перед ТиВи-камерой по сценарию Просвирняка и мисс Казйлии. Играть отведенную нам роль раскаявшихся контрабандистов, счастливых ассистентов милосердного правосудия. Быть эдакой массовой-подтанцовкой... Меня озадачивает, с каким глубоким безразличием Полковник выговаривает все эти рассуждения в промежутках между мощными жевательными движениями. Он насыщается какими-то доисторическими консервами (дата на крышке М.....14 – им двадцать один год!). Он с треском разгрызает лиофильные галеты, и запивает концентратным кофе окаменелый шоколад. Таков наш шведский стол, сервированный на том длинном стеллаже для чистки оружия, который я упомянул в начале главы. Help yourself!

Удивительнее всего, что беседа о сценариях предстоящего боя иссякла неожиданно быстро, сама собой. Полковник обтёр салфеткой лезвие единственного штык-ножа, который служил чем-то вроде общей вилки, и сказал, обращаясь ко мне:

«– Пора! Надо заниматься поисками сокровища. Сейчас очень подходящее время».

Чем мы заняты, угадайте?

Мы с Полковником испытываем счастье, гадая на книге Марциала. Оценивайте как вам угодно наше тогдашнее психическое состояние, говорите мне, что это было безумие, жест отчаяния, знак нашей беспечности и всё той же разгильдяйской склонности к OTTIVM... Именно эти минуты запомнились отчётливо, ярко, торжественно. Я действительно волновался, готовясь открыть книгу и наугад ткнуть пальцем в страницу! Не думаю, чтобы Полковник разыгрывал меня, его настроение было сосредоточенным и устремлённым – сидя в креслах, выставленных на порог библиотеки, мы перешёптывались, отделённые от пятерых наших товарищей тайной, и Полковник ждал откровения.

.....

«Неплохо», – сказал Полковник, и я раскрыл глаза. – «Две эпиграммы на протрет Казйзония Максима, книга седьмая, эпиграмматон сорок четыре и сорок пять».

По подстрочнику Полковник принялся читать:

«Пилад последовал за другом, которого изгнал отец,
А ты – за тем, кого изгнал тиран.
Если моим *чартам* дану будут бессмертные имена
И я, даст бог, переживу *чинерес*,
Турба придёт новых – пусть услышит от меня:
Я, твой друг, высоко ценю твоё великодушие,
То, что ты не испугался гнева тирана» –

Полковник замолк, глядя на меня значительно.

«– А что, собственно, нам даёт эта эпиграмма?» – Я вслух недоумевал, столь неуместно счастливым казался мой спутник – тот, кто привёл всех нас в эти богом забытые подземелья.

Полковник светился, ему виделась явная удача: «– Если мы разберём эту архетипическую ситуацию...», – он шептал возбу-

ждённо, поглядывая на наших боевых товарищей с превосходством – «вдумайтесь только! Друг отправляется – за сосланным вслед. Невзирая на то, что сам попадает автоматически в чёрные списки режима...»

«Квинту Овидию ты так же сохранил верность,
Как тот – своему Сенеке».

Полковник продолжал: «–Нерон, Сенека...Видите?.. Вам понятно, в чём тут дело? С Маннхеймом в Чарькове был адъютант, добровольно последовавший за ним в ссылку на Восточный фронт», – воодушевлённая речь Полковника, мне казалось, во все теряет логику и убедительность – «...а с Латышевым здесь, в горах Зюнгорского Джокера, был добровольный спутник, возможно женщина».

«– Но где же спрятаны драгоценные свитки?» – не мог удержаться я. Он наклонился совсем близко к моему уху и прошептал: «– Читайте внимательно раскрытую вами эпиграмму Мартыя-Лисс! Вы понимаете? Сопровождавший не был осуждённым. Он проживает за территорией строгого режима, в посёлке вольнонаёмных».

Фрагмент 14 ШТУРМ

Далее изложены события раннего утра,
в понедельник 1 октября,
описывает их Юнга.

Один из всего гарнизона подземного форта я был более-менее выпавшимся. Приближалось самое тягостное время бессонной ночи, «собачья вахта», час Быка, стандартное время штурма. С тревогой я замечал: то один, то другой из моих товарищей вдруг начинает, засыпая, клониться в сторону...

Запахи бетона, медикаментов, оружейной смазки – напомнили мне детство, уроки гражданской обороны, ожидание мировой войны. Как получилось, что между нами, двумя половинами единого экипажа, теперь – бетонная стена, и по обе стороны её – вооружённые люди? Стена между мной и мисс Казйлией. Сколько раз в камбузе я касался локтем её локтя, и электрическая искра пробежала вверх, пронизывая мой затылок...

Мы, восемнадцать, были муравейник, организм, расчленённый придаток-орган гигантской стометровой *Гадитаны*. Каждый из нас пронизывал *люфт* своим огромным, одним на всех телом, ощущая бортами и рулевыми плоскостями его плотную тягучую беспокойную сущность. Там, в тропосфере, было одна на всех линия пути, одна судьба и одна подстерегающая опасность. Мне кажется, что это так смешно: муравьи разделились на два лагеря и воображают, будто для них стала возможной такая недостижимая роскошь, как индивидуальная смерть. Это уже сон, я встряхиваюсь, открываю глаза и разглядываю маслянисто блестящие на столе головки патронов. Каждая полированная ла-

тунная головка – чья-то смерть, та самая индивидуальная смерть. Нет же, опять всё не так – ведь Полковник сказал, чтобы проломить стену форта или ворота нужен взрыв такой силы, после которого начнётся подвижка грунтов. Никто, ни один не выйдет отсюда на грунт, на швартовую площадку *Гадитаны*... Это было рассуждение почти трезвое, сознательное – оно перетекло в сноподобное видение: вооружённый враг может проникнуть в наш форт только из нижних этажей, с командного пункта ракетных установок. Раскроются скрипучие железные дверцы храма Януса бифронс... Это и будет – война.

Я сплю.

Какое «сплю»? Отставить «сплю»! Это же действительно началась война – в тяжёлой голове ползут короткие фразы, подтверждение наихудших предположений. Собственно, окончание предположений и рефлексий, пробуждение в отвратительную бесповоротную реальность. Какой смысл разлеплять тяжёлые веки? Ах да, засечь время для доклада. «Во вверенном моему наблюдению отсеке ФВУ²⁶ возникли скрежеты... будто сверлят металл... время три-ноль-пять», – говорю я в трубу, и на этом заканчивается моя гражданская жизнь...

«– Приступайте к разведке! Поосторожней», – говорит в трубе голос Полковника, и я вижу в дальнем конце коридора кивок его лысеющей головы и руку, отмечающую на схеме форта происшествие. Поддаваясь моему усилию, стальная масляно-белая дверь-ширма откатывается всё шире и шире. Что там? Я иду, я пошёл, я уже по пояс просунулся внутрь слабо освещённого зала, загромождённого машинами и жестяными коробами. Мёртвый неподвижный воздух. Здесь, конечно же, никого нет. Звуки идут снаружи, через воздуховодные каналы в бетонной стене; где-то там, в скалистом подземелье, по ту сторону бетона, идёт работа. Инструменты грызут стальной лист и проваливаются в пустоту, грызут и проваливаются, грызут... Каким-то инстинктом (или, как говорит дядя, потому что в военном деле всё устроено просто, и благодаря этому каждый дурак в состоянии защищать Родину) я вцепляюсь в рычаг аварийной заслонки вентилятора, висну на нём, преодолевая тугую застаревшую смазку. «Кегельбан», – думает моя отупевшая голова; по жестяному горизонтальному каналу что-то катится, всё ближе и ближе. «Три... четыре...» – автоматически отсчитываю секунды, и с тоской ду-

маю, что моя обязанность – дожать рычаг до запорного щелчка, и что он ни за что не будет ползти быстрее, чем сейчас...

«Пять!» – говорит счётчик в моей голове, рычаг садится на фиксатор, и я бросаюсь к дверям. Не добежав, спотыкаюсь, лечу головой вперёд в гулкий хлам... Затем, непонятно как – уже стою в коридоре, дядя придерживает меня за плечи, мы выжидаем, пока там за дверью, в отсеке, осядет густая пыль, поднятая взрывом, и можно будет осмотреть место разрыва воздухопровода.

Ослабленные воротами и дверью Сторожевой Башни, звуки боя в Сталактитовом зале кажутся мне несерьёзными, малозначительными по сравнению с оглушительной канонадой на нашем, западном борту форта. (Обидно было узнать впоследствии от дяди, что это были всего лишь пустячные взрывпакеты, которые мисс-механик Джинс меланхолично бросала в вентиляционный колодец каждые шесть секунд, для акустического воздействия на нашу психику, а также для отвлечения от того важного, что происходило в восточном тоннеле).

Когда мы надевали противогазы, наш педантичный господин Доктор выдал мне и дяде ушные затычки. Теперь, стоя в отсеке ФВУ возле вспученного и разорванного взрывом наружного приводящего короба, господин Полковник отправляет меня на секретное задание. Это зрелище, разыгрываемый нами неторопливый спектакль, напоминает сцену когда-то виденного -- диалог глухонемых на морозе.

Потребность изъясниться в мире немоты. Те двое снимали варежку, чтобы выразиться пальцами, ясно – и тут же одевали назад. Мороз кусал их за говорящие пальцы.

Стёкла противогаза у меня потеют, и всё труднее разбирать фразы, которые дядя набирает непослушными от стрельбы пальцами на клавиатурке палм-компа. В промежутки, пока я щурю глаза и придвигаю переданную мне светящуюся табличку поближе, то дальше от противной мутной маски, дядя в очередной раз всовывает воронёный ствол в зияющий канал, машинка пистолет-пулемёта Хеклер-Кох в его трясущихся руках выплёвывает очередную порцию гильз, и дым вокруг нас становится ещё гуще...

Полковник что-то мычит, машет мне рукой, и я покидаю его.

.....

²⁶ ФВУ (*фортиф.*) – фильтро-вентиляционные установки

Возвратившись, я застал Полковника уже в библиотеке, за телефонным разговором. Он выслушивает чей-то доклад, всё больше мрачней. Вот пришла моя очередь. Оказывается, уже всё известно, мои слова нужны только как подтверждение. В восточном туннеле на рельсах узкоколейки действует установка лучевой артиллерии, и каждый выстрел-разряд всё ближе подбегает к центральным нервным узлам нашей аппаратуры спутниковой связи. Хинкс в своём отсеке взвизгивает и рычит, обнаруживая отказ очередных цепей и каскадов, и я представляю действия противника – они только что подсмотрены мной из крысиного лаза. Отблеск лучей прожектора, заливающего вдали Сталактитовый зал. Две слегка изогнутые мокрые полосы рельс. Фигуры, суетящиеся вокруг приземистой машины, искрящейся голубыми разрядами, шарящие огоньки карманного фонаря, глухие слова. Секунды наводки. Как в настоящей артиллерии; они отбегают и мне слышно гудение трансформаторов, тяжёлый удар, и после этого – звоночки и щелчки автоматики. Я был свидетелем двух лучевых выстрелов – когда они готовились к третьему, я уже протискивался по коленчатому узкому ходу – назад, к своим, из разведки.

.....

«– Юнга, куда дует ветер?»

«– Как всегда, в компАс!»²⁷

Сколько раз меня преследовала в походе эта подначка-прибаутка! Рефлекторно, перед тем, как скрыться у узком недре горы, я выставляю в туннель руку и, расставив пальцы влажной и дрожащей руки, ощущаю уверенную тягу. Впоследствии Полковник говорил, что это было наше счастье – то, что тяга в туннеле шла в южную сторону, и то что я твёрдо и уверенно ответил на этот его вопрос. Так решился его план.

Далее бой, собственно говоря, завершился. «К вылазке готовиться!» – звучали у меня за спиной команды Полковника и Капитана. За время звучания фразы я -- пересекаю библиотеку, всё дальше и дальше от настольной лампы, в темноту хозблока. Снова протискиваюсь в шкаф. Затем секретная дверца, включена подсветка на часах и секунды отсчёта пошли. Я ползу – уже в четвёртый раз – сквозь коленчатый канал, осторожно переставляя перед собой брезентовую сумку, и думаю всё это время о

мисс Казэлии. Мне кажется, что я с ней очень близок, и в этот раз инициатива на моей стороне...

Таймер часов пискнул, и я забрасываю дымо-газовые шашки – одну за одной – как можно дальше в сторону «артиллеристов». Слышу накатывающиеся по тоннелю издали, из Сталактитового зала, грохот и крики. Клубы буро-зелёного тумана разбухают, заполняют туннель и волнами ползут мне навстречу; я пачусь на четвереньках назад, укладываюсь на кочковатый пол тоннельчика, разглаживаю и прижимаю к лицу резину газовой маски... Снова ползу, пятась, назад.

.....

Правая рука просунута в узкое отверстие. Нужно вывернуться, лёжа на спине, как мне показывал Исебчи, и тогда руку можно согнуть в локте и просунуть ещё дальше. Там, на дне бетонного рукавчика будет ручка запора... И, наконец, я снова в зале библиотеки. Дверь шкафа закрыта, я снимаю противогаз и вижу Капитана – он приветствует меня поднятым бокалом вина. Пересчитываю глазами сидящих за столом. Вздыхаю с облегчением – все живы.

²⁷ ветер дует в компас, а тени падают из компаса.

Глава 15

«Она одна не выстоит!»

Понедельник, 1 октября 2035 г.

Рассказывает Юнга

По световодным жгутам начал просачиваться тусклый белый свет и мы выключили электричество. Несколько часов назад, на совещании в библиотеке, мои товарищи были возбуждены. Стычка только что отгрохотала. Лилось вино... Доктор, разливая, повторил: «Для гемоглобина! Для гемоглобина!». Голоса звучали молодо...

Сейчас вокруг меня апатичные от недосыпания и усталости люди, сомневающиеся в разумности происходящего.

В эти долгие, сонливые сутки после боя, я вновь приступаю к обязанностям стюарда.

Как обычно: обходишь вахтенных, принесёшь кофе и бутерброды... Или просто сидишь рядом, ведёшь пустячный разговор. Это помогает отогнать наползающую дрему. Короткие рассказы вахтенных сложились с застольными репликами. Вот как вырисовалась в моей голове история коротких минут боя, в котором удалось спасти наш канал спутниковой ТиВи-трансляции.

Мой дядя Полковник – на то он и генерал – быстро пересчитал на своей схеме огневые точки Сталактитового зала, пренебрёг постоянным, мучившим нас грохотом взрывов в вентиляционной системе, и принялся разыскивать, чем же заняты диверсионные группы, которые, по его расчётам, должно было быть две.

Моя вылазка через крысиный лаз обнаружила *тех* в тоннеле – расчёт позитронной пушки, подвезённой по узкоколейке.

«– Это рентгеновский лазер?» – спросил я у г-на Доктора.

«– Лазер? Вряд ли. Оружие электронной борьбы, что-то вроде обычного антибаггинг-девайс²⁸, только мощностью в миллионы Ватт... Впрочем, я слабо разбираюсь в военной технике, может быть там действительно применён эффект лазера», – отвечал Доктор.

Вторая диверсионная группа, пытавшаяся вскрыть кабельный колодец в тёмном северо-восточном углу Сталактитового зала, была обнаружена Полковником чисто аналитически, по характеру отвлекающей стрельбы.

«– Теперь вот там, где-то возле колодца, открыто лежит *оно*. Стронциевый источник», – сказал Доктор, вахтенный по сторожевой башне. Откинувшись на стуле, он смотрит на меня строго, будто это я виноват в очередной экологической катастрофе. Я бездумно поднимаюсь на ноги, в полный рост, опираюсь на деревянную пирамиду и гляжу через амбразуру в темноту пещеры. Меня зачаровывает тайна этого невидимого свечения, пронизывающего стоячий подземный воздух, мне начинает казаться, будто я вижу бледно-голубое дрожащее гало – Доктор одергивает меня и заставляет опуститься на скамью, ниже уровня амбразуры, говорит, что от большой дозы может появиться катаракта, помутнение роговицы. «Потом, – говорит он устало, как человек, которого никогда не слушают – через много-много лет»

²⁸ Antibugging-device (*технич.*) – атрибут коммерческой деятельности, известной как «борьба с жучками» (подслушивающими устройствами). Бытовые ABD обычно имеют габариты бытового пылесоса, действуют на расстоянии 10-15 см, коэффициент эффективности 60-70%.

Я разливаю из термоса кофе – в красном свете он выглядит абсолютно чёрным. Доктор продолжает рассказ. До конца вахты ещё далеко.

После боя, в телефонном разговоре с мисс Казэйлией удалось договориться, чтобы экипаж не проговорился перед пассажиром Штерчи. «– Неплохой риторический ход», – говорит Доктор между глотками кофе, и в тусклом свете невозможно понять выражение его глаз – «прейтеритио»²⁹ на новый лад – давайте ничего не будем говорить иностранцам о том, что у нас в зале, по вине руководства экспедиции, лежит капсула со стронцием-девяносто». Приблизиться к этому месту, как я понял, ближе, чем на пятьдесят метров – опасно.

«– Да – подтвердил Доктор – ближайшие сто лет!»

После того, как они с Риггером выкатили «пушку» из тоннеля в зал и опрокинули с небольшой насыпи полотна вниз, к колодцу кабельных коммуникаций, Полковник выстрелами в упор разбил защитную блокировку изотопной подзарядки. Расчёт правильный, теперь никто из экипажа не согласится туда лезть.

«– Ты бы видел, как, прижимаясь к западной стене, обходным путём вели сегодня утром Штерчи на работу в форт».

В городе Чарьков, на Сумской сто-бис, мы оставили после себя воронку подземного взрыва. Сталактитовый зал по нашей вине загрязнён долгоживущим радиоактивным стронцием. Что ждёт впереди? Мысли неотрывно обращаются к «Гадитане» и мисс Казэйлии... Невообразимо совершенные обводы нашей тропосферной лодки и так притягивающий меня неукротимый нрав мисс боатсвейн...

А вот ещё одно последствие нашей газовой атаки – летучие мыши вынуждены покинуть подземные гнёзда.

[Комментарий Ка-2-ранга]

1. Из книги литератора-классика я выписал, чуть изменив, цитату, в которой так же неотрывно переплетено щемяще-тревожное любовное судно, созданием гения, и чудом женской красоты:

Why have I never seen an airship before?

²⁹ Praeteritio (лат.) – ораторская фигура так называемого «ложного умолчания»

What hand or eye framed that silvered symmetry?

As she stood on the dock by the gondola she looked like the figure-head on a ship

2. «А вот ещё одно последствие нашей газовой атаки», пишет Юнга. Что за чувство стоит за этими строками? Едва опасность отступила, и вновь начальник экспедиции превращается для нашего молодого автора просто в «дядю». Вместо стратега, спасителя экспедиции – перед нами отставник, авантюрист и самодур. Не влияние ли это насмешливого корнет-султана, post-cineres введенного в наш круг – действующих лиц повести – изыскателем-антропологом Штерчи?

Видю нашего Юнгу, себя самого, на верхних ступеньках лестницы-трапа. Взбежал только что по гулким винтовым ступеням, уселся под плафоном световодного люка, как раз возле задренной дверцы, ведущей в верхний ярус пещер. В руках книга, неохотно принятая от Штерчи, когда того уводили под конвоем назад в место содержания, в пещерные казармы Красных Ворот. Нужно сказать, Просвирия с первых же часов высадки установил среди «пиратов» тюремные порядки – многим из них знакомые давно и не понаслышке. Штерчи, как того и требовал Полковник, в восемь-ноль-ноль понедельника приступил к архивной работе. Из перехвата Хинкса (точнее, трансляции, запущенной в нашу сеть метеорологом Исебчи с тремя или четырьмя повторами) мы узнали о неудачной второй попытке наших конкурентов наложить руку на спутниковый канал ТиВи. Некто неизвестный меткой стрельбой остановил группу, пытавшуюся подобраться в горах к трёхметровому блюдцу антенны.

В понедельник Штерчи сунул Юнге книгу из стопки. Итальянца уводили, по окончании «архивной вахты», назад в казармы Красных Ворот. С собой он набирал в библиотеке десятка два книг – читать, наслаждаясь одиночеством, без назойливого взгляда конвоира.

И вот на меня с фронтисписа насмешливо глядит, покуривая, корнет-классик, сам себя изобразивший гибкими линиями пера. Из этой книги и вынес Юнга в свои записки непочтительные литературные фантазии г-на адъютанта по адресу Г.Х.Г***. Тот юноша, в XIX веке, гениальный штаб-офицер... Избрал благоволившего к нему генерал-губернатора предметом для занятий в

неродном русском языке. Не сомневаюсь, что именно о дяде, отставном генерал-лейтенанте, непочтительно думал Юнга, переноса в блокнот иронические строки, запечатлевшие домашний обиход и застольные суждения его высокопревосходительства генерал-губернатора:

«Конечно, ты, жена, удивишься, когда узнаешь, что я – да, я – некогда, это было очень давно, тоже писал романы. Действительно, господа, я писал романы и писал очень хорошо. Но служебные занятия, военные экзерциции и, наконец, главное моё призвание быть генералом и тактиком испарило эту детскую наклонность, и я пустился в другую, более глубокую, более фундаментальную эрудицию – начал изучать философию, и историю и религиозные поверья всех живых и мёртвых народов обоих полушарий».

[заканчивается Комментарий Ка-2-ранга]

[продолжается Рассказ Юнги]

А вот ещё одно последствие нашей газовой атаки. Теперь дышать можно только заборным воздухом. Как же несчастные бэты*³⁰ в пещерах? Залатанная Риггером вентиляция всё продолжает, который час подряд, наддувать избыточным давлением наше убежище – гонит нам механический, перемолоченный воздух. У всех нас во рту привкус машинного масла.

Тянутся сутки, меркнет белый свет в световодных люках, господин Доктор занялся расчётом доз облучения, полученных каждым из нас во время ночного боя – обвёл на стенах мелом места, где фокусировался пучок позитронной пушки и возникало наведенное излучение; расспрашивает кто где находился и заполняет вкладыши в санитарную книжку воздушника. Штерчи уведены из библиотеки на базу пиратов, которую Полковник, пользуясь картой, называет Красными Воротами.

«– Почему Рощин так встревожен?» – обращённый ко мне вопрос Хинкса выводит меня из мрачных раздумий. Он продолжа-

ет: «– Мисс Казйлия по телефону докладывает, что на якорной стоянке дрейфа не обнаружено, ветер пять-шесть метров в секунду... Сводки с Базы дают спокойный прогноз. А Рощин упорно чертит и рассчитывает, заставил меня – брови Хинкса недоуменно топорщатся – обследовать в Интернете сайты *сторм-вотчеров*. Ну, этих сумасшедших, которые съезжаются любоваться молниями, разрушениями и фотографировать улетающие с ветром крыши».

Я думаю про себя: «Был бы я дирижабельным капитаном такого класса, как он. Как бы я чувствовал себя в этой ситуации? Пойти в безумную, авантюрную экспедицию только ради возможности получить в командование судно седьмого кубатурного класса...» – Я вспомнил всё, что слышал краем уха про карьеру Рощина: отличная учёба, призы на регатах, безупречная военная карьера, командование большим дозорным дирижаблем. Внезапная отставка по политическим мотивам, служба в Сибнефтьгеологии... И вот теперь лежать полупарализованным в бетонной могиле, не слышать скрипов такелаж, не видеть стрелки приборов».

«– А вот это тебе», – сказал Хинкс, и украдкой сунул мне бланк радиогаммы. Он добавил с непонятной для меня интонацией, тихим голосом: «Рощин – один из лучших тропосферных капитанов».

Я остался один в коридоре. На карточке стояли коряво вписанные слова:

«Предписываю. 1.10.35. 22.30 местн

Она одна не выстоит

Рощин»

Буквы угловаты, строки неровные – писали левой рукой. Аутент³¹.

.....

2 октября 2035 9.00

Почему я стою рядом с Исебчи на террасе? Вы скажете, я не имел права покидать гарнизон. Сам знаю и полностью согласен. Когда я воровито собирал экипировку, прокрадывался через библиотеку мимо заснувшего над бумагами дяди и открывал дверцу трансформаторного шкафа, совесть мучила меня. Един-

³⁰ Bat (англ.)

³¹ authentys (гр.αυτηνυτοσ) – «собственной рукой написанный/ое»

ственный ясный для меня самого импульс, причина, почему я так поступаю – с меня достаточно этих подземелий. Хочу увидеть восход солнца, почувствовать волну живого свободного воздуха.

«Стыдитесь, молодой человек» – говорю сам себе, а тем временем моё тело протискивается через ставшие привычными извивы крысиного лаза, секретного хода Исебчи. Противогаз не понадобился. Поморгав глазами – рези нет – я оставляю сумку в нише, отправляюсь в темноту туннеля, на север.

.....

«– Ваш капитан правильно сделал, что посылает тебя. Быстрее!» – говорит Исебчи, появляясь из бокового тоннеля. После моего телефонного звонка прошло, кажется, совсем немного времени. Или я заснул, сидя в полной темноте рядом с переговорным устройством?

Моё отвращение к сырому тёмному подземному миру, к участию в военных действиях – оказалось сильнее ответственности солдата. Эта мысль тянется в моей голове, и смысл слов метеоролога понимаю запоздало. Он властно тащит меня за рукав, усаживает в тележку, и мотор разгоняет нас по рельсам всё быстрее и быстрее. Стучат колёса на стыках. Сегодня Исебчи щедро расходует электроэнергию. Под вой мотора и скрежет тормозов мы высаживаемся на площадке фуникулёра. Хлопотливый хозяин //затерянного мира// бесцеремонно подцепляет меня к тросу бугель-подъёмника, делает предупреждающий знак, трос натягивается, я сжимаюсь в комок, повисая в петле-лямке, и мы несёмся вверх.

Очередной поворот линии. Скоба подвеса въезжает в ролики подъёмника. Я едва успеваю извернуться и упереться ногами в наезжающий на меня стальной шпангоут тоннеля, выхваченный секунду назад фонариком плывущего надо мной Исебчи. И, наконец, остановка. Знакомый лязг открываемого люка, ноги метеоролога зависают надо мной и быстро исчезают, открывается круг лилового света. Привычным движением разворачиваюсь спиной, забрасываю руки в люк, прогибаюсь, выталкиваюсь. – В спину мне ударяет свежий ветер.

.....

«– Вот в этом направлении стартовать» – показывает рукой Исебчи. Его седая борода аксакала, полосатый халат и хитрые

сощуренные глаза придают происходящему оттенок фантастики, нарочитого хода сценаристов, придумавших крутой авантюру. – «Скорость ветра будет быстро нарастать в ближайшие часы», – говорит Исебчи с усиливающимся акцентом, – «формируется настоящий молодой внетропический циклон. Вот там!» – он показывает рукой вдаль, за горизонт.

Я смотрю вниз. В лощине справа от нашей террасы виднеется заброшенное селение геологической партии: ржавые рельсы, разбитые вагонетки, на отвалах щебня уже давно выросла полынь, а дощатые постройки развалились. Крона необычно высокой ели раскачивается всё сильнее.

Из-за низких горок Сторожевая Гряда в ущелье заползает из пустыни жёлтый туман и заякорённая у мыса *Гадитана* ещё больше становится похожей на всплывающую подводную лодку. Дельтаплан Исебчи «За ВДВ» уткнул клювом в камни, против ветра. «Огромный лебедь, расправив крылья, пытается влезть в лисью нору» – думаю я, будто на моём месте сейчас – Роксолан I, мой старший брат, охотник за метафорами. Этот парус, растянутый на трубках и струнах, не очень сильно отличается от первых балансирных планеров, на которых «летающий Отто» и его ученики парили сто пятьдесят лет назад, первые люди-птицы.

Исебчи, которого я совершенно не слушаю, твердит что-то об усовершенствованиях, внесенных им в раскрой крыла и конструкцию кия. Мысль о том, что вот сейчас я могу поднять на плечи этот десятиметровый парус, войти с разбега, будто в воду, в густой и мерно свистящий *люфт*, пойти над склонами, над долиной, заполняющейся позёмкой лёссового тумана – туда, где стоит на якорях *Гадитана*. Податься вперёд, упершись через трапецию, через угол атаки, перепончатым плечом – в газ. Воспарить и помчаться, достичь её напрямую, по линии взгляда, дрожащую на якорных тросах в обтекающем её пыльном воздухе пустыни. Эта мысль кажется мне чудовищной. Такой же дикой, как в июле, когда мне стоило протянуть руку, и я мог привлечь к себе мисс Казэлию, касаться её замечательных волос и обнимать нервную узкую спину.

Шлем мешает, мысли путаются. Я не слушаю торопливых советов Исебчи, сколько времени мне нужно держать спираль, набирая высоту, когда брать ручку на себя и увеличивать скорость. Передо мной была громадная лиловая туча, быстро затягиваю-

щая горизонт. Я воображал женщину – изящную, стройную, рыжеволосую, всегда нарядную, пахнущую какими-то особыми духами.

.....

Исебчи тормозит меня, рывком проверяя ремень за ремнём, защёлкивает замки и продолжает произносить неслышимые мне наставления, что-то рассказывает о направлениях ветра в долине Мёртвая Гавань, пересекающих мой маршрут.

[Гора Каилас]

Многие годы спустя, во время дружеской нашей встречи в Барге, Исебчи признался, что до последнего мгновения не мог угадать, хватит ли у меня решимости бежать без заминки до отрыва.

«– Даже когда ты, едва дождавшись присоединения подвесной системы...» – говорит Исебчи, обшаривая взглядом восточный склон священной горы Каилас³² – «когда ты встряхнул плечами купол-крыло и стремительно побегал от меня...» Снежный склон изогнут плавной дугой. Его оттеняет такое же облачное, иссиня-чёрное небо, как над пустыней Ядыркум в далёком, давнишнем году 2035.

Я знаю эту частую ошибку. Нерешительность, страх взлететь – невольно замедляется бег, дельтаплан падает вперёд.

«Линия наибольшего уклона... Ветер! Ветер может изменить направление» – в голове мелькают июльские наставления Гайд-ропа, он тоже учил меня дельта-спорту, в Брундиз-Уральском. Всё невпопад, всего не предусмотреть, самое главное – скорость.

Помню только ощущение, когда большая посторонняя сила властно потянула меня через подвесную систему вверх. В ушах стоял ровный шум ветра, склон уходил подо мной всё глубже и глубже, и мои руки уже лежат на ручке трапеции, перенесшиеся чудом, сами собой, с боковых стоек, не помню как. А это, будто бы, сложнее всего для новичка.

³² Другое название горы – Kangrinbqe Feng, высота 6714 м. Восточный склон более пологий

Глава 16 Дельтаплан «ЗА ВДВ»

Вторник, 2 октября 2035 г.- весь день.
Наедине с Гайией. Рассказывает Юнга

Я был одиноким пловцом в воздушной реке. На высотометре – 2500 метров, впереди и внизу – *Гадитана* на своей якорной стоянке. Она высилась желанным островом, одиноким гордым утёсом, отколовшимся от противоположного мне берега.

Дно долины заполнилось клубящимся маревом лёсса, воздух быстро сгущался и темнел. Горизонт за горами Ближней Гряды затягивался тёмно-лиловым занавесом. В шатком скользящем полёте моё внимание приковано к земле, и я не уверен, действительно ли там, на севере, вспыхнула молния. Освещённая солнцем спина дирижабль-шхуны, ртутный кокон, вылупленный из складчатого лоскутного одеяла горной страны, обманчиво близка. Близка для глаз и почти недостижима для дельтаплана, скользящего вниз по невидимой плоскости энергетического запаса, преодолевая встречный ток воздушных масс. Доплывёт ли утлый парус-дельтаплан? Держи меня, подъёмная сила!

Вся надежда была – увидеть птицу. Я обратился мыслями к старому бородатому козлу тау-теке, духу этих мест, чтобы он послал мне птицу-проводника. Над учебным склоном в Брундиз-Уральском, куда водил меня летом Гайдроп, на шестах здесь и там парусил полосатый винд-бэг, постоянно кружились разноцветные паруса дельтапланов – один за другим аппараты входили в термик, спортсмены и спортсвумены становились в спираль для набора высоты; на учебной акватории ходовой воздух-люфт был ясно размечен для неопытного глаза. «Из хищных птиц на месте нашего ночлега парили коршуны и особая порода из рода ягнятников, белая как лунь, концы крыльев чёрные, ноги красные» – будто какой-то посторонний голос прочитал из разысканной итальянцем книги про старинное путешествие корнет-султана по этим самым местам. Сейчас бы мне эту птицу, без неё мне не найти точного фар-люфта, не выстроить правильной линии погони, не разрешить треугольник скоростей. Наугад направляю курс сильно влево, на Красные Ворота, почти параллельно диаметральной плоскости обетованного серебряного острова. Неси, гулкое крыло-парус, сооружение таинственного отшельника, и пусть минует нас коварный ротор-Лее, нисходящий вихрь горной вершины, отмеченный сверху малым прозрачным облачком. Страх смешался с мышечной дрожью и ветром; он пропитал меня насквозь. Пронизывающий страх был почти незаметен, как незаметен холод и ветер промороженному бегуну. Резь ветра в трахее, деревянное напряжение спины в поворотах. И мелкая вибрация, гул паруса в потоке, передающийся в руки через трапецию...

Что ждут люди в подземелье, зачем их мысли с надеждой обращены ко мне? Что думает мисс Каэйли? Встречный ветер усиливается. Дельтаплан, судя по местным приметам, совсем не продвигается вперёд, путевая скорость ноль, несмотря на сильный шум ветра в ушах. Всё больше беру ручку на себя, с ужасом вспоминая слова «пикирование», и следующее за ним неотрывно – «флаттер».

«Почему я, именно я должен это сделать? Выйдя за рамки уставов и старинных сценариев, грубо разломав чьи-то тонкие расчёты и хитроумные замыслы – восстановить простую гармонию» – такая фраза сложилась в те минуты, я решил, что когда-нибудь запишу её на бумаге.

Рывки ветра кренят дельтаплан. По мере приближения к Красным Ворота, я всё чётче различаю вдаль, за пеленой лёссовой пыли, волшебный Ырамбаг. «Так и не удалось побывать в нём» – было чувство, что я покидаю эти места навсегда.

Вдали, над пустыней Ядыркумы, величественно и страшно вырисовывается невиданная гряда гор, будто фата-морганой перенесённое с юга на север повторение гряды Тянь-Шаня – могучий облачный слой, стратус молодого циклона. Мой внеустановный поступок должен разрушить противостояние – думаю я о тех пятнадцати, почти полном экипаже *Гадитаны*. Они сейчас в подземелье, как животное СЛЕПЫШ, готовятся к продолжению лилипутских войн. Не подозревая величия надвигающейся стихии, они измышляют, как досмерти исколоть друг друга булавочными орудиями.

Какая разница, кому достанется рукопись Марциала?

Примечание Ка-II-ранга

Разумеется, все эти мысли пролетали в голове Юнги в виде ключев-отрывков, таких же неопределённых и бесформенных, таких же неуловимых, как летящие сейчас навстречу дельтаплану комья нижнего тумана, лёссовые микросмерчки и занывающие сверху в его эшелон опасные роторы Лее. Молодой воздушник впервые оказался в воздухе в одиночку, не на дирижабль-судне, и даже не на утлом аэростате для парашютистов. Мне составило немало труда разложить обрывки фраз и смутные воспоминания в более-менее связный текст.

Сколько хозяев сменил, например, рукописный КОДЕКС АНТИКВИССИМУС, так называемый Vaticanus latinus N 3294³³, о котором Юнга-Роксолан слышал столько раз от господина Доктора. Историю владельцев исследователи восстанавливали по маргиналиям и конъектурам, большая часть которых сделана рукой Таддео Уголетти. Те свитки, которые ожидали экспедицию «Гадитаны» в хранилище Мёртвой Гавани, наверняка за восемнадцать столетий повидали множество хозяев, и можно только воображать, какие денежные суммы уплачивались в денариях, драмах, гривнах, фунтах... Какие перипетии человеческих судеб, какие сплетения жадности, коварства, дипломатии завязывались вокруг КАПСЫ. Всё происходящее с экипажем «Гадитаны» – лишь очередной эпизод, имевший место давным-давно, в первой половине двадцать первого века, в далёкие тридцатые...

«Не имеет никакого значения, кому...» – думал Юнга, и следом за этой мыслью тянулась неизбежная, следующая, ужасная – «неужели человеческая жизнь так дешёвая?»

[Конец вставки Ка-2-ранга]

Птица появилась, большой хищник-паритель, По безукоризненной линии её полёта я выдерживал курс, планируя на моих распростёртых немашущих крыльях. Вот, наконец, птица ныряет в тень хвостового оперения «Гадитаны», и мы с дельтапланом Исебчи «За ВДВ» снова остаёмся одни в потоке пустынного ветра, метрах в двухстах над «Гадитаной», и моё движение продолжается. «На люфтах тормозов не бывает» – задолбленное в голову правило

³³ А.Малеин. «Малоизученная рукопись Марциала». В кн. «Марциал», 1900, с....

сработало. Самоубийственное движение «ручку на себя» было задавлено в то же мгновение, когда дрогнула рука. В тот момент, когда под ногами (точнее, под животом, ведь я подвешен горизонтально к килевой балке перепончатого паруса) проплывал – безвозвратно – стык швов на оболочке. Тот самый стык между первым и вторым отсеком, «воронье гнездо»... Проехали.

Как водится у неопытных дельтапланеристов, на старте я стал в поток обтекания и жадно набирал высоту. Теперь, после двадцати минут головокружительного тряского полёта, достигнув летящий на якорях остров – дирижабль – обнаруживаю избыток высоты. Опытный летун встал бы в спираль и ловко, как птица на гнездо, снизился бы на спину серебряной китовой самки. Не по моему это умению, рассчитать спираль при таком ветре. Остаётся парить галсами, ожидая, когда меня снизит естественный ход планирования, и ветром прибьёт назад. Тело вправо, выдерживание, крен... вывожу аппарат из поворота. Контрповорот, тело влево, выдерживание, крен... Надолго ли меня хватит?

Спасительное мягкое сооружение, плавающий остров, то справа, то слева от меня, «восходит» и приближается. Под кожей-оболочкой прокатываются волны газового напряжения: так передаются вдоль поплавка удары ветра. Играют газовые мускулы люфт-драккара³⁴, выгрузившего на берег разбойную дружину.

.....

Снижение, выдерживание, парашютирование. Началось самое страшное.

Я упирался ногами в податливую тонкую дакроновую шкуру дирижабля, она пучилась вокруг продавленного мной

³⁴ Драккар – судно викингов

углубления, и на плечах у меня плавали в ветре продетые сквозь парус дюралевые балки-трубы, скелет моего крыла.

Только теперь я сообразил, насколько безрассудна моя затея – на дельтаплане в одиночку овладеть дирижаблем.

Вычитанная фраза всплыла в голове «She downed bleeding her liftgas»

Как избавиться от дельтаплана, не пробив газоместилище? Если бы в запасе у меня было время, можно, наверное, придумать план получше. Или старина Риггер, выйдя из люка, как из проруби, взялся бы за носовую растяжку дельтаплана, смирил его норы и сказал мне «Добро пожаловать на борт!»

Ветер усиливается, подтверждая прогноз Исебчи. Моё решение: буду пятиться по хребту, между рядами газовых клапанов. Ни много, ни мало, почти пятьдесят метров. Ориентируясь по линиям швов и отсчитывая секции клапанов, я пятился и пятился назад, и гребнистая изогнутая линия миделя ползла вслед за мной, поглощая одну за другой поперечные усиливающие полосы оболочки.

Можно подумать, что под ногами – поверхность небольшой планеты, вспученная избыточным давлением шесть миллибар. Её горизонт – близкий и ясный: за ним вдали – ирреальный, мутный горизонт-марево приютившей нас огромной планеты Гайя.

.....

И вот, в конце концов, совершенно обессиленный и оглушённый, будто начинающий хирург; трижды вспотев от огромной ответственности, я донёс дельтаплан до цели, до рубежа. Слева от меня начинается острый гребень спинного фин-стабилизатора. Ещё несколько метров по направлению к корме, постепенно разгибаясь... Трапеция дельтаплана с её растяжками вынуждают держаться мет-

рах в двух от стены фин-стабилизатора; остаётся только придерживаться за гребень крылом, оглядываясь на меридиан под ногами. Чем ближе к корме, тем более покатым он становится. Всё. Дальше совсем опасно. Достаточно.

Задираю клюв дельтаплана, увеличивая угол атаки, и отстёгиваю подвеску. Аппарат уходит вверх и я распрямляюсь, нащупывая ногой под оболочкой стрингер кормового развития – для толчка мне нужен металл каркаса, а не зыбь газового мешка. Я вынужденно стою лицом к ветру и он плотной струёй давит в мои лёгкие, мешая дышать. Ещё труднее, чем раньше, удерживать дельтаплан от крена. Справа от меня, внизу за скатом меридиана, серебристая хвостовая плоскость нависает над далёким склоном северной террасы, как монумент техницизма.

Вот долгожданный поток ветра. Усиливающийся, устойчивый, плотный, такой, что вот-вот сожмёт меня. Круче угол атаки – поток вырывает из занемевших рук дельтаплан, подбрасывает вверх, проносит над гребнем фин-стабилизатора, затем поднимает летательное крыло вверх и заваливает его в штопор. Я замираю, ожидая ужасного удара в корму. Дельтаплан, медленно вращаясь в противоестественном положении, удаляется, будто уносимый ветром зонтик... «Миновал кормовую оконечность», успеваю машинально отметить. В этот момент дирижабль под ногами то ли вздохнул, то ли автопилот переложил рули высоты. «Прощая, дельтаплан За ВДВ», думаю я, лёжа ничком у основания стабилизатора и пристёгиваю, наконец, страховку к тросу-перилам. Начиналась вторая часть моих приключений в безбрежной воздушной реке пустыни Ядыркум.

Не помню, как заполз в люк кормовой шахты, пробрался через узкий проход ютовой киль-фермы и очутился на палубе механиков. Проснулся я на чужой койке, разбуженный тишиной. Как в горах, в пещере. На судне нет никого.

[Ещё одна вставка Ка-2-ранга]

Корабль принял в своё ажурное недро отчаянного летуна, преодолевшего ветровой пролив. Сколько раз мне приходилось оставаться в баллонетной вахте, манометристом³⁵* pressure watch, на борту ошвартованного дирижабля. Всегда поражает волшебная атмосфера, в которую погружается одинокий вахтенный на безлюдном воздушном корабле. Даже в стоянке на лётном поле, причалена носом к передвижной трубчатой мачте, обвешанная гроздьями балластных мешков, дирижабль-шхуна всегда готова к свободному полёту. Время от времени она проявит свой нор, свою сроднённость с газовой средой. Чувствуя нежный порыв ветра, огромная Т-лодка время от времени отрывает от бетона колёса, зависая в нескольких метрах от грунта. А что говорить о дирижабле, ошвартованном на рейде к тросовой пирамиде, в безопасной высоте сотен метров. Одно из самых изящных порождений человеческого гения техники – эти многотонные газовые гиганты, с ажурным скелетом из металла и углепластика, парящие без малейших затрат энергии; они подняты *aloft*, *на-гору*, архимедовой силой газа. Их идеальные аэродинамически, обтекаемые тела-оболочки, рассчитанные по методу конечных элементов. Их искусственный интеллект, управляющий рулевыми машинами и газовыми клапанами... Ты находишься внутри одушевлённого облака, внутри рукотворной волшебной горы из газа.

[Конец вставки]

³⁵ описание pressure watch даны в Записках Дирижаблиста (Larry's Airship Picture Book)

Глава 17 Сквозь бурю

Среда, 3 октября 2035

«На графическом плане дирижабельного похода знаком «Р» (в кружке) красного цвета указывают места (районы) встречи с взаимодействующими силами и колёсными базами обеспечения. Под знаком ставят время встречи и число чёрным цветом».

Наставление Штурман Дирижабля

Я осмотрелся на палубе механиков, выглянул в брошенные открытыми лючки. Никого на койках. Ни души за стёклами моторных гондол. Пусто в коридоре, на грузовой палубе и в медицинском отсеке. В центральном посту, в кресле 2 по штирборту, неподвижным грузным телом коченел Старший Помощник. При моём появлении он не повернул головы, и его остекленевшие глаза продолжали, будто воронка жидкость, поглощать мелькающие на малом экране колон-

ки цифр. Я ворвался в его горделивую медитацию, его тайное соитие с кораблём и программой Маннхейма-Хергеззеля.

«– Тебя прислал Горный Козёл? Ума не приложу, как ты сюда попал?» – произнёс Старший Помощник, слегка выныривая из своего оцепенелого приготовления к Nochen-tod. – «Ты, кажется мне, живой. Что тебе делать на мёртвом судне?»

«– Я прибыл принять командование этой Т-лодкой» – по неясному вдохновению я вёл себя дерзко, развязно, и не по чину. Какое предназначение двигало мною, бог весть, но я казался сам себе порученцем, посланным и уполномоченным.

«– Слушаюсь вас, капитан Колбаскин», – в тоне Старпома мне послышалась ирония пропойцы. – «Вы, разумеется, помните меры безопасности на якорной стоянке. Шесть баллов – напряжённое наблюдение за ветром и давлением. Семь баллов – устанавливается немедленная готовность дирижабля к съёмке с якоря...»

Я не дал ему договорить, наперегонки выкрикнул: «Девять баллов – дирижабль немедленно снимается с якоря и выходит на открытое люфт-пространство для штормования. Кстати, куда вы дели вашего подвахтенного?»

Странное томительное состояние всё усиливалось, переливаясь в мутное предчувствие большой беды, катастрофы. Мне было хорошо слышно хриплое неровное дыхание Старшего Помощника. Почему прекратился гул ветра в такелаже, куда исчез низкий басовый тон вибрирующей под ветром майларовой обшивки? Киль-ферма расправлялась от напряжения: если бы не этот хруст, можно подумать, что я снова попал в подземные катакомбы. «На рейде заштилЕло», сказал бы Штерчи, большой знаток русского языка. Ветер в пустыне крепчал. Медленно меняя своё направление, он смещался по солнцу, и в Мёртвой Гавани, прикрытой теперь грядой Ближней Защиты, наступило короткое безветрие.

«– Ах, нам жалко, вот оно что», – сказал Старший Помощник – «Я выбросил его за борт. Не веришь?» – он согнул руку, показывая силу мышц, и по его ждущему лицу пробежало разочарование. «– Нам жалко.» Тяжёлая одышка заставляла грудной костяк часто и тягостно трудиться – «Я швырнул его одной рукой». Он помолчал, внимательно вглядываясь в меня из-под нахмуренных густых бровей – «С парашютом, нечего бледнеть».

«– Да, кажется с парашютом, – продолжал после паузы Старший Помощник – У него, этого никудышнего воздушника, был где-то припрятан запасной парашют. У всей сволочной команды в этом ни на что не похожем гражданском рейсе есть парашюты. Каждый прячет под койкой свой парашют – вот какой это экипаж, большое спасибо мисс боатсвейн. Парашюты, запасные аэростат-боты... Ты ведь, кажется, тоже из этих, эвакуированных. На этом Т-аппарате только один человек без парашюта под кроватю, только один настоящий люфتمان. Ты, капитан Колбаскин, прибыл на борт судна, готового к срочной съёмке с якоря. Вот и посмотри на последнего люфзмана, на занесённый в перечень endangered species подвид воздушного волка. Пожалуйста, любуйся».

Старпом поёрзал в кресле, стараясь принять ровное положение, будто для фотосъёмки. Далее следовали разрозненные, отрывистые фразы. Он бросал их с трудом, всё ещё не успокоив дыхание, всё ещё хватая воздух в паузах между словами. Вкратце смысл был – вот, наконец, освободив судно от балласта, нужно готовиться к переходу. Это будет настоящий переход, штормование, не какая-то там прогулочка по туристическому фрахту. Старший Помощник, неожиданно и тяжело запивший буквально в первые же часы нашего прибытия на полигон Два Генерала, высказывал вслух свою длинную, непередаваемую обиду. Будто собака выла в глухую душную и безлунную ночь. Это был рассказ о том, как из года в год вырождаются последние умения и традиции тропосферно-ходового дела. Дирижабельные матросы, люфтманы, ни на что те-

перь не годятся – раньше не было таких послаблений для молодёжи, такого потакания изнеженному поколению.

«– Наш учебный Цеппелин ЭльЦет- сто пятьдесят четыре стоял на плавучих якорях в бухте острова Пхукет. Наш старший помощник капитана, датчанин Паульсен, вызвал весь личный состав на наружные палубы по авралу. Вначале мы думали, что будет учение на поиск-спасение в открытом море, но время шло, а старпом не отдавал никаких команд. Он стоял рядом с сигнальщиком и молча смотрел в сторону горизонта на Норд-Вест. Ветер всё слабел и вскоре полностью заштилело, только вдаль виднелась мелкая рябь, и она стремительно приближалась к судну. Паульсен отдал команду запустить хвостовой мотор на малый ход, переложить головку движителя право на борт, и привести Т-корабль носом к ветру...»

Где-то я уже слышал или читал эту историю, и в её окончании будут стоять слова «вот какую суровую школу проходили тропосферщики-дирижаблисты в наши годы». Не нужно дожидаться, когда откроется подвох в этой длинной истории, чем же собственно уел курсантов-дирижаблистов на воздухоплавательном учебном крейсере пропойца-датчанин. Отблеск его ехидных маленьких глазок я вижу сейчас в глазах нашего старпома, именно его сардоническую ухмылку педанта-службиста, снедаемого тайными пороками, воспроизводят узкие губы старпома Воячека. Подвохом является как раз сам этот рассказ.

«– Доскажете потом», – прерываю его, перешагивая через вытянутые ноги. Почти падая, хватаюсь за ограждение перископной площадки и перебрасываю тело через полулежащего наркотизированного Старпома. На руках съезжаю в рубочную шахту. Спасибо за выучку Риггеру, мои руки сами собой выхватывают из рундучка ремонтную сумку, а ноги уже свисают в донный лючок штурманского отсека, нащупывая верёвочные ступени.

«– Не дождётесь, господин Паульсен!» – бормочу я сквозь зубы, обращая весь мой гнев на самодовольного истукана-службиста, который был ли, не был ли, создан ли на страницах книг о дирижаблях и ураганах. «Как мог он, опытный

люфт-штурман, рисковать двухсотметровым Цеппелином? Выжидать на опасной тросовой высоте приближение цунами – всего лишь для того, чтобы показать курсантам, к чему приводит нерасторопность в штормовой обстановке? Известно к чему – обломанные рулевые плоскости, неустраняемые деформации дюралевого каркаса-фермы, не считая многочисленных разрывов дакроновой оболочки и течей из газо-несущих объёмов». Злость переполняет меня, и делает абсолютно нечувствительным к болтанке на вантах, к пустоте под ногами.

«Вот оно, то самое роковое затишье», – думаю я, вглядываясь в зубчатую линию высоких гор, окаймляющих гавань с юга. Оттуда, из-за гор, сейчас ударит стоковый ветер, и это будет настоящая БорА, только задует она с юга. Пятьсот метров на клюзе не спасут нас. «Шесть баллов – наблюдение, семь – готовность к съёмке, девять – срочно уходим». У меня не будет этого времени, между «семь баллов» и «девять баллов». Сейчас.

Монтировкой я отжимаю пружины главного вертлюга, стальные пальцы уходят в гнёзда, и натяжное устройство отделяется от вахтовой подвески целиком, вместе с обоими якорными тросами. Утратив натяжение, тросы жалко изгибаются и начинается их длительное падение на грунт, бессмысленное, как опоздавшее SMS-сообщение. *Гадитана*, принимая дифферент на корму, уходит в свободный полёт. Возле кормовой гондолы появляются облачка дыма, и лопасти винта растворяются в диск вращения. Там Старший помощник Воячек, и я должен его опередить, забраться в головную гондолу раньше, чем он преодолит отделяющие мотористов от центрального поста тридцать метров коридора. Иначе я, наполовину пролезший в лючок, с ногами болтающимися над бездной, буду лицезреть его начищенные ботинки у своего лица, и издевательскую ухмылку, колючий взгляд из-под белёсых бровей...

.....

[Навигационная задача...]

Навигационная задача представлялась предельно простой, всего лишь с двумя заданиями: уводить дирижабль долинистей, подальше от опасных изогипс и непредсказуемых орографических возмущений ветра. И, во-вторых, найти такой курсовой угол, при котором дирижабль разойдётся с циклоном, удаляясь всё дальше и дальше от движущейся на Зюйд-Ост центральной части, с её чудовищными, непреодолимыми для Т-суден, скоростями ветра. На деле передо мной на дисплей-планшете, совсем близко от рыбки-корабля, пульсировала, постоянно изменяя форму, красная кривая линия Line of no return, и немного правее, внутри очерченного ею четверть-круга, бурое пятно Suck-in. Ветрочёт в моих руках превратился в мучительную загадку, и из угла пялился Старпом. Молчаливо и насмешливо.

Долинистей мы уже оказались, благодаря стоковому горному ветру, обрушившемуся на Мёртвую Гавань и настигшему «Гадитану» буквально через четверть часа после съёмки с якоря. Разойдёмся ли с циклоном? Векторная алгебра, сложение противоположно и под углом направленных скоростей... Сейчас, на трёх движителях, мы развиваем двадцать пять метров в секунду воздушной скорости. Ненамного больше, чем штормовой ветер, дующий нам навстречу; результирующая путевая скорость – километров пятнадцать в час, как у велосипедиста. А спасение – nach Westen, nach Westen...Keep West, young man.

Ещё три, четыре часа такого лобового противостояния ветру, затем засветится сообщение, что в баках только аварийный запас топлива для последнего манёвра. Тоскливо так погибать, и вдвойне тоскливо в скверной компании пьяного Старпома. «– Держите курс триста, – говорю я ему – есть хочется зверски. Принести вам чего-нибудь?»

.....

Долгие часы летел дирижабль над пустыней, расходясь с циклоном. «Идти выбранным курсом до тех пор, пока ат-

мосферное давление не начнёт расти», пишут наставления. Не всё они пишут. Дело меняла, и меняла в корне – буква «Р» в кружке, красного цвета. Полковник нанёс её на схему. Как оказался план похода в каютке мисс Казэйлии, откуда составитель знал о том, что «Гадитана» 3 октября уйдёт с якоря? У меня не было времени размышлять над загадкой. Мучительный зуд, и знакомый запах духов. Они пересилили ощущение опасности, запреты морали... Я отпер дверцу, ведущую из камбуза в каюту кока, и листок «План Похода» лежал на видном месте, будто ожидая меня.

Ходовая рубка. Старпом переполз вниз из центрального поста с большим трудом и моей помощью. Изменив курс на строгий «Вест», 270, я веду «Гадитану» на снижение; путевая скорость увеличилась до пятидесяти километров в час, и пустыня неторопливо разворачивает перед моими глазами свою суровую красоту. То под килём «Гадитаны» гряды песчаных бугров, оттенённых линиями кустарники в понижениях. То лески саксаула, странных белёсых деревьев; они укоризненно качают стволами и бросают в ветер обламываемые ветви.

Наконец, наступил долгожданный мною момент. Система RAILS сообщила о захвате сигнала. Пошарив по горизонту, оптика моей стереотрубы выхватила из-за тумана контур тягача-заправщика. Минут через сорок дирижабль приблизился к шоссе, опять разворачиваясь против ветра на Норд-Вест. Мы уже переговариваемся с Гайдропом по радио, и всё моё внимание сосредоточено на дисплеях RAILS, на совмещении двух светящихся колец... Почти как в компьютерной игре, только вместо трекбола тяжёлые рулевые колёса.

По шоссе в пустыне, преодолевая боковой ветер, полным ходом мчится трейлер-заправщик, наша колёсная машина обеспечения. Сквозь рёв ветра, сквозь густой поток враждебного аэрозоля-лёсса, несущего с собой заодно мелкие камушки, обломки тамариска и саксаула, корзины перекачки-поля – наш экспедитор Гайдроп спешит на помощь. Всё

живое забилося в норы, укрылось в лощинах, пережидая большой степной ветер. Только тяжёлый многоколёсный вездеход, летящий по шоссе утёс, спасительный ориентир и причал для «Гадитаны», неподвластен стихии. Дирижабль борется, пронизывая струящиеся элементы упругим стреловидным телом. К заветному утёсу, наматывающему на огромные колёса десятки километров растресканного бетона, басово гудящая стрела-облако стремится, как рыба выискивающая в бурлящем море приманку на крючке рыбака. Примерно в таких выражениях я проговариваю про себя картину, стоящую перед моим мысленным взором, восстановленное представление из показаний на экранах системы слепой посадки. Компьютер медленно и кропотливо сближает рыбу и далёкий крючок, выстраивая оптимальную линию манёвра по курсу и по высоте, с поправкой на изменяющееся направление ветра, изгиб шоссе и перемены плавучести газа.

.....

За широкими окнами пилотской рубки – совершенно плоское бескрайнее пространство степи, выглаженное вуалью поднятого в воздух песка. Отступило мрачное предчувствие, не покидавшее все последние дни. Наверное, оно исходило из давящего присутствия гор, обступающих Мёртвую Гавань, лишаящих её солнечного света почти всю первую половину дня. В трехстах метрах подо мной, скрытая пылевой мглой, идёт параллельным курсом машина Гайдропа. Вот он, на экран-индикаторе вертикального обзора мой «дядька» Гайдроп – это яркая точка, посадочная площадка, соединённая лучиком с рыбкой, символом дирижабля. Невольно моя рука, лежащая на штурвале горизонтальных рулей, старается подправить посадочное снижение, побыстрее совместить на экране зелёное и белое кольца вокруг символа-рыбки, высоту должную и высоту измеренную.

Вы думаете, я совершенно забыл о подстерегающей меня опасности? Зачарованно глядел на индикаторы, отыски-

вал глазами бегущей внизу трейлер, и повернулся к Воячке спиной? Я ждал.

Вот оно. На индикаторе вертикального обзора расстояние между меткой посадочной площадки и символом-рыбкой дирижабля стало быстро увеличиваться. Это и был – вызов. Старпом пробрался в кормовую гондолу и вручную сбросил обороты главного маршевого двигателя. Сейчас я побегу по килевой тропе на корму. Не знает же он вот чего.

[Flashback]

Два часа назад, когда я отправившись из центрального поста в камбуз, я только сделал вид, что спускаюсь на пассажирскую палубу.

Проскользнув в известный мне одному (не считая, разумеется, Риггера) ремонтный лючок, внутрь воздухораздаточного рукава, я пополз... Вот я в баллонете второго отсека...

Буквально в двух шагах от меня на балке висит шокер³⁶ в кобуре, и рука старпома, просунутая в тайник по штирборту, нашаривала оружие. Почти наверняка – то самое оружие, выстрелами из которого капитан Рошин был превращён в инвалида.

[Заканчивается Flashback]

Прочь эти мысли.

Стыковка тросов на ходу. Жужжа, конечник-проводник потянул бросательный конец к цели – захватному конусу мачты-удилища. Представляю, как там, над мчащимся тягачом Гайдропа, он раскачивается и изгибается. Чудом или счастьем, захват удался с первого броска. Вскоре бросательный конец привёл на нашу подвеску буксирный шестимиллиметровый трос. Ловчее ниндзей, перехватываясь жумарами, карабкаются на дирижабль какие-то смуглые изящные акробаты.

³⁶ Shocker (техн.) – разновидность несмертельного оружия с ослепляющим действием

Буксировщик помог Гадитане пройти около ста километров на запад. Юнга уже мало участвовал мыслями в происходящем, на борту был лоцман из местных, нанятый Гайдропом. В моторных гондолах -- услужливые местные механики, рады заработку. Они, поднимаясь на борт, кланялись девятнадцатилетнему капитану, считая его наследником-владельцем шхуны. Иначе зачем было рисковать своей молодой жизнью, балансируя на краю циклонной воронки?

Наивному же Юнге казалось, что это законная дань его умению и удаче.

«Куда ты хотел бы?» – вспомнились слова Исебчи. – «В Китай, к Нефритовым Воротам и тракту Гань-су? Или на Тибет, к истокам буддизма? Или в Персию?» Курс огромной стометровой шхуны подчинялся руке, лежащей на штурвале. Можно понять старпома Воячека, его зависть и злобу.

Вот что произошло час тому назад, во время стыковки тросов. Угрожая оружием – тем самым оружием, из которого был ранен капитан Рощин, и которое руки Юнги сами собой, благодаря выучке Гайдропа, отняли в скоротечном поединке – юноша принуждает старшего помощника прыгать. Под килевой балкой – сто пять метров по радиовысотомеру. Это не убийство, несмотря на проклятия Старпома. Банджа, эластичный трос для десантирования, пристёгнут к спинному карабину обвязки. Трусит, просто трусит господин воздушный волк, явно не любитель спорта банджи-джамп. Секунды свободного падения, ещё несколько секунд малозаметного торможения, нарастающая тяга банджи перед тем, как ноги коснутся набегающей земли.

«– Моя жизнь будет на твоей совести, будь ты проклят!» говорит на прощание этот светлый знаток и подлый завистник.

«– Пошёл!» – закричал Юнга, подражая инструктору. Подражая командирскому голосу, как на базе во время заня-

тий по срочной эвакуации: «– К десантированию! Пошёл!» Толчком ствола между лопаток заставил его отвечать по уставу:

«– Есть приготовиться! Есть пошёл!»

Меня перестали интересовать его чувства, я был просто выпускающий инструктор. Я хотел, чтобы его не было на моём корабле. Чем я отличался от него?

Позже Гайдроп подобрал его, бредущего против ветра, согнутого, жалкого. Рачительный Гайдроп разыскал даже брошенную в степи банджу.

«– Кук-суккыр! Кук-суккыр!» – бормотал Старпом Воячек, выброшенный за борт. Магия «дядьки» Гайдропа была бессильна снять это проклятие.

Глава 18

Ты дома, кук-суккыр^{37*}!

События 3-5 октября 2035
Продолжение рассказа Юнги

Впервые, после головокружных приключений в воздухе, именно сейчас, во дворе казармы, я ощутил – всё вокруг есть тонкая цветная плёнка.

Ночь после штормования

Спасённая шхуна оставлена на попечение экспедитора Гайдропа и нанятой им команды местных дирижабль-докеров, уведена на старый рудник. С победой я возвращаюсь в подземный форт. Гайдроп на джипе доставил меня к мазару. Спешившись, он проводил меня до первых казематов наблюдательной линии.

«– Дальше тебе карма идти одному», – сказал он в непонятном предсказательном стиле. Прохаживаясь по бетон-

³⁷ *Кук-суккыр (кирг) – проклятие «Чтобы тебе не было неба!»

ной камере, он поглядел в смотровые щели – на пустыню, затем вниз – в лестничный колодец.

Я предвкушал, как появлюсь внутри подземного форта. Просочусь незаметно, через одному мне известный лаз, откозыряю Капитану: «Судно по вашему приказанию выведено на открытый люфт, и после штормования сдано в доки под ответственность экспедитора!» Посмотрю на дядю сверху вниз.

Как пишут англоязычные, вещи повернулись ужасно неправильно.

Через незнакомую часть системы тоннелей меня ведут в сторону Красных Ворот. Я – пленник. Подземный Форт встретил меня недружественно.

Что было сигналом опасности? Сигналом, пропущенным по небрежности. Очевидным, положенным к обнаружению в мою вахту – и пренебрежённым? Я же – победитель! (Всё это я понял поздно). Запах.

Тяжёлый запах перегара, запах людей, пьющих технический алкоголь. В последующие мгновения завязавшейся борьбы соединились вместе эти отвратительные два ощущения: жестокой физической силы набросившихся на меня людей, и их гнусный хамский запах. Сплочённая тренированная стая, боа-констриктор, множественными петлями охватывающий меня, безоружного одиночку, скованного запретами. Их тупая готовность подчинять непокорного, и их запах.

«– Вязки, вязки давай!» – деловито и преступно, со сладострастием привычного мучительства торопил чей-то негромкий голос.

Так точно вели себя санитары в психиатрическом отделении нашей клиники – там, далеко, на Западе. Тупая солдатня нашей убогой медицины. Так же слаженно управляются и эти – наши бунтовщики. (Первое ошеломление прошло, я различал знакомые голоса наших механиков). Где же Доктор, где все «наши»? Что могло случиться с раненым капитаном Роциным?

Да, очень слаженно. Просвирияк, пастырь запуганного стада, ежедневно объявлял кому-то наказание, и команда упражнялась в этих тюремных, вивисекторских умениях.

Меня вели через заросший пустырь, мимо развалившихся кирпичных бараков, и мои запястья за спиной сдавлены пластиковыми наручниками. «Пластиковые, одноразовые...», – думалось мне – «Скверно. Во так всё и заканчивается? Довольно с меня, выходит?»

Затянувшийся травой старинный ров по периметру плаца. Засаленный широкий ремень на плече сопровождающего. Брезентовый ремень, обременённый воронёной старинной машинкой АК-47. Как истёрта множеством рук жёлтая деревяшка на газоотводной трубке; как несбыточно и неправдоподобно ярок мелкий снежок, выпавший за ночь на траву... «Может быть, думал я, Гайия подарила мне слишком много? Вчера всё было так необыкновенно хорошо. Я украл, вырвал зубами у старпома Воячека, одинокий рейс through the elements; я стоял на рулях – один, сам по себе – и прокладывал курс, как хотел. И она была мне послушна».

«– Ты похож на Джеймс-Бонда», – сказал я нашему борт-метеорологу Градусу, когда он приковывал меня в подземелье к ржавой казарменной кровати. Методично – одна рука, вторая рука, нога, вторая нога (опять мелькнуло узнавание, «как у нас на буйняке»). Он любит себя собственными мускулистыми предплечьями, своими плотненькими, будто точёными, кистями рук, ловко вывязывающими сложные узлы.

«– Я и есть Джеймс Бонд», – ответил мне бортметеоролог Градус, горделиво глядя в моё запрокинутое лицо распятого человека, и его руки играли при этом кистями толстого шёлкового шнура, штерта, продетого в брюки вместо ремня. Я остался один. Прошло время, полчаса, два часа, как знать.

На борту дирижабля я ожидал в любую минуту внезапного снижающего порыва, удара о грунт, после которого приду в сознание, приколотый в безлюдной степи обломком стального шпангоута к земному шару...

В дирижабле, потерявшем гондолы, облегчённо уходящем в свободный полёт на долгие недели, тем самым phantom ship из романтической оперы...

Но там вокруг был судовой, флотский порядок и чистота. Даже паскудства пьяного Таможенника не лишали обезлюдившее судно этой особой, знакомой всем флотской ауры. Там, на борту дирижабля, в опасности была эстетика Цусимской катастрофы. Сутки назад это было...

И вот теперь холодная ржавая голая кровать. Надо мной потолок с многочисленными следами подтекавшей воды. Стены в клочьях отставшей масляной краски, и на её грязно-голубом колере процарапанное кем-то слово-адрес, наверное, последняя надежда этого человека, заключённого...

WWW.AMNESTY.ORG^{*38}

Скверная, непотребно скверная смерть. Должно быть, я сказал эти слова вслух, и нужно на письме обозначить их предваряющими тире, ведь кто-то рядом ответил:

«– Да, смерть, как у рядового пехотинца. В грязном земляном окопе. От пули, осколка или штыка. Воздушник – должен умирать в госпитале от ожогов... Или в пустыню унесённый, marooned, от жажды... Или на борту дирижабля, от дегидратации и холода. Если, конечно, он не попадает в руки какой-нибудь контрразведки...»

Этот женский голос, низковатый, со сладостной хрипотцой голос... Отчего же не ожидал я услышать его здесь? Мисс Казийлия...

Мои руки были развязаны, и левой, ещё движущейся, я переложил, как чужую, правую. Не так уж долго я проле-

³⁸ Международная организация Amnesty International борется за отмену смертной казни во всём мире, а также фиксирует случаи грубых нарушений прав человека, такие как исчезновение людей и пытки

жал в этой позе, изобретённой древними истязателями, тортуристами, и вот... «Андреевский крест, ничего себе – очередной приветик из античности», подумал я, укладывая бесчувственную мягкую и холодную колбасу отнявшейся руки себе на живот. Как раз в это мгновение пухлые губы, пульсирующие страстью, прижались к моему рту. Тот самый поцелуй, который приснился мне в Брундиз-Уральском, в комнатке с пёстрыми шёлковыми подушками. И запах духов был тот же самый.

.....

«–Как ты попал сюда, откуда? Где Гадитана?» – тихо спросила мисс Казйлия, когда наши губы, наконец, разъединились. «Наверное, это и есть самое страшное», подумал я, мне стало страшно. Язык сам собой выговаривал защитно-куртуазное, недоверчивое:

«– Я прибыл сюда исключительно для того, чтобы увидеться с вами, мисс боатсвейн».

Как описать последующие минуты, её вкрадчивый тихий голос, ласковые руки, потусторонние сияющие глаза и – навязчивое, мучительное стремление вывернуть меня, влезть в мою память, выковырять scoop?

«– Ну почему ты не доверяешь мне? Откройся» – говорит она, и длинные волосы падают мне на лицо.

«– Отчего я должен доверять вам, мисс Казйлия?»

«– Больше никому. В твоём положении нет выбора. Теперь ты на моей стороне». Она скользнула губами по моей щеке и исчезла из жалкой комнаты моего заточения и мучения. Время шло.

.....

«– Он отвязался» – сухо и отстранёно, не ко мне обращаясь, произнёс бортметеоролог. Он появился из-за бетонной колонны, оттуда, где был подземный коридор. Он был не один. Без всякого предисловия меня принялись бить – то ли от скуки, то ли для тренировки. Наброшенная петля сдавливала шею всё сильнее и сильнее...

«– Достаточно. Думаю, он всё понял» – произнёс голос, и я не смог определить, чей.

Я остался один, вновь прикованный, распятый Андреевским крестом к койке, костеней. Тянулись часы. Я думал о мисс Казйлии. Не в силах понять собственного отношения к ней, я путался в рассуждениях и чувствах, в мою голову лезли литературные цитаты, эти мыслительные протезы. «Всего прочнее, как алмаз; всего слабее, как лунный свет. Греет, как лучи солнца; промораживает, как зимняя звезда. Внутри себя она скрывает удивительную прочность – вот почему, пожалуй, кто-то может назвать её – Таящая Опасность. Perilous». Да, эти фразы я слышал от Штерчи. – «И ты можешь разбиться, наткнувшись на этот характер, как утлый чёлн на скалах».

Часовой в коридоре уныло выводил старинную песню:

«И за то я принял атомные муки,
Что пидораст-профессор
Радиацию открыл!»

Я осматривал в очередной раз стену каземата, нацарапанный на ней веб-адрес правозащитной организации, www.amnesty.org под которым следовал знак – родовая тамга. На что надеялся тот человек? Уж точно – ни на что более. Когда конвоиры вошли, моя голова была повернута, взгляд не успел отвести «– Ага!» – злорадно произнёс один из них – «нажми–ка на адресок, покликай свою Эмнесту! Руки коротки?»

«—Давай, сделаем ему кук-суккыр?» – предложил второй. «– Не суетись. Просвирняк придумал что-то своё, страшней наших люфتمانских казней. Просвирняк у нас с образованием. Господин майор стажировался у антиподов – Баграм, Гуантанамо-Бей, Абу-Гурейб... Не останется никаких следов. Самое последнее слово...» – говорящий замылся, подыскивая нецензурное слово, чтобы закончить фразу. И, не найдя более подходящего, произнёс – «...цивилизации».

.....

Прошла страшная ночь.

Наутро отправляемся в экспедицию к перевалу, за сокровищем. Ойлскины горячо обсуждают между собой последние новости.

«— А этот Полковник затеял конкурс в Интернете, *Угадай Где Сокровище!* Он нарушает уговор! Это же неслыханно! Теперь десятки тысяч знают, что мы в горах бредём к одной из пещер. Зачем он так поступает, не могу я понять? Ведь у него была карта? Ладно, он отдал копию мисс Казйлии... Или нет, карту отдал ей, а себе оставил копию...Из-за этого дурацкого конкурса к нашему лагерю устремляются десятки групп... авантюристы похуже нас».

«— Это всё связано с аукционом. Рукопись ещё нужно продать. Полковник весь в долгах. Шхуна пропала. А загадку, где мы, разгадать... Эге!» — ойлскин свистнул. — «В Евразии Ядерных озёр около десятка».

«— Да ври ты, около десятка!»

«— Точно тебе говорю! *Ядерный взрыв — незаменимый помощник строителя*, были такие заголовки. Всего-лишь 150 килотонн, ядерный заряд, тактическая боеголовка, на глубине двести метров... Бабах! И готово, из воронки вылетает пять миллионов кубометров породы, и аккуратно ложится в тело глухой набросной плотины высотой тридцать метров». Я сам читал. *Сто ядерных взрывов для целей народного хозяйства СССР*. А возле которого из этих озёр-воронок, Ядыркуль, мы сейчас толчёмся, кто скажет? Нет, не скажи, это Полковник умно придумал. И как сюда проберёшься? Может, какие-то особо умные и начитанные перелопатили гору литературы и Интернет-ресурсов, разгадали головоломку с Казйзонием, Маннхеймом и Баян-Сулу. Они сейчас вот только-только подъезжают к Талды-Кургану. Впереди у них ещё запретная зона, минные поля, пограничные заставы. Не успеют».

Вот такой разговор между механиками я подслушал //???3 октября??//, в плену. Короткие разговоры шёпотом со

Штерчи и мисс Казйлией позволили мне следующим образом представить себе положение экспедиции, расколотой на два враждующих лагеря.

После исчезновения шхуны Полковник в переговорах с мисс Казйлией пошёл на уступки требованиям Просвирняка. Она всё ещё утверждала, что именно она, руководительница фонда помощи воздушникам-инвалидам, борется за справедливое распределение. Чего? Прибыли-сокровищ-баунти. Было очевидно — Просвирняк ведёт свою игру умело и жестоко, и мисс Казйлия такая же заложница, как и я. «Ах, этот ваш Юнга, ваш племянничек... Он, знаете ли, оказался шпионом террористической организации, и я принимаю надлежащие меры».

В его представлении кандалы — это надлежащие меры.

Полковник согласился на совместное вскрытие хранилища рукописей, и было оговорено время. Ойлскины будут раскапывать завал. После того, как в прямом ТiВи эфире пройдёт трансляция археологических раскопок и извлечения рукописей, Просвирняк и Полковник, на паритетных основах, выйдут на переговоры с начальником пограничного отряда.

[Вставка господина Доктора]

КОММЕНТАРИЙ лакуны в записях Юнги

Трудно вообразить, до какой низости может дойти современный образованный человек.

У меня сохранились протоколы допросов, снятых с Просвирняка на борту «Гадитаны» после всплытия с якорной стоянки Мёртвая Гавань 5.X.2035. Эти материалы неофициального расследования не были внесены в бортовой журнал.

Нам удалось достаточно подробно восстановить события, разыгравшиеся в бункере Красных Ворот после того, как Юнга в качестве «агента террористов» был захвачен в плен (так расценивал наш Радист-2 Просвирняк, с его

профессионально деформированной психикой военного контрразведчика).

Следует добавить, что в Первом Отделе 6-й Дирижабельной базы имеется видео-фонограмма медицинского отсека «Гадитаны», протоколирующая последние часы жизни Радиста-2. Несовместимые с жизнью повреждения, полученные им в результате взрыва противопехотной мины, продиктовали нам медицинскую тактику «комфорт-терапии»³⁹, так что в течение сто-часового перехода «Мёртвая Гавань – Харбин» пациент находился в непрерывном состоянии медикаментозного сна. Вербальная активность наблюдалась только на этапе вводного наркоза (16.30 – 16.45 по судовому времени).

По мнению нашего бортового офицерского суда чести (Капитан, Полковник, Риггер, автор этого комментария), имеющиеся на фонограмме высказывания полностью подтверждают ту версию, которая была восстановлена нами по устным показаниям Юнги и мисс Казйлии.

Мы глубоко убеждены, что Радист-2 применял в отношении Юнги, а также мисс Казйлии бесчеловечные и недопустимые методы следствия. (См. также мой медицинский фотоархив, документирующий *sequelae*⁴⁰).

В целях сохранения его психического здоровья, мы пресекли попытки Юнги детально реконструировать сцену допроса Просвирияком.

[Конец вставки Доктора]

[Продолжение рассказа Юнги]

³⁹ решение о переходе на «комфорт-терапию» принимается Этической Комиссией. После такого решения безнадежному пациенту не производят никаких лечебных мероприятий, которые сопряжены с дискомфортом (инъекции, перевязки и т.п.)

⁴⁰ (лат.суд-мед.) телесные повреждения

«– И знаете что, мисс Казйлия, мой вам дружеский совет – не слишком торопитесь, когда вы приблизитесь к хранилищу сокровищ» – эти слова г-на Доктора, похоже, крепко засели в голове моей тюремщицы-союзницы. Думаю, даже не столько содержание фразы, сколько тон поразили мисс Казйлию. После той стычки на борту «Гадитаны», по поводу радиогаммы, когда она резко поставила Доктора, полу-пассажира, на отведенное ему в корабельной иерархии место, Доктор держался с ней подчеркнуто отстраненно. В этот же раз в тоне звучало, пожалуй, что-то похожее на сочувствие; снисходительный был тон.

Мисс Казйлия распоряжается подготовкой похода в заброшенный посёлок вольнонаёмных; по её расчёту весь караван должен выйти из Красных Ворот не позже 12.00 по местному времени. Опять, как на судне, она всех подгоняет, её голос тот же, боатсвейн-голос, почти тот же... Будто не было сегодняшней кошмарной ночи.

«За сокровищем, хэндс! Пошевелись! За сокровищем! Вы никогда больше не будете работать! Сегодняшний день – последний. Мы выкрутимся, мы раздобудем какую-нибудь посудину у местных ... Завтра вы уже пойдёте на борту собственного дирижабля... хозяевами...» Вода, судки с рационами, подsumки с магазинными коробками для автоматов Калашникова, шанцевый инструмент.

Они суетсяя, они поверили, почти поверили в эту возможность.

RES NON PARTA LABORE SED RELICTA^{*41}, вот что делает человека счастливым – полное, внезапное обогащение наскоком, одним ударом. В их душах борется сейчас эйфория твёрдой надежды и генетически заложенное опасение очередного обмана, очередной несбывшейся эйфорической мечты.

⁴¹ (лат.) подстрочный перевод: «Состояние – не рождённое в трудах, а оставленное» MVM—

Полный текст и перевод – в главе «Баллун» Книги 1

Выбравшись на грунт из-под земли, они ползут сейчас непривычным пешеходным маршрутом, по дну фар-люфта.

Мы миновали заброшенный, замусоренный посадочный плац, подивились на скрытые в тени горы гигантские ворота врезанных в склон ангаров, и бредём теперь по долине в направлении перевала, на восток. Так мы повторяем в обратном порядке тот путь, которым «Гадитана» входила в Мёртвую Гавань пять дней назад. Мисс Казйлия, такая деятельная час назад в подземелье Красных Ворот, теперь, по выражению Штерчи, «стушевалась». Просвирняк и мисс-механик Джинс стараются поддерживать подобие походного порядка. Впрочем, двойки охранения, вместо того, чтобы карабкаться параллельным маршрутом по верхним тропам, оказываются вскоре на той же дороге, по которой бредём мы, основная группа. Нагруженные кирками, ружьями и провизией люфتمانы часто делают остановки, поглядывая на Просвирняка изподлобья.

«— А где же радиация?» — с придыханием, через одышку, резко — раздался голос одного из нагруженных ойлскинов — «Куда она исчезла? Мы проходили над этим порогом шесть дней назад. Таможенник! Это же ты измерял уровень радиации спускаемым зондом?»

«— Нет!» — отозвался метеоролог Градус — «дозиметр спускал я и считывал показания. Таможенник тогда был на штурманской ютовой площадке»

«— А может быть, это *мозаика*? Так было сколько раз, когда мы в двадцать пятом году ходили на промеры к аварийному реактору...»

«— Да иди ты с мозаикой этой! Тут, я чувствую, что-то нечисто». В чей адрес направлена эта угроза? И как мне уберечься, как уцелеть.

Солнце то прячется за тучкой, то опять заглядывает к нам на дно долины. Мрачные, заросшие внизу чием, а выше — елью — ущелья открываются всё время по правую руку от разрушенного шоссе. Из разговоров ойлскинов можно догадаться, что одно из таких боковых ущельиц где-то

там, вблизи второго перевала, и есть заветное хранилище сокровищ. Вчера все они, из рук мисс Казйлии, любовались перегруженной на её ноутбук разноцветной, переливающейся интерактивными значками картой.

Глубокая тишина вокруг нас. Мы — на дне, метрах в четырехста (в трёх кабельтовых, поправился я тотчас) ниже линии фар-люфта. Шоссе как-то незаметно превратилось в каменистую дорожку, и всё чаще на иссушенной траве попадаются снежные пятна. Ощущение нашей чужеродности, полной неуместности здесь, в этих горах, охватывает, похоже, не одного меня. Мисс Казйлия ёжится, повыше поднимает меховой воротник, и оглядывается по сторонам. Штерчи и Просвирняк отстали, они далеко позади нас; голоса ойлскинов, ещё час назад перекликавшиеся громко, по-детски радостно, спустились до глухих междометий, до перешёптывания. Когда странные и незнакомые птичьи крики нарушили привычный ритм нашего натруженного дыхания, вздрогнул не я один.

«— Это гокчА, памирская галка!» — успокаивает всех нас мисс-механик Джинс.

«— Я слышал, у неё вкусное мясо», — сказал Таможенник, и я заметил, как передёрнулась от отвращения мисс Казйлия.

«— Зачем так говоришь? Ты ещё, может, захочешь подстрелить тау-теке, с тебя станется!» — откликнулся недовольно кто-то из ойлскинов, и второй добавил: «Будешь тогда тащить труп на шее А матёрый тау-теке весит больше ста килограммов». Меня больше всего поразил даже не этот диалог, наполненный тотемизмом и аллюзиями из английской романтической поэзии; один из ойлскинов, самый маленький ростом, незаметный человечек, имени которого я так и не потрудился запомнить, карабкается по осыпи к скале. Если бы не это его движения, я бы и не заметил, что плоский камень исписан полустёртыми, бледными колонками крючковатых писем. Чтобы очиститься после «некошерного» разговора с Таможенником, механик читает, ведя рукой по камню, тохарскую молитву. «Мы уходим на восток, через пустыню, мимо Мартья-Лисс, в

мир незнакомых языков и письмен», – думал я в ужасе. Меня ведут сейчас как раба к месту жертвоприношения. Больше, чем унижения и страх смерти, пугало сделанное только что открытие. Таких людей, как этот безымянный механик, читающий древний текст на неизвестном языке, там, впереди, куда мы идём – миллионы и миллионы. Огромные города...

Глава 19

СКЕЛЕТ АРХАРА

Пятница, 5 октября 2035

Рассказывает Юнга

Продолжается рассказ Юнги о злключениях на грунте

Скелет архара был оставлен браконьерами недавно. На сухожилиях ещё висели клочья шерсти. На скале выше виднелся знак. «Тамга племени, принесшего жертву» – объяснил Петренко.

Мы перебрались через разрушенный мост. За ручьём – уже никаких следов автомобильной дороги, всё круче в гору уходила старая конная тропа. Нам туда. Идти становилось всё труднее, чувствуется высота, сбивается дыхание. Кто-то из ойлскинов тайком пытается передать мне – «а вот поддержи-ка минутку!» – станковый пулемёт, тяжёлую железяку, надавившую плечи. Всевидящее око мисс старшей механика Джинс не упускает этого нарушения уставов.

«– Отставить груз конвоируемому!» – крикнула она.

«— А почему этому молокососу опять привилегии? У меня все плечи в синяках!»

«— Заложник не участвует в общих работах! — кричит Джинс, — Не положено!» — Она оглядывается на Просвирняка, как истину в последней инстанции. Кому, как не тайному агенту, знать тонкости правил содержания под стражей.

«Они, Джинс и Просвирняк, теперь близки, ищут поддержки друг в друге» — думаю я — «а команда, ойлскины, по-прежнему выше ставят мисс Кайлию. Сложная система долга, кармы, и готовность предать».

«— Заложник!» — вдруг раззадоривается, впадая в истерику, ойлскин с пулемётом — «под-риггер, видите ли, заложник! И идёт налегке, потому что женевская конвенция запрещает привлекать расстреливаемого к физической работе! А мы? Мы не заложники? Вот что ждёт всех нас в этом чёртовом месте!» Он поочерёдно тычет рукой -- то на скалы, совсем близко нависшие над тропой, то куда-то вниз, вправо, на затенённую низинку по ту сторону ручья.

«— Знаки!» с ужасом в голосе произносит один из идущих впереди, и мисс Казйлия вторит: «Магические знаки!»

Я с трудом различаю полустёртые фигуры на чёрных камнях.

«— А вот там кладбище!»

.....

«— Я не могу дальше идти!» — хрипло произносит мисс Казйлия. Ойлскины, один за другим, не дожидаясь команды Просвирняка или Джинс, оседают на гальку, обессиленные и морально подавленные. Джинс, нужно отдать ей должное, очень быстро принимает решение: «Привал, привал!» кричит она, «Всем отдыхать! Второй, бегом за водой для чая!» Стоило бы ей промедлить мгновение, и рассеявшиеся кто где ойлскины, объединённые неповиновением, превратились бы в двойных бунтовщиков, на этот раз против власти Просвирняка.

Их глаза обшаривают пустое небо. Сами они — выброшенные на грунт обломки унесённого воздушного судна. На-

верное, не один из них задумался сейчас, что готовит ему Тэнгри, бог здешних небес. Действительно ли отпустит пододру, наградив состоянием, тем самым сокровищем, что манит как фата-моргана? Или же...? Кладбище наводит их на мрачные мысли.

«Пятнадцать вернулись на грунт, йеа-хо!» — заводит Петренко унылую балладу Чёрных Цеппелинов.

Их излюбленная, сладострастная Ангстлюст⁴² изливается в этой песне. Они — Фойерманы, вечно «дающие упОра», вечно на юте, вечно наблюдающие с завистью за беспечной жизнью пассажирской палубы. А та неизбежно уходит вперёд и вперёд, как морковка перед носом осла.

«— Там, сразу же за южным хребтом — Западный край, окраина империи. Эти места были опустошены после геноцида зюнгорских ологов, и туда постановлением императора начали ссылать на постоянное поселение христиан и членов тайных религиозных обществ. Был основан город Хой-юан-чен. Это было двести семьдесят лет назад» — пустился в рассуждения образованный Петренко. Ему хотелось как-то объяснить свою тоску, эту свою песню в холодном горном воздухе — меланхолично он объясняет, указывая на кладбище — выговаривает книжные фразы. Обременённые неоплатными долгами и тяжким рабством, ссыльные убегали десятками в горы, и здесь умирали от холода.

Петренко, возможно без ясного сознания, старается заменить собой Хинкса, нашего капеллана. Ойлскины, лишёны каких-либо новостей из внешнего мира, оставлены один на один со своей совестью и с опустевшим пространством. Выпавшие на грунт — они растеряны и подавлены.

«— А мы, наверное, сидим как раз в каком-нибудь горячем пятне. Прячутся беглые каторжники, о которых ты рассказываешь, на пятнах радиоактивности. Куда нас ведёт ваша карта, мисс Казйлия?» хрипло заговорил один. И, вторя ему, второй голос ойлскина произнёс:

⁴² Angstlust (психологич.) — навязчивое стремление испытывать страх

«– Да! Через двадцать лет у половины из нас появятся раковые опухоли!» Третий голос перебил его: «Проживи еще попробуй эти двадцать лет!»

Двадцать лет! Меня не интересует такое далёкое будущее. Я стараюсь восстановить головоломку, сложить и упорядочить происходящее. Ведь должен быть путь спасения – лично для меня. Преодолеть головную боль, наплывающее оцепенение и беспамятство. Сутки в тюрьме, допросы, запугивания и унижения – я чувствую, во мне что-то надломилось. Срастётся ли, восстановится? Время, нужно время.

Итак, попробуем сложить. Просвирняк считает, что Полковник, поставленный в безвыходное положение, не имеет другого выхода, кроме как разделить с ним честь находки и премию, сообщить миру об успехе экспедиции, находке рукописи – под его, Просвирняка, чутким руководством. Небольшое осложнение. Ураган унёс дирижабль – вначале забросив его в запретный район. Бывает. Так получилось.

Сегодня, в условленное время, встреча у пещеры. Доктор и Полковник будут повиноваться приказам Просвирняка и позировать для ТиВи-трансляции на заднем плане.

Снова отвлекаюсь – головная боль. Бессонная ночь. Что ждёт меня возле пещеры? Трудно вообразить, что всё обойдётся без выходки Просвирняка или Таможенника. Какой-нибудь обман, финт, с целью получить всё и ничем не делиться.

Как будто угадывая мои мысли, мисс Казйлия сквозь зубы, тихо, чтобы не услышали ойлскины, говорит
«—ARMA CAPI»

Латынь? Медленно соображаю значение слов. Не оглядываясь, отвожу назад за спиной руки, в её сторону. Туда, где спиной чувствую её тепло. Нащупываю рукоятку пистолета.

«– Не вздумай бежать!» – предупреждает мисс Казйлия. Кто она сейчас – друг, враг? Медленно оборачиваюсь.

Мельком бросаю взгляд на её осунувшееся, почерневшее за ночь лицо и воспалённые глаза. Проносится мысль – броситься вверх по склону, стреляя на ходу из пистолета – быть может, мне удастся убить Просвирняка. Впрочем, навряд ли. Мисс Казйлия произносит тихо, со значением:
«– Гайдроп учил тебя, что капитан не должен пользоваться чёрным оружием? Ты, у меня, ещё будешь капитаном. Это моё слово.»

.....

Поспел, наконец, чай. Мне тоже выдают эмалированную кружку, и мисс Казйли поит меня.

«– Какие ещё у вас будут последние желания, господин младший риггер», – паясничает приблизившийся Таможенник, – «Сигарету? Женщину?» – Он нагло смотрит в упор на мисс Казйлию.

«– Педикаре», – отвечаю я – «Pedicant curiosos. Особенно таможенников. Я без ума от твоей аппетитной задницы!» С удовольствием вижу, что мне удалось ему «залить сала за шкуру», как выражается наш Петренко. Глядя на его искажённую рожу, откидываюсь на кучу щебня, изготавливаю ноги для удара и удобнее прихватываю засунутый сзади под пояс пистолет. Таможенник с налитыми кровью глазами медленно приближается, что-то бормоча.

Мучения прошлой ночи, отвратительные угрозы Просвирняка...Превращение в считанные минуты, когда я в темноте попал в плен, осознал свою роковую оплошность, – превращение из победителя циклона, хозяина дирижабль-шхуны, в пленника-раба...Всё произошедшее со мной за последние сутки так отвратительно. Не лучше ли умереть сейчас, на глазах у ойлскинов. Мгновенно мелькнуло: «они такие же»... Что это значит? Такие же как я, низринутые судьбой? Да! Низринутые судьбой воздушные люди.

«– Нельзя! Не положено! Стоять!» – почти шёпотом говорит кто-то неподалёку от меня, автомат механика-3 нацелен в грудь Таможеннику, и рука маленького человека-фойермана готовится передёрнуть затвор. Он целиком на

стороне мисс Казйлии. Будет защищать только её и выполнять только её приказы. Всё моё существо полностью сосредоточено на ударе, который я сейчас вот нанесу Таможеннику, из всех сил, как только он приблизится. Нужно взвинтить тело, упираясь лопатками в грунт... двумя ногами в челюсть... Самый страшный удар – удар лежачего. Не замечаю, что Просвирняк внимательно наблюдает в бинокль за происходящим на нашем откосе-«языке», на галечной осыпи. Просвирняк поднялся и движется к нашей группе. Выстрел в воздух и команда «Заканчивай привал! Подъём!»

Показалось ли, действительно ли пропели дальние трубы? Конечно, галлюцинации, как после трёх суток в клинике.

Мы опять бредём по тропе; Таможенник семенит рядом с Просвирняком, угодливо кивая. Когда Просвирняк оглядывается и показывает рукой на нас с мисс Казйлией, Таможенник довольно скалится и кивает.

.....

Проскакали вдали архары. Уже никого из нас не удивляют рисунки на скале. Они сияют в лучах заходящего солнца. «Наведены золотом!» шёпотом, с восхищённым замиранием в голосе отмечает кто-то из ойлскинов.

Осыпь-воронка огромной котловины открылась перед нами внезапно. Долину замыкала массивная тёмно-серая скала и на её широком уступе-«плече», почти на вершине, лежал ледник в форме правильного ромба.

«– В этой воронке нас всех перестреляют. Или Полковник. Или эти, местные люди-медведи» – произносит кто-то из ойлскинов.

«– Вон она, пещера-святилище!» Просвирняк, следует отдать ему должное, хорошо понимал как управлять этими простыми душами. «Петренко! Следуйте на старую позицию, вот в тот окопчик! Прикроешь нас!» – и Просвирняк указывает на левый скат котловины, туда, где можно различить складку старинного окопа.

Ойлскины уже скатываются вниз, в воронку, скользя на осыпи. Они не обращают внимание на очередной столб

«Опасно, радиация!». Их не волнуют больше когтистые следы, отпечатанные в засохшей глине спуска. Их зоркие глаза разглядели тёмный вход пещеры на террасах правого склона, различили пёстрые флажки-приношения на ветвях. Чей-то взор, вправду ли, нет ли, даже различает тусклый блеск жёлтого металла.

«– Золотой Будда! Золотой Будда! Пещера сокровищ!» Наперегонки фигурки спустившихся в котловину быстро карабкаются, почти бегут вверх по склону, к основанию осыпи, окаймляющей вход в пещеру.

«– Так что же, мадам Боатсвейн, где же ваш Полковник?» – раздаётся канцелярский скрипучий голос Просвирняка.

«– Я бы советовала вам, господин Просвирняк, обращаться ко мне *донна Казйли*, как накануне нашей свадьбы!»

«– Не подумаю! Ваша семья разорена и вас я...» – он замолчал, не в силах сохранять безразличный тон. Видимо, в его планы не входило посвящать меня в их семейные тайны. – «В другой раз, не при вашем любовнике!»

«– CAVEAS ARMA AGERE», – сказала мне вполголоса мисс Казйлия. Просвирняк покраснел от скрытого усилия совладать с собой.

«– Ещё один иезуит? Ваш обращённый?»

«– Просто образованный и воспитанный молодой человек. Не полицей и не солдафон», – сказала мисс Казйли, нарочно отворачиваясь от линии гор.

Скелет Архара – продолжение

Рассказывает Штерчи

Ойлскины, перестав подчиняться приказам Просвирняка, карабкаются наперегонки по осыпи к пещере. «Золото! Золото!» кричит забравшийся выше других. Вся группа механиков, палуба четвёртого отсека, как мухи, приклеившиеся к варенью кто выше, кто ниже, увязли в осыпи. Они, будто актёры древнего театра, заняли полагающиеся им места на сцене, окружённые чашей театра, и способны только возглашать и жестиковать. Каждый шаг вверх по осыпи заканчивается скольжением вниз ровно на то же самое расстояние, и ноги всё глубже вязнут в коварном живом крошечке камней...

Просвирняк нервно смотрит на часы – наступило условленное время, час встречи с Полковником. «Сейчас, сейчас встретишься» – шепчет про себя Юнга, гадая «спасён не спасён». Точно в назначенное время, секунда в секунду, из пещеры раздался голос, глас... и трубы заревели в ответ наверху, на невидимых нам пространствах пенеплена. Красный молитвенный дирижабль зюнгорцев выскочил из невидимой ложины стремительно и беззвучно.

Плавную дугу над чашей заповедного урочища, до траверза пещеры сокровищ, *зюнгорец* описал за какие-то полминуты, и завершилось это явление невиданным манёвром: я впервые наблюдал торможение дирижабля юзом. «– Учитесь, Юнга, вот что значит современный пилотаж на Т-каттере с мощным энерговооружением. Местные контрабандисты – мастера манёвра и скорости» – сказала мисс Казилия конвоируемому ею Роксолану.

Скалы отвечали восторженным рёвом сотен молящихся: руки ламы сделали приветственный жест.

Сидя в ритуальной позе, он нёсся по воздуху в своей золотой лодке-подвеске, и зажатые в кулаках оранжево-розовые рукава его одежды вытянулись вымпелами на добрый десяток метров. Ритуал дирижабельного моления, зюнгорской мессы, тщательно отработан десятилетиями, и монахи-пилоты блестяще знают своё дело.

Мне показалось удивительным, как в этом культурном изоляте, труднодоступном районе Центральной Азии, через двести сорок лет возродились и кристаллизовались в религиозный канон спиритуалистические идеи Пьера Тесту-Брисси, с его верховыми парениями, культурные эксперименты мадам Гарнерен, пение из гондолы возносящегося баллуна... Вот золотая ладья, осенённая сверху красным облаком, описала полный круг, завершив благословение паломников, стоящих на плоских вершинах. (Там, на пенепленах, сколько их – сотни? Тысячи?) Включён хвостовой маневровый движитель и красное облако, не сдвигаясь с места, совершает медленное вращение – необычный для классических дирижаблей манёвр, предусмотренный неизвестным мне ритуалом.

Можно догадаться: ещё минута, две, и кружение завершится, ладья обратится носом к священной пещере... Наверняка служители уже там; они готовят статую к торжественному явлению... Какое счастье, что наши ойлскины застряли на осыпи на полпути к пещере, что они не успели вскарабкаться наверх, не осквернили пещеру своим алчным присутствием... Помнится, давно когда-то я слышал рассказ о туристах, похитивших где-то в сибирской тайге, вблизи своего привала на лодочном маршруте, золотую статуэтку из таёжного святилища-кумирни. Все лодки перевернулись на крутом повороте широкой таёжной реки. «Боги очень суровы к святотатцам» – говорил рассказчик таинственным голосом и добавлял – уже обычным тембром -- «эти таёжные люди... очень меткие стрелки».

Глава 20

Фламенко на тросе

5-6/X.2035

Рассказывает Юнга

Юнга завершает рассказ о злключениях на грунте

Просвирняк опомнился от изумления одним из первых. Его тренированный мозг розыскного пса послал импульс – спасение в заложниках. Но зюнгорские воины уже спешили наперерез, отделяя меня и мисс Казйлию от перекошенного злобой лица «лузера». Вспоминая рассказы г-на Доктора, я решил, что это начались реактивные галлюцинации, явление хорошо известное среди люфتمانов, перенесших длительный стресс воздушного похода. Добавьте и методы *sleep deprivation*, применявшиеся по мне Просвирняком во время моего заключения. Я думал так: «Например, штурман Рисен-Ларсен, в конце трансполярного перехода *Норвегии*^{*43}, на пустынном берегу Аляски целый конный эскадрон почётного караула». Удивительным было стилизованное несообразие внутри бредовой картины. Что за чепуха – явление вымершего народа! Буддистские паломники – и вдруг внутри полигона Красной Армии, в запретной зоне Гулага! Это более фантастично, чем кавалергарды в тундре! Уместны здесь были бы, например, инопланетяне.

⁴³ Имеется в виду первый успешный переход через Северный Полюс экспедиции Амундсена-Нобиле на дирижабле Норвегия в 1926 году.

.....

ГАДИТАНА, только что принявшая на борт наших ойлскинов, выудившая их с осыпи, плывёт к выходу из котловины. Едва-едва подпирают её малые обороты движителей. На гафеле развевается «Синий Пётр – *все на борт*». Задним числом я узнал, какие удивительные дипломатические таланты проявил Полковник, мой дядя. Он, оказывается, ухитрился заранее убедить окружение ламы спокойно отнестись к тому, как близко взобрались невежественные паломники из дикой Сибири (так он представил наших механиков, ошалевших от близости золота) к обиталищу Будды Зюнгорского. Появление из-за гор, через южный перевал Кок-Атау «Гадитаны», чужого воздушного корабля, и проход в такой близости от пещерного храма – тоже удалось представить, как самое почтительное поклонение. Были, будто бы, и какие-то ещё... обещания ли, подарки, неизвестно.

Бывают мгновения бездумных и бесповоротных решений. «Синий Пётр – все на борт!» это адресовано ко всем нам. Механики, ойлскины, приучены десятилетиями службы:

ЭКСФИЛЬТРАЦИЯ! Берег отставить.

«Люфтвайст спаси, Цеппелин хильфе унс» – безнадёжно шептал старинные молитвы каждый из них, увязнув в щёбне, на виду и под прицелом сотен *полноправных*, местных, ингенус'ов. Вынырнувшая из-за перевала «Гадитана» принимает их в лоно, в недра, куда же им деться ещё на этом свете...

И вот моя очередь. Нога вдета в раскачивающееся стремя, карабин пристёгнут к грудной обвязке; там, вверху, на лебёдке, потравливают трос, ожидая моего знака.

«– Мисс Казйлия!» – кричу я в отчаянии, протягиваю к ней руку; неловко подсакивая на одной ноге, делаю движение к ней навстречу. Про себя шепчу «Быстрее, быстрее! Сейчас лебёдожник дёрнет меня наверх!» Её лицо искажено

grimасой начинавшегося безнадежного боя, одной против всех. Слава богу, согласна! Она подпрыгивает, хватается рукой за «ручку», такое красное стальное кольцо с перекрестом, на приёмном конце подъёмного троса. Её ноги обхватывают меня... Неожданное тепло этого объятия – у всех на виду – контраст лица воительницы и мягкий вздох на секунду расслабленного живота, прижатого ко мне...

«Нагору*⁴⁴! Майна!» -- привычно командует она, выпростав руку.

.....

«Гадитана», покинув только что черту котловины чёрных камней, медленно плывёт вниз по ущелью, кормой вперёд; её курс развёрнут на пещеру, и молящиеся могут оценить куртуазность манёвра. Зависнув на медленно подбираемом тросе, мы с мисс Казйлией изображаем одну из чувственных пар Кхаджурахо. Вдвоём мы всё ещё глубоко под судном, почти на грунте, и на откосе-гребешке, заслонившем от меня котловину, на фоне темнеющего вечернего неба, я успеваю разглядеть движение конников, сгрудившихся вокруг Просвирняка и Штерчи, и узнаю в одном из верховых – моего «дядьку» Гайдропа.

Прозвучал наш сигнал – «Русская вечерняя зоря» – и с неба полилась симфоническая музыка конца ли XIX, начала XX века (дописано рукой Полковника – концерт для ф-но и скрипки). Голоса то героически возбуждались, прокламируя европейские ценности, то переходили на встревоженное бормотание. Кто-то, выпущенный на стропе с заднего *порт-хоула*, бежал по осыпи, периодически взлетая на пять-семь метров, и вновь ударяясь в костеломный грунт. Какой-то чудесный балетный танец-соло, КАТА люфт-марина высаженного на inhospitable terrain, одинокого перед судьбой, как танцор фламенко (Примечание Полковника: действительно, фламенко танцуют только мужчины и всегда в одиночку).

⁴⁴ (болг.) – вверх!

«Гадитана» уже успела выйти из зоны юрисдикции Зюнгорского Ламы, и мы находились на ничейной территории.

Скрестный шаг – на подскоке вращение 360 осмотреть местность – показ вооружённой левой на обнаруженного супостата – перекладка прицелов левой на правую и вращение 180 в обратную сторону – и т.д.

Тяжёлая масса танцующего уравнивала дифферент, и лебёdochник начал разгонять переднюю подвеску, с Юнгой и мисс Казйлией. «-- Скози!» -- успокоил я, Юнга, мисс Казйлию, подражая голосу итальянца Штерчи. Быстрым движением расстегнул её куртку, и, выхватывая ТиВи-камеру, успел вдохнуть запах её духов. Насколько можно в этом положении, она откинулась головой, отодвинулась от меня. Я успел подумать «Как далеки, как далеки вы от меня, мисс Казйлия...». Руки тем временем, по привычке, вбитой в меня археологом Штерчи ещё в те весенние недели, когда я был его *фиксером**⁴⁵, -- отбрасывали дисплей ЖКИ, перестраивали трансфокатор, в видеоискателе пробегали зелёные строчки настройки меню. «-- Съёмка пошла!» – резко сказал я мисс Казйлии, чтобы она не брыкалась.

Великолепная это была съёмка. Восточные борта ущелья, вдоль которых мы плывём, всё ещё были освещены вечерним солнцем. Камера – мы с мисс Казйлией – уходит всё выше, нас плавно выбирает лебёдка, в небо, к изливающим на нас музыку динамикам «Гадитаны».

(Примечание Доктора:

Отправляясь на грунт, Полковник переключил на судовое вещание наш радиоприёмник. Шла прямая трансляция Остерайх-айнс из Шварцерберга: клавир-трио е-дур Шуберта)

Как горный козёл, очутившийся вдруг на Луне, при гравитации 1/6 земного тяготения, вооружённый человек внизу

⁴⁵ Фиксер – наёмный ассистент приезжего фото- или видеокорреспондента

под нами топал тяжёлыми копытами противоосколочных джамп-бутов, разбрызгивая камешки, как воду. Он медленно и тяжело перелетал через расщелинки и ручьи; оказывался вдруг, чудесным образом, на вершущке огромного валуна...

На счётчике съёмки уже почти 200 секунд. «Гадитана» над нами, близко, огромная... Рубашка белоснежная, переkreшенная на спине ремнями подвесной системы, переhваченная в предплечьях *аментами* *⁴⁶... Совсем далеко, под нами. Трансфокатор- зуум на пределе, и трудно удерживать кадр. \\Он там\\ остаётся на грунте, приняв на себя нашу массу, мои и мисс Казйлии совместные 130 килограммов, покуда пост погружения-всплытия не восстановит опять статическое равновесие.

«— Белая рубашка, чёрные брюки, Хеклер-Кох», — сказала мисс Казйлия, хорошо разбирающаяся в марках оружия — «как это in style!»

Именно, мисс боатсвейн. Какие точные движения, какой совершенный контроль над каждой мышцей своего тела! Какой безумный слалом, этот бег-скачка-полёт по рельефному грунту, на путевой скорости двадцать узлов. Чем всё это закончится?*⁴⁷

.....

⁴⁶ Аментум (amentum) — ременная петля на древке или прикладной части, чтобы лучше держать оружие одной рукой и вернее им управлять (по Санчурскому)

⁴⁷ Стандартная статистика травматизма при операциях инфильтрации-эксфильтрации с воздушного судна на сложный рельеф, приблизительно такова:
перелом позвоночника — 5%
переломы нижних конечностей — 30%
прочие травмы небоевые — 8%
Общий процент невозвратных санитарных потерь — 25% (Прим. Доктора)

Больше нет смысла снимать Полковника — это действительно он — и мы снимаем панораму. Ледник. Долина-чаша, будто ваза окаймляет алый бутон молитвенного дирижабля зюнгорцев. Застывшие на пенеплене паломники и гвардия ламы в рогатых древних шлемах, исчезающая галлюцинация.

Наконец кто-то наверху — пост погружения-всплытия — принял решение. Или же высвободились руки. Наш подъём замедлился, затем остановился совершенно. Под рулевым плавником «Гадитаны» обрушилась, повисла на секунды белая водяная завеса. Освободившись от порции балласта, шхуна теперь статически уравновешена. Если бы хватало рук на борту, дирижабль-шхуна может сейчас одновременно всплывать на горизонт, ложиться на курс, и выбирать тали на обоих портах — центральном и хвостовом.

.....

Наконец мы с мисс Казйлией на грузовой палубе. Отстегиваем ремни и приходим в себя.

Переходим в смежный медицинский отсек, превращённый в подобие комнаты для приёмов. Полковник, поднявшийся на борт несколькими минутами раньше, уже придал своим членам надлежащее расположение, своему лицу — подобающее выражение: он встречает нас, полноправный и полномочный представитель победившей стороны. Риггер в углу возился с амуницией люфт-марина — броневой гильфик, джамп-буты, обвязки... всё у него по счёту, всё для хранения пакуется, всё учитывается...

Нам не предлагали сесть.

«— Наконец мой племянник сделал хоть что-то НЕ в нарушение уставов», — говорит дядя, глядя мимо меня. Он обращается к господину Доктору. — «Кажется, сейчас юноша совершил свой первый поступок в согласии с Уставом. Это ваша школа, Доктор».

И Полковник продолжал свой занудный урок: «– Вижу, единственное что до него доходит – медицина. Вы ему долго внушали правила действия персонала в очагах поражения и стихийных бедствий. При сортировке и эвакуации. В первую очередь – красивые женщины». Он помедлил, удерживая язык. Добавил как бы поправляясь, как бы стараясь замаять набегающую само собой армейскую грубость. «– Я хотел сказать, женщины детородного возраста. Извините, мисс Казйлия».

«– Благодарю вас за сдержанность, Полковник» – ответила она, как ни в чём не бывало.

Поза Полковника означала «да, я знаю, что был великолепен». (Мне вспомнилось, как в *Красном Манометре* из его комнаты доносились звуки – «мягкие прыжки тяжёлого кота», шутил Доктор, словами классика – звуки его ежедневных упражнений). Он произнёс: « Всю жизнь мечтал об этом. Помните?» И продекламировал со вкусом:

Главком Сорокин, в белоснежной черкеске, выпрыгнул из окопа и пошёл на носочках сапог вдоль передовых линий, отплывая лезгинку, стреляя в воздух одновременно из двух маузеров. Едва его стащили обратно в окоп⁴⁸.

«– В вашем поступке, однако, был смысл», – скромно вставила донья Казйлия – «я очень благодарна, и вам и вашему племяннику!»

Полковник нарочно, чтобы не поглядеть на неё, принялся в очередной раз отдиравать остатки липкой ленты с ладоней. Когда его втащили на борт лебёдкой кормового порта, г-н Доктор просто обрезал запасные магазинные коробки, приклеенные намертво скотчем. Говорят, так принято в настоящей войне.

«Гадитана» становилась на якоря, в том же якорном месте, что и шесть дней назад.

Переходной Эпикриз

Суббота, 6 октября 2035, утро

Гадитана опять поставлена на оборудованный якорный причал полигона Два Генерала, как и неделю тому назад. Идёт подготовка к переходу на восток, на озеро Ханка.

Доктор по секрету сообщил мне, что *аутенты* Мартыя-Лисс, из-за которых мы оказались в этом злосчастном и удивительном месте, находятся в центральном посту шхуны, в личном секретном сейфе начальника экспедиции (то есть моего дяди). Метеоролог Исебчи – он купил себе билет до Дирижаблепорта Ханко на наш борт – передал их нашей экспедиции, с зачётом своей доли в уплату. Давным-давно он вычислил их местонахождение: в заброшенном тогда ещё, в двадцатые годы, необитаемом буддистском храме под необыкновенно высокой сосной, в урочище чёрных камней.

Действительно, разгадка, как и указал молодой человек из Чебоксар, победитель Интернет-конкурса *Найди Сокровище*, крылась в эпиграмме Апофорета-84 *Manuale*:

НАЕС ABIES CHARTIS
TEMPORA LONGA DABIT

От имени начальника экспедиции мне объявлено, что я нахожусь под домашним арестом, так же как и мисс Казйлия, до полного разбирательства событий на грунте. Нам запрещено покидать пассажирскую палубу, кроме как по вызову в медицинский отсек – там проводилось дознание. Мы вдвоём, как и вначале экспедиции, проводим время в камбузе и кают-компании; я лишён моих прогулок по килевой тропе на палубу механиков.

⁴⁸ Артём Весёлый (цитата неточна)

[Конец Книги 3.

Ещё не всё! Продолжение следует !]